МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 3 (74) 2025

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2025

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. — Волгоград : ВА МВД России, 2025. — № 3 (74). — 190 с.

Учредитель и издатель — Волгоградская академия МВД России

Журнал основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год тиражом 250 экземпляров

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей, их аннотации и пристатейные библиографические списки размещаются на сайтах научных электронных библиотек eLIBRARY.RU **(www.elibrary.ru)**, «КиберЛенинка» **(www.cyberleninka.ru)**, в системе «Гарант» **(www.garant.ru),** электронно-библиотечной системе Znanium **(www.znanium.ru)**

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 23 мая 2019 г.
Регистрационный номер **ПИ № ФС77-75804**

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ / JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

№ 3 (74) 2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. С. Сафонова, доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Н. С. Сысолина, старший преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. Т. Аширбекова, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

О. П. Грибунов, исполняющий обязанности ректора Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

И. С. Дикарев, директор института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» — **22761**.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редакторы
Т. В. Рассказова,
М. В. Остертак

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
24.09.2025.

Дата выхода в свет:
30.09.2025.

Формат 60x84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 23,8.
Усл. печ. л. 22,1.
Тираж 250 экз.
Заказ 52.

Цена по подписке
на 2025 г.
по каталогу
«Пресса России»
1 674 руб.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2025

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С. В. Катков, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ненад Милич, проректор по учебной работе Криминалистического полицейского университета (Сербия), доктор юридических наук, профессор.

Д. М. Миразов, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор.

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, главный научный сотрудник по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Победкин, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Ручкин, профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

А. С. Самоделкин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

К. К. Сейтенов, профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шкаплеров, начальник отдела профессионального образования главного управления кадров МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

С. А. Янин, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. — Volgograd : VA MVD Rossii, 2025. — No 3 (74). — 190 p.

Founder and publisher — Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
250 copies

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published

The journal is included into the system of Russian index scientific citation. Full-text versions of articles, abstracts and bibliographic lists are placed on the sites of scientific electronic libraries "eLIBRARY.RU" **(www.elibrary.ru)**, "Cyberleninka" **(www.cyberleninka.ru)**, in the system "Garant" **(www.garant.ru),** electronic library system "Znanium" **(www.znanium.ru)**

The Journal is registered at the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate number **PI № FS77-75804** as of May 23, 2019

Subscription at the catalogue "Pressa Rossii" — **22761**

Site of journal: www.va-mvd.ru/vestnik/

EDITOR-IN-CHIEF

M. S. Kolosovich, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, deputy head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, candidate of juridical sciences, docent.

SCIENCE EDITOR

Yu. S. Safonova, associate professor at the department of preliminary investigation of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

EXECUTIVE SECRETARY

N. S. Sysolina, senior lecturer at the criminal law department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The editorial council

A. P. Alekseeva, professor at the department of criminal law, criminology and penal law of Kaliningrad branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

A. A. Aubakirova, head of the department of professional and psychological training and management of internal affairs bodies of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, senior researcher of the department of criminal procedure, criminalistics and forensic examination of the South Ural State University, doctor of juridical sciences, full professor.

M. T. Ashirbekova, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

M. V. Bavsun, deputy head of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

M. V. Bobovkin, professor at the document examination department of the training and scientific complex of forensic examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

V. G. Glebov, head of the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, candidate of juridical sciences, full professor.

O. P. Gribunov, acting rector of the Baikal State University, doctor of juridical sciences, full professor.

I. S. Dikarev, head of the law institute of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, docent.

O. B. Dronova, professor at the department of criminalistic techniques of the training and scientific complex of expert criminalistic activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

N. A. Egorova, professor at the criminal law department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

Editors
T. V. Rasskazova,
M. V. Ostertak

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial and publishing office:
400075, Volgograd region, Volgograd, Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
24.09.2025.

Date of publication:
30.09.2025.

Format 60x84/8.
Font Arial.
Physical print sheets 23,8.
Conventional print sheets 22,1.
250 copies.
Order 52.

Subscription price for the 2025 according by catalogue "Pressa Rossii"
1 674 rub.
(2 numbers).

Printed at the printing section of Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region, Volgograd, Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2025

S. G. Eremin, professor at the department of preliminary investigation of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

E. A. Zaitseva, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

E. I. Zamylin, professor at the criminalistics department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

S. V. Katkov, professor at the operational-investigative activity and special equipment department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

V. L. Kubyshko, deputy Minister of the Interior of Russia, candidate of pedagogical sciences.

L. V. Lobanova, head of the criminal law department of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, full professor.

V. F. Lugovik, professor at the operational-investigative activity department of the interior bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

Nenad Milić, vice-rector for teaching of the University of Criminal Investigation and Police Studies (Serbia), doctor of juridical sciences, full professor.

D. M. Mirazov, head of the department of criminal law disciplines of University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, doctor of juridical sciences, full professor.

A. L. Osipenko, deputy head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, doctor of juridical sciences, full professor.

N. V. Pavlichenko, chief researcher for the study of problems of the history of the Ministry of the Interior of Russia of the research center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

G. A. Pechnikov, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

A. V. Pobedkin, head of the department of criminal policy of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

V. A. Ruchkin, professor at the department of forensic examination and physical materials science of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, full professor.

A. S. Samodelkin, professor at the operational-investigative activity and special equipment department of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

K. K. Seitenov, professor at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's office of the Republic of Kazakhstan, doctor of juridical sciences, full professor.

B. P. Smagorinsky, professor at the criminalistics department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored science worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, professor at the department of criminal law of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

Yu. P. Shkaplerov, head of the professional education department of the main personnel department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, candidate of juridical sciences, docent.

S. A. Yanin, professor at the investigation work organization department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО 10 ***INTRODUCTION***

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

Алексеева А. П., Анисимов А. П.
Криминологическое исследование законодательных инициатив, усиливающих ответственность за поиск экстремистских материалов в сети Интернет — 11 — *Alexeyeva A. P., Anisimov A. P.*
Criminological study of legislative initiatives to enhance responsibility for searching for extremism-related materials on the Internet

Замылин Е. И.
Асоциальный образ жизни и прогрессирующая криминализация как следствие социально-политической деидеологизации общества — 19 — *Zamylin Ye. I.*
Antisocial lifestyle and progressive criminalization as a result of socio-political de-ideologization of society

Сейтенов К. К.
О соотношении некоторых противоправных деяний по законодательству Казахстана — 29 — *Seitenov K. K.*
On the relationship of certain illegal acts under the legislation of Kazakhstan

Щепельков В. Ф.
Уголовная ответственность за незаконный оборот персональных данных (статья 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) — 35 — *Shchepelkov V. F.*
Criminal liability for illegal personal data trafficking (article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

CRIMINAL PROCEDURE

Дикарев И. С.
Процессуальные статусы лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование — 43 — *Dikarev I. S.*
Procedural status of an individual subject to prosecution

Зайцева Е. А.
О возвращении уголовного дела прокурору сквозь призму разумности сроков уголовного судопроизводства — 50 — *Zaitseva Ye. A.*
On returning a criminal case to the prosecutor by applying reasonableness of the time limits of criminal proceedings

Колоколов Н. А.
Уголовное право и уголовный процесс:
учебник, журнал и монография,
их роль и место в образовательном процессе.
Часть 1. Доктрина в поисках концепции

60 *Kolokolov N. A.*
Criminal law and criminal procedure:
a textbook, a journal and a monograph,
their role and place in the educational process.
Part 1. Doctrine in looking for a concept

Манова Н. С.
Сущность транспарентности
уголовного судопроизводства
и ее системные характеристики

75 *Manova N. S.*
The essence of criminal procedure transparency
and its system characteristics

Поляков М. П.
Типология отечественного уголовного процесса
как насущная и масштабная научная проблема

83 *Polyakov M. P.*
Typology of domestic criminal procedure
as an urgent and important scientific issue

Стельмах В. Ю.
Функция защиты
в уголовном судопроизводстве:
некоторые современные проблемы
ее содержания и форм осуществления

91 *Stelmakh V. Yu.*
Defense function in criminal proceedings:
some current problems
of its content and implementation

Химичева О. В., Тутынин И. Б.
Обеспечение взыскания
процессуальных издержек
в уголовном судопроизводстве

100 *Khimicheva O. V., Tutynin I. B.*
Enforcement of proceeding costs
in criminal justice

КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINALISTICS

Дронова О. Б.
Системный подход к использованию
беспилотных воздушных судов в качестве
технико-криминалистического средства

109 *Dronova O. B.*
A systematic approach to apply
unmanned aerial vehicles
as forensic equipment

ОПЕРАТИНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

Павличенко Н. В.
Предание гласности сведений,
составляющих государственную тайну,
в оперативно-разыскной деятельности:
сущность и содержание

117 *Pavlichenko N. V.*
Giving publicity to information
constituting a state secret
in detective activities:
essence and content

УЧЕНЫЕ, ПРОСЛАВИВШИЕ ВОЛГОГРАДСКУЮ АКАДЕМИЮ МВД РОССИИ

Колосович О. С.
Влияние интеграции оперативно-разыскной деятельности в уголовное судопроизводство на эффективность международного сотрудничества правоохранительных органов: анализ материалов, подготовленных учеными Волгоградской академии МВД России 125

Контемирова Ю. В.
Жизнь, посвященная науке 133

Олейник Е. А.
Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: анализ научных трудов ученых Волгоградской академии МВД России 140

Попова О. А.
Основатели и последователи научных традиций кафедры организации следственной работы Волгоградской академии МВД России 146

Семененко Г. М., Курин А. А.
Применение многофункциональных комплексов сотрудниками органов внутренних дел для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений: анализ успешного опыта Волгоградской академии МВД России 154

Сидоренко О. В., Середа Ю. С.
Профессор Александр Георгиевич Егоров: полвека служения Отечеству. Очерк к 80-летнему юбилею 162

Стрилец О. В.
Ученый, учитель, коллега! (Светлой памяти Василия Васильевича Мальцева) 169

SCIENTISTS HAVING BROUGHT GLORY TO THE VOLGOGRAD ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Kolosovich O. S.
Influence of integration of detective activity into criminal proceedings on the efficiency of international cooperation of law enforcement agencies: analysis of materials by the academicians of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia 125

Kontemirova Yu. V.
Life dedicated to science 133

Oleinik Ye. A.
Providing security for the criminal proceedings participants: analysis of scientific papers by scientists of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia 140

Popova O. A.
Founders and followers of the scientific traditions of the department of investigative activity organization of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia 146

Semenenko G. M., Kurin A. A.
Application of multifunctional complexes by law enforcement officers to solve, investigate and prevent crimes: analysis of the successful experience of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia 154

Sidorenko O. V., Sereda Yu. S.
Professor Alexander Georgievich Yegorov: half a century of service to the Fatherland. Essay for the 80th anniversary 162

Strilets O. V.
Scientist, teacher, colleague! (To cherished memory of Vasily Vasiliyevich Maltsev) 169

Шаутаева Г. Х.
Основатели и последователи
научных традиций
кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России

175 *Shautayeva G. Kh.*
Founders and followers
of the scientific traditions
of the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia

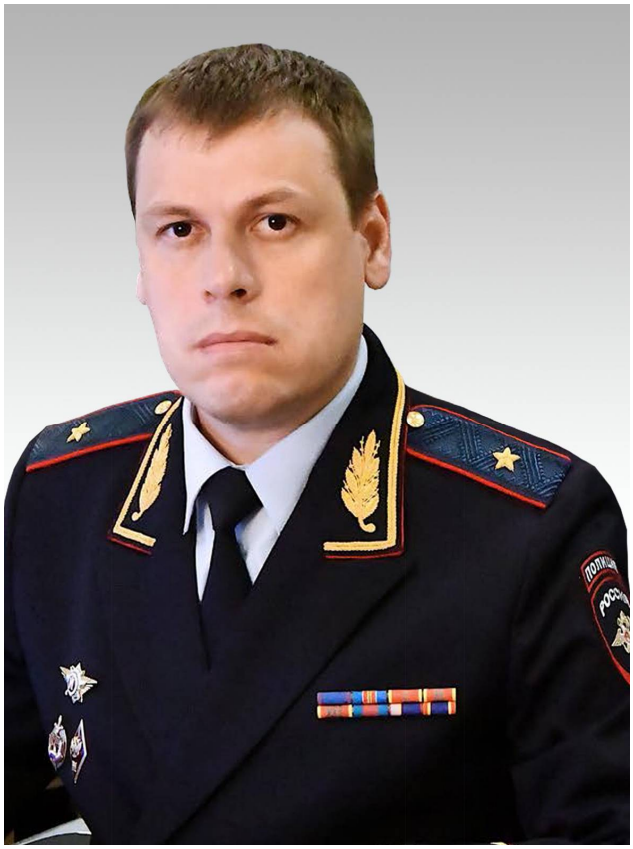
ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ НА МАТЕРИАЛЫ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, МОНОГРАФИИ И ДРУГИЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

REVIEWS AND REFEREE REPORTS OF THE MATERIALS OF DISSERTATIONS, MONOGRAPHS AND OTHER SCIENTIFIC WORKS

Смагоринский Б. П.
Отзыв официального оппонента
на диссертационное исследование
Сюзанны Карленовны Кулахсзян
«Провокация преступления
и криминалистические методы ее проверки
и разоблачения», представленное на соискание
ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

183 *Smagorinsky B. P.*
Official opponent’s review of the dissertation:
Syuzanna Karlenovna Kulakhszyan
"Provocation of a crime and criminalistic methods
of its verification and identification",
presented for the degree of candidate
of juridical sciences on specialty
5.1.4. Criminal legal sciences (law sciences)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО



Уважаемые коллеги!

От имени руководства и коллектива Волгоградской академии МВД России приветствую вас и выражаю признательность за возможность обратиться к вам в рамках данного издания — «Вестника Волгоградской академии МВД России».

22 апреля 2005 г. вышел в свет первый номер журнала. За два десятилетия его существования опубликовано 2 086 научных статей, представленных авторами из 124 образовательных и научных учреждений Российской Федерации, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.

«Вестник Волгоградской академии МВД России» зарекомендовал себя как авторитетная площадка для обсуждения актуальных проблем в области уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Журнал играет важную роль в развитии ведомственной науки и подготовке высококвалифицированных кадров, способных эффективно противодействовать современным вызовам и угрозам.

Среди авторов журнала — ведущие ученые, практикующие юристы, сотрудники правоохранительных органов и молодые исследователи. Публикации в журнале не только обогащают научный дискурс, но и способствуют поиску решений сложных правовых проблем. «Вестник» стал неотъемлемой частью научной жизни академии и всего юридического сообщества России.

Особую благодарность хочу выразить членам редакционного совета и редколлегии. Ваши экспертные оценки и критические замечания способствуют поддержанию высокого уровня научной строгости и актуальности публикуемых материалов. Значим также ваш вклад в развитие специализированных рубрик, посвященных вопросам правоприменительной практики.

Не менее важен вклад литературных редакторов, технических специалистов, дизайнеров и верстальщиков, благодаря которым журнал имеет не только отвечающее научным критериям содержание, но и эстетическое оформление.

Благодарю всех авторов, рецензентов и членов редакционной коллегии за преданность делу: это позволило журналу занять достойное место в научном сообществе. Ваша работа является основой успеха и авторитета издания.

Желаю «Вестнику Волгоградской академии МВД России» дальнейшего развития, творческой энергии, новых актуальных тем и выдающихся авторов. Пусть каждый выпуск журнала остается востребованным и полезным инструментом для тех, кто стоит на страже правопорядка.

Начальник
Волгоградской академии МВД России
кандидат экономических наук, доцент
генерал-майор полиции
Роман Васильевич Павленков
volakdm@va-mvd.ru

УДК 343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ, УСИЛИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОИСК ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Анна Павловна Алексеева*, Алексей Павлович Анисимов**

* Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия, alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

** Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия, anisimovap@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты криминологического исследования законодательных инициатив относительно введения в Российской Федерации ответственности за умышленный поиск экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационных сетях. Анализируется законодательство, закрепившее переход от модели преследования за распространение в цифровой среде некоторых видов информации к контролю за ее потреблением.

Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания. Кроме того, выполнен документальный анализ нормативных правовых актов и федерального списка экстремистских материалов; изучены статистические данные МВД России о динамике экстремистской преступности за последние пять лет; проведено экспертное анкетирование 20 специалистов правоохранительных органов; осуществлен сравнительно-правовой анализ международного опыта регулирования цифрового контента.

Выявлены основные социальные детерминанты криминализации информационного поведения граждан: рост цифрового компонента экстремистских преступлений с 22 до 29 %, необходимость превентивного воздействия и политический запрос на усиление информационного контроля. Установлены ключевые правоприменительные риски: сложность доказывания субъективной стороны правонарушения, возможность выборочного применения нормы и потенциальная угроза конституционному праву на свободу получения информации. Сравнительный анализ с белорусской и британской моделями показал высокие социальные издержки криминализации потребления контента. Исследование прогнозирует эффект «замораживания» информационной активности граждан и обесценивание понятия экстремизма.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, ответственность за поиск информации, цифровая преступность, информационная безопасность, правоприменительные риски регулирования, меры противодействия экстремизму

Для цитирования: Алексеева А. П., Анисимов А. П. Криминологическое исследование законодательных инициатив, усиливающих ответственность за поиск экстремистских материалов в сети Интернет // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 11—18.

CRIMINOLOGICAL STUDY OF LEGISLATIVE INITIATIVES TO ENHANCE RESPONSIBILITY FOR SEARCHING FOR EXTREMISM-RELATED MATERIALS ON THE INTERNET

Anna Pavlovna Alexeyeva*, Alexey Pavlovich Anisimov**

* Kaliningrad branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russia, alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

** Don State Technical University, Rostov on Don, Russia, anisimovap@mail.ru

Abstract. This article deals with the results of a criminological study of legislative initiatives related to the introduction of responsibility for the deliberate search for extremism-related materials in information and telecommunication networks in the Russian Federation. It analyzes the legislation to have fixed the transition from a model of prosecution for dissemination of certain types of information to control over its use in the digital environment.

© Алексеева А. П., 2025

Methodological basis of the study is the dialectical method of cognition. In addition to it, a documentary analysis of regulatory legal acts and the federal list of extremism-related materials has been made; statistical data on the dynamics of extremism-related crime over the past five years from the Ministry of the Interior of Russia have been examined; an expert survey of 20 law enforcement specialists has been conducted; and a comparative legal analysis of international experience to regulate digital content has been made.

The key social determinants to criminalize citizens' information behavior have been identified: an increase in the digital component of extremism-related crimes from 22 to 29 %, the need for preventive action, and a political demand to enhance information control. The key law enforcement risks have been identified: the difficulty to prove the subjective aspect of an offense, the possibility to apply the norm selectively, and the potential threat to the constitutional right to freedom of information. A comparative analysis with the Belarusian and British models has demonstrated the high social costs of criminalizing content use. The study predicts a "freezing" effect on citizens' information activity and a devaluation of the concept of extremism.

Keywords: extremism-related activity, responsibility for information search, digital crime, information security, law enforcement risks to regulate, measures to counteract extremism

For citation: Alexeyeva A. P., Anisimov A. P. Criminological study of legislative initiatives to enhance responsibility for searching for extremism-related materials on the Internet. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 11—18, 2025. (In Russ.).

Переход общества к цифровой коммуникации радикально изменил природу экстремистской активности и механизм ее контроля. Если в первой волне антиэкстремистского законодательства (Федеральный закон № 232-ФЗ от 28.06.2021) акцент ставился на запрет производства и распространения противоправного контента, то нынешний подход к регулированию общественных отношений смещается в сторону контроля потребления информации. Кульминацией этой эволюции стало принятие 31.07.2025 Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации Федерального закона № 281-ФЗ (далее — ФЗ № 281), внедрившего в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) новую статью 13.53 (поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним).

Введение новой нормы, предусматривающей ответственность за «умышленный поиск» экстремистских материалов и рекламу средств обхода блокировок, по мнению законодателя, стало необходимым инструментом комплексного противодействия экстремизму, который позволит сочетать превентивные и уголовно-правовые меры; законодательно закрепить ответственность за потребление противоправного контента, создающего угрозу национальной безопасности; устранить правовые пробелы и повысить прозрачность правоприменения. Такой подход, с точки зрения депутатов, отвечает требованиям информационной безопасности, соответствует международным стандартам и позволяет эффективно противодействовать новым формам экстремистской деятельности.

В качестве обоснования такого решения депутаты отметили, что телекоммуникации характеризуются анонимностью, массовостью и трансграничностью, и в последнее время они часто используются как средство для вербовки, пропаганды и координации преступлений экстремистской направленности. Действительно, доля экстремистских преступлений с цифровым компонентом выросла с 22 почти до 30 % от общего числа преступлений экстремистской направленности [1, с. 72]. До принятия ФЗ № 281 законодательство предусматривало ответственность только за распространение экстремистских сведений (ст. 13.15, 20.3, 20.29 КоАП РФ, ст. 280—282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)), тогда как поиск и доступ к ним не был криминализирован [2, с. 157]. Теперь же умышленные действия, направленные на поиск сведений, включенных в федеральный список экстремистских материалов, и получение доступа к ним подпадают под действие новой ст. 13.53 КоАП РФ [3, с. 104].

Д. О. Маркин, С. М. Макеев, Н. В. Изотов и А. Ю. Андросов по этому поводу пишут, что угроза бесконтрольного распространения экстремистской идеологии стимулирует самоцензуру и снижает уровень доверия к государству, когда граждане не ощущают защиты от радикализации [4, с. 86]. Без установленных государством ограничений на поиск подобных сведений создается зона правовой неопределенности, минимизирующая риски обнаружения экстремистов благодаря использованию VPN, прокси и анонимайзеров. Ответственность за умышленный поиск экстремистских материалов позволяет правоохранительным органам выявлять склонность к радикализации на ранней стадии и предотвращать преступления еще на этапе формирования экстремистских намерений [5, с. 113].

С другой стороны, поправки, внесенные ФЗ № 281, вызывают вопросы об их соответствии статье 29 Конституции Российской Федерации и международным стандартам свободы выражения мнения; предполагают задействование ранее неиспытанной в России технологии массового мониторинга поисковых запросов, а значит, создают прецедент расширения цифрового надзора; ставят вопрос о необходимости криминологического осмысления превентивного потенциала новых санкций.

Цель настоящего исследования — определить социальные детерминанты, правоприменительные риски и вероятные криминологические последствия введения ответственности за умышленный поиск экстремистских материалов. Научная новизна состоит в выявлении специфики перехода от модели «контроль распространения» к модели «контроль потребления» в российском антиэкстремистском законодательстве и в сопоставлении ее с зарубежными аналогами.

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания, позволяющий рассматривать институт содействия граждан в динамике его развития и во взаимосвязи с другими правовыми институтами. Формально-юридический метод применялся для анализа нормативных правовых актов, устанавливающих ответственность за экстремистскую активность в Интернете (ФЗ № 281, федеральный список экстремистских материалов — 5 473 позиции на 31.07.2025). Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить российскую модель с белорусской практикой криминализации подобных действий и с британским Online Safety Act 2025. Статистический метод дал возможность изучить сведения о преступлениях экстремистской направленности за 2018—2024 гг., включая их ИТК-компонент. Комбинация количественных и качественных методов позволила синтезировать достоверную картину как нормативных, так и эмпирических аспектов проблемы.

По некоторым данным[1], количество преступлений экстремистской направленности в России за последние пять лет существенно выросло (табл. 1).

Рост цифрового компонента подтверждает переход экстремистской активности в онлайн-сферу и объективизирует стремление законодателя воздействовать на «информационное поведение» до стадии распространения [6, с. 498]. Статья 13.53 КоАП РФ вводит штраф за «умышленный поиск» материалов из федерального списка и рекламу VPN-сервисов. Объективная сторона выражается в действии (запрос, открытие страницы), субъективная — в прямом умысле; состав формально-материальный, что усложняет доказывание. В целях изучения мнения специалистов по этому поводу нами было проведено эмпирическое исследование — заочный опрос в форме анкетирования сотрудников Центра противодействия экстремизму по Калининградской области.

78,9 % опрошенных нами полицейских ожидают «систематические трудности» с доказательством заведомости поиска из-за отсутствия технических средств фиксации субъективной стороны. Респонденты отмечают, что нужна разработка и внедрение в деятельность МВД России специализированного оборудования и программного обеспечения для надежной фиксации фактов и параметров дистанционного доступа, позволяющих объективно фиксировать знание и волевое намерение пользователя получить доступ к экстремистским материалам. Без подобных средств оперативные сотрудники будут вынуждены полагаться на косвенные доказательства и экспертизу, что замедлит процесс расследования и снизит процент переданных в суд дел.

Таблица 1

Количество преступлений экстремистской направленности в России

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Зарегистрировано преступлений экстремистской направленности, всего	1 340	1 057	1 380	1 430	1 719
Из них с использованием ИТК-технологий	295 (22 %)	310 (29 %)	378 (27 %)	420 (29 %)	447 (26 %)

[1] Экстремизм в России. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Экстремизм_в_России (дата обращения: 29.04.2025).

67,2 % специалистов указывают на риск роста «ложноположительных» срабатываний автоматических систем DPI при анализе трафика VPN, что свидетельствует о недостаточной зрелости автоматических методов фильтрации. Потребуется создание многоуровневой системы контроля: сочетание предиктивного анализа трафика с последующей ручной верификацией «подозрительных» событий. Необходима доработка DPI-алгоритмов с учетом легитимного использования VPN для защиты приватности, чтобы минимизировать блокировки невиновных граждан.

41,3 % прогнозируют выборочное применение нормы в отношении политически активных пользователей, что указывает на риск дискриминации и утраты доверия населения к правоохранительным органам. Требуются четкие критерии и прозрачные процедуры отбора «объектов мониторинга», подкрепленные нормативными документами МВД России или Роскомнадзора. Необходимо обеспечить возможность обжалования любых мер по анализу трафика и доступу к пользовательским данным как минимум через надзор прокуратуры или уполномоченного по правам человека.

В совокупности эти три тенденции отражают риски текущей правоприменительной практики и обосновывают необходимость совершенствования технической базы обеспечения доказывания (специализированные системы фиксации), корректировки методик применения DPI-средств (баланс между безопасностью и уважением приватности) и усиления правовых гарантий непротиворечивого и беспристрастного контроля.

Определенные опасения вызывает возможность преследования за поиск и распространение экстремистских материалов ученых, журналистов и адвокатов, осуществляющих свою профессиональную деятельность. В целях защиты конституционных прав на свободу информации (ч. 5 ст. 29 УК РФ), научную и журналистскую свободу, а также прав на защиту (ст. 48 Конституции РФ) предлагается внести в действующее законодательство исключения, освобождающие от уголовной и административной ответственности лиц, действующих в рамках научных исследований (имеют служебное задание на проведение научного исследования от аккредитованного учреждения); журналистской деятельности (имеют редакционное удостоверение и редакционное задание от зарегистрированного СМИ); адвокатской практики (имеют доверенность или ордер и поручение от доверителя, предусмотренное ст. 17 ФЗ «Об адвокатуре»[1]). Освобождение от ответственности обеспечит ученым, журналистам и адвокатам возможность легального доступа к материалам из Единого федерального списка экстремистских материалов для сбора доказательств и их анализа; накопления и научного обоснования данных по экстремистским тенденциям и судебной практике; объективного освещения происшествий в СМИ и защиты интересов доверителей по уголовным делам по ст. 280—282 УК РФ. Думается, что такие изменения можно было бы сформулировать следующим образом:

1. Внести в ч. 2 ст. 282 УК РФ абзац: «Не признаются публичным оправданием экстремизма действия, совершенные в рамках научных исследований, журналистских запросов и адвокатской защиты, при наличии у лица соответствующих служебных или редакционных заданий, доверенности или ордера».

2. Внести аналогичное исключение в ч. 2 ст. 280 УК РФ.

3. КоАП РФ (ст. 20.3 и 20.29) дополнить абзацем: «Действия, направленные на поиск, скачивание или передачу материалов из федерального списка экстремистских материалов в целях проведения научных исследований, подготовки журналистского материала или защиты интересов доверителя в уголовном процессе, не влекут административной ответственности при наличии подтверждающих документов».

Такие изменения позволят исключить психологический барьер и правовую неопределенность, сдерживающие научную работу и журналистские расследования экстремизма; повысить качество судебных и научных материалов за счет свободного доступа к исходным документам; укрепить права адвокатов при сборе доказательств по делам экстремистской направленности; снизить число фактов ошибочного уголовного преследования ученых, журналистов и адвокатов, действующих в рамках возложенных на них профессиональных функций. Реализация представленных предложений позволит сбалансировать охранительные цели законодательства об экстремизме с конституционно гарантированными правами и интересами профессиональных категорий: ученых, журналистов и адвокатов.

[1] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 29.04.2025).

Справедливости ради стоит отметить, что российский опыт введения ответственности за поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним не является уникальным. Похожие изменения произошли в Беларуси и Великобритании (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ параметров ограничений на поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним в России, Белоруссии и Великобритании

Критерий	Россия, 2025	Беларусь, 2021—2024	Великобритания, 2025
Целевой объект регулирования	Поиск экстремистских материалов	Репост, подписка, лайк «экстремистского» контента	Любой «вредный» контент, включая приватные сообщения
Уровень санкций для граждан	3 000—5 000 руб.	10—50 базовых величин (≈ 130—650 USD)	Штраф до 10 % глобального оборота для платформ
Предмет доказывания	Заведомость и умысел	Факт взаимодействия	Наличие «реального риска»
Замеченные социальные эффекты	Ожидаемый «охлаждающий эффект»	Сокращение аудитории независимых медиа на 25—70 %	Уход зашифрованных мессенджеров с рынка

Из представленных сведений следует, что в России присутствует четкая адресация только «внесенного в реестр» экстремистского контента, которая снижает риск произвольного применения закона. С другой стороны, фокус на умышленном поиске создает «черный список запрещенных знаний» и осложняет доступ к правовым и историческим материалам [7, с. 145]. Умеренные штрафы малоощутимы для иностранных или аффилированных с «экстремистами» лиц и не влияют на платформы [8, с. 24].

В Беларуси широкий охват наказуемых действий (репосты, подписка, «содействие») позволяет властям оперативно блокировать нелояльные источники информации (до 70 % ресурсов). Неопределенность критериев «экстремизма» и «содействия» привела к массовому «отписыванию» и дезориентации аудитории (от −25 до −70 %), но не снизила фактического доступа к альтернативным каналам. В то же время ужесточение ответственности за «содействие» и «участие» расширило круг возможных обвиняемых, что усилило «эффект запугивания» и подорвало доверие к независимым СМИ.

Великобритания предприняла комплексный подход: сочетание оценки рисков от «приоритетных правонарушений» и терроризма и модерация, удаление, минимизация времени присутствия нелегального контента, что делает регуляцию исчерпывающей. Гибкая шкала санкций, включающая штрафы до 10 % глобального оборота для платформ, создает мощный стимул для крупных организаций к соблюдению предписаний. Однако высокие штрафы и требования по сканированию контента могут привести к чрезмерной модерации и появлению «охлаждающего эффекта» для свободного обмена информацией, особенно в отношении «серой зоны» экстремистского контента. Обязательное использование проактивной технологии и проверки возраста для защиты детей ставит под угрозу шифрование и приватность пользователей.

Соответственно, более жесткие меры лучше подавляют экстремистские кампании, но несут риск чрезмерной цензуры и оттока аудитории (Великобритания, Беларусь). Жесткие законы без прозрачных определений приводят к широкому «отписыванию» и уходу в незарегистрированные каналы, не снижая доступ к контенту (Беларусь). Адресность требований обеспечивает большую управляемость, но снижает потенциал воздействия на новые, неучтенные угрозы (Россия) [9, с. 67; 10, с. 65]. Штрафы, привязанные к обороту (Великобритания), или строгие административные меры (Беларусь) оказываются более эффективными в принуждении платформ, чем символические штрафы (Россия). Риск избыточной модерации присутствует при широком администрировании

(Великобритания). Оптимальным выглядит комбинированный подход Великобритании при активном учете «охлаждающего эффекта» и защите прав пользователей, а также проработанные критерии в российской модели, исключающие чрезмерную регуляцию, но сохраняющие оперативные механизмы влияния. Опыт Беларуси позволяет извлекать уроки прозрачности и предсказуемости регулирования. Таким образом, необходимо обеспечить баланс между мерами безопасности и механизмами обжалования модерации [11, с. 32].

Исследование показало, что переход от преследования распространителей к преследованию потребителей информации является ключевой тенденцией российской антиэкстремистской политики. ФЗ № 281, формально нацеленный на превенцию радикализации, объективно создает правовую неопределенность (сложно установить умысел и «заведомость»); технологический вызов (отсутствие надежных инструментов фиксации поисковых действий без глубинного DPI); риск нарушения фундаментальных свобод, что подтверждается опытом Беларуси и критикой британского Online Safety Act 2025 со стороны правозащитных организаций.

Для изменения ситуации потребуется более тщательно закрепить перечень признаков, свидетельствующих о заведомости (например, многократный повтор запроса, использование специализированных форумов) [12, с. 64]; ввести исключения на поиск заведомо экстремистских материалов для научных работников, журналистов и адвокатов, имеющих служебное или редакционное задание [13, с. 37]; разработать судебные разъяснения Верховного Суда РФ о правилах доказывания субъективной стороны и соразмерности санкций [14, с. 143]; реализовать программы образовательного характера, которые позволят снизить потребность в карательных мерах [15, с. 217].

Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на мониторинге практики применения статьи 13.53 КоАП РФ, моделировании ее влияния на статистику экстремистских преступлений и выработке эмпирически обоснованных критериев допустимого ограничения информационных прав. Только баланс между безопасностью и свободой позволит системе реагировать на реальные угрозы, не подрывая при этом легитимность права как института социального регулирования.

1. Баранов В. В., Захватов И. Ю. Перспективные направления противодействия экстремизму в сети Интернет органами внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 70—79.

2. Кузьмин С. И., Жилкин М. Г. Проблемы борьбы с преступлениями экстремистской направленности, совершенными с использованием сети «Интернет» // Ученые записки. 2018. № 4 (28). С. 157—163.

3. Алескеров В. И., Баранов В. В. Телекоммуникация и киберпространство как средство преступления экстремистской и террористической направленности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1 (53). С. 104—113.

4. Система идентификации информационных угроз на основе открытых данных сети интернет / Д. О. Маркин, С. М. Макеев, Н. В. Изотов, А. Ю. Андросов // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2020. № 9. С. 86—94.

5. Баранов В. В. Использование искусственного интеллекта для выявления и предотвращения распространения экстремистской и террористической пропаганды в Интернете // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 113—128.

1. Baranov V. V., Zakhvatov I. Yu. Long-term directions to counteract extremism on the Internet by the internal affairs bodies of the Russian Federation. Scientific works of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia, 70—79, 2023. (In Russ.).

2. Kuzmin S. I., Zhilkin M. G. Problems to fight extremism-related crimes committed by using the Internet. Scientific Notes, 157—163, 2018. (In Russ.).

3. Aleskerov V. I., Baranov V. V. Telecommunication and cyberspace as a means of extremism-and-terrorism-related crimes. Scientific works of the Academy of Management of the MIA of Russia, 104—113, 2020. (In Russ.).

4. Markin D. O., Makeyev S. M., Izotov N. V. (et al.) System for identifying information threats based on the public Internet data. Izvestiya Tula State University. Technical Sciences, 86—94, 2020. (In Russ.).

5. Baranov V. V. Using artificial intelligence to identify and prevent dissemination of extremism-and-terrorism-related propaganda on the Internet. Scientific works of the Academy of Management of the MIA of Russia; 13—128, 2024. (In Russ.).

6. Хайбуллин А. Р., Насртдинова Р. Р. Проблемы законодательства Российской Федерации в сфере регулирования распространения информации в сети Интернет // Аллея науки. 2023. Т. 2, № 12 (87). С. 498—503.

7. Куприянова А. Д. Власть и оппозиция в России: особенности взаимодействия // Россия: общество, политика, история. 2024. № 3 (12). С. 145—177.

8. Алексеева А. П. Перспективы развития уголовного законодательства в киберсфере // Подготовка сотрудников полиции к использованию информационных технологий в борьбе с преступностью : сб. науч. тр. по материалам II Всерос. межвуз. науч.-практ. конф., Волгоград, 6 декабря 2016 г. Вып. 2. Волгоград: ВА МВД России, 2017. С. 24—31.

9. Петросян Д. А. Особенности проведения некоторых оперативно-разыскных мероприятий в отношении несовершеннолетних, вовлеченных в преступную деятельность // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (76). С. 67—73.

10. Артюхов А. В. Противодействие незаконному обороту наркотиков, совершаемому с использованием сети Интернет, силами оперативных подразделений органов внутренних дел // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (74). С. 65—70.

11. Динамика противоправного контента в Рунете за 2021—2024 годы: исследование НЦПТИ / С. А. Чурилов, А. А. Пименова, Ю. Д. Хлыстова, А. В. Волощук // Обзор.НЦПТИ. 2024. № 4 (39). С. 32—52.

12. Хлебушкин А. Г. Установление умысла при квалификации преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 3. С. 64—72.

13. Ильиных Н. А. Использование информационных платформ и искусственного интеллекта в противодействии фейковым новостям как мера предупреждения киберэкстремизма // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1 (96). С. 37—43.

14. Гурбанов Э. Ш. Полномочия судов по предупреждению преступлений террористической и экстремистской направленности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (57). С. 143—147.

6. Khaybullin A. R., Nasrtdinova R. R. Problems related to the legislation of the Russian Federation in the sphere of regulation of dissemination of information on the Internet. Alley of Science, 498—503, 2023. (In Russ.).

7. Kupriyanova A. D. Power and opposition in Russia: specifics of interaction. Russia: society, politics, history, 145—177, 2024. (In Russ.).

8. Alexeyeva A. P. Prospects for development of the criminal legislation in cyber sphere. In: Training police officers to use information technologies, while fighting crime. Collection of scientific works based on the materials of the II All-Russian interuniversity scientific and practical conference, Volgograd, 6 December 2016. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2017: 24–31. (In Russ.).

9. Petrosyan D. A. Specifics to conduct some search measures related to the minors involved in criminal activities. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 67—73, 2024. (In Russ.).

10. Artyukhov A. V. Counteracting illegal drug trafficking committed by using the Internet by forces of the detective units of the internal affairs bodies. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 65—70, 2023. (In Russ.).

11. Churilov S. A., Pimenova A. A., Khlystova Yu. D., Voloshchuk A. V. Dynamics of illegal content in the RuNet in 2021—2024: a study made by the National Center for Psychological, Technical and Informative Research. Review of the National Center for Psychological, Technical and Informative Research, 32—52, 2024. (In Russ.).

12. Khlebushkin A. G. Identifying intent related to the qualification of extremism-related crimes committed by using information and telecommunication networks. Criminal law: development strategy in the 21st century, 64—72, 2024. (In Russ.).

13. Ilyinykh N. A. Using information platforms and artificial intelligence to counter fake news as a measure to prevent cyber-extremism. Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 37—43, 2025. (In Russ.).

14. Gurbanov E. Sh. Powers of courts to prevent terrorism-and-extremism-related crimes. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 143—147, 2019. (In Russ.).

15. Губанов В. М., Сметанкина Л. В. Технологии противодействия экстремизму в образовательной среде: специфика реализации // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 6-1. С. 217—226.

15. Gubanov V. M., Smetankina L. V. Technologies to counteract extremism in the educational sphere: specifics of implementing. Education Management: theory and practice, 217—226, 2024. (In Russ.).

Алексеева Анна Павловна,
профессор кафедры
уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
Россия, Калининград,
alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Alexeyeva Anna Pavlovna,
professor at the department of criminal law,
criminology and criminal-executive law
of the Kaliningrad branch
of the Saint Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
honored lawyer of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, full professor;
alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Анисимов Алексей Павлович,
профессор кафедры уголовного права
и публично-правовых дисциплин
Донского государственного
технического университета,
доктор юридических наук, профессор;
anisimovap@mail.ru

Anisimov Alexey Pavlovich,
professor at the department of criminal law
and public law disciplines
of the Don State Technical University,
doctor of juridical sciences, professor;
anisimovap@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.05.2025; одобрена после рецензирования 17.05.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 11.05.2025; approved after reviewing 17.05.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.9

АСОЦИАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И ПРОГРЕССИРУЮЩАЯ КРИМИНАЛИЗАЦИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Евгений Иванович Замылин
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, efrommm@mail.ru

Аннотация. Самоустранение государства от идеологического регулирования, провалы в нравственно-воспитательном процессе предопределили в сознании многих людей смешение этических стандартов. Отсутствие идеологических ориентиров, отрицание традиционных ценностей привело к образованию своеобразного «вакуума», который стала заполнять уголовная субкультура. Насаждая свои правила, атрибутику, она проникает во все слои населения (особенно в среду молодежи), становится элементом культуры; налицо смещение системы ценностей в сторону асоциального образа жизни. Культ потребления и паразитизма, антиобщественные «нормы-обычаи», азартные игры, блатной фольклор и жаргон, клички — эти и другие негативные явления в обществе регулируют деятельность неформальных групп, которым свойственна и криминальная направленность. На формирование массового сознания, становление целостной личности, ценностных ориентаций непосредственное воздействие оказывают и СМИ, которые порой манипулируют сознанием подрастающего поколения посредством сцен насилия, жестокости, порнографии, развращая его. Нравственные ограничения присущи каждой стране, однако в России инициатива по урегулированию данного вопроса на законодательном уровне сталкивается с противодействием в виде якобы «неоправданного ущемления свободы прессы».

Ключевые слова: государство, идеология, традиционные ценности, уголовная субкультура, асоциальный образ жизни, криминализация общества

Для цитирования: Замылин Е. И. Асоциальный образ жизни и прогрессирующая криминализация как следствие социально-политической деидеологизации общества // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 19—28.

ANTISOCIAL LIFESTYLE AND PROGRESSIVE CRIMINALIZATION AS A RESULT OF SOCIO-POLITICAL DE-IDEOLOGIZATION OF SOCIETY

Yevgeny Ivanovich Zamylin
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, efrommm@mail.ru

Abstract. The self-refusal of the state from ideological control, failures in the moral and educational process predetermined the amalgamation of ethic standards in the consciousness of many people. The lack of ideological guidelines and the denial of traditional values caused the formation of a kind of "vacuum" filled by the criminal subculture. Forcing its own rules and attributes, it enters all population groups (especially among young people), becomes a part of culture; a shift of the value system as an antisocial lifestyle is evident. The cult to consume and parasitize, antisocial "standards and customs", gambling, flash language, nicknames as well as other negative phenomena in society regulate the activities of informal groups, that are criminal too. The media, sometimes manipulate the consciousness of the younger generation through violent, cruel and pornographic material, corrupting it, directly affect the formation of mass consciousness, the development of an integral personality and values. Moral limitations are inherent to each country, but in Russia the initiative of legislative regulation of this issue faces resistance in the form of an allegedly "unjustified restriction of press freedom".

Keywords: state, ideology, traditional values, criminal subculture, antisocial lifestyle, criminalization of society

© Замылин Е. И., 2025

For citation: Zamylin Ye. I. Antisocial lifestyle and progressive criminalization as a result of socio-political de-ideologization of society. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 19—28, 2025. (In Russ.).

По причинам органическим
мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
сим исчадьем сатаны.
Широки натуры русские,
нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
юридических начал.

Б. Н. Алмазов, русский поэт-пародист, литературный критик, прозаик XIX в.

В последние годы все чаще в средствах массовой информации, а также в заявлениях видных политических и государственных деятелей звучат призывы к активизации патриотического воспитания подрастающего поколения (как это ни печально, некоторым из них свойственны чисто декларативные, популистские заявления), подспудно признаются и провалы в процессе государственного регулирования общественно значимых функций, идеологической составляющей нашего государства. Стремление к построению национального патриотического государства обусловлено активным поиском национальной идеи; насущная проблема по вопросу обеспечения и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей неоднократно высказывалась на страницах печати [1] и в официальных заявлениях на самом высоком уровне, в том числе на законодательном[1]. Еще в свое время древний мыслитель, философ, первый профессиональный учитель Китая Конфуций в качестве одного из основных условий процветания государства, кроме обеспечения населения хлебом и его вооруженной защиты, признавал «надлежащее состояние умов».

Здесь уместен вопрос: а не упущено ли время? Ведь родилось и выросло без идеологической составляющей практически два поколения. Мы, более старшее поколение, не вникая в проблему, не обращаясь к ее истокам, скажем прямо, порой не понимая сути происходящего, выступая в роли стороннего наблюдателя, задаемся вполне закономерным вопросом: откуда на смену нескольким поколениям созидателей-победителей появилось поколение потребителей? По меткому замечанию одного из критиков глобализма профессора А. С. Панарина, для «„потребительского человека“, взятого технократами в союзники в борьбе с традиционным менталитетом, деидеологизация означала реабилитацию принципа удовольствия, ослабление давления старой жертвенной морали, мешающей приобщиться к радости потребительского общества и к цивилизации досуга» [2].

А сегодня мы пожинаем плоды все тех же преобразований, когда в абсолют была возведена система мировоззрения, определенные нравственные принципы и нормы поведения личности, основанные на признании приоритета интересов отдельного человека над групповым или общественным интересом. Так называемый индивидуализм, в пику патриотизму как осознанной любви к Родине и ее традиционным ценностям, преданности Отчизне, своему народу и готовности к самопожертвованию ради высших идеалов, прославляет эгоизм, уникальность и самостоятельность отдельно взятого человека, утверждая его право на личный выбор, свободу действий и самовыражение, порой в противовес насущным потребностям социума. Патриотизм, становясь осмысленным и приобретая идеологическую нагрузку, вряд ли может находить отклик в сознании человека, который ставит свои интересы превыше интересов других, стремится к собственной выгоде в ущерб окружающим. На данный момент мы стали свидетелями того, как коллективизм, исконно присущий нашей цивилизации, утратил свою ценность, а община как форма объединения людей, существовавшая на протяжении всей истории нашей страны, посредством подмены ценностей была разобщена. Как следствие, возникают традиционные российские вопросы, до настоящего времени не получившие разрешения: кому это выгодно? кто в этом виноват? и что делать?

По нашему мнению, ответ заложен в самой сути вопроса, а именно: в ч. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации закреплен принцип, согласно которому «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Безусловно, это руководство к дей-

[1] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Информ.-правовой портал «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/ (дата обращения: 10.04.2025).

ствию. А вот здесь уже уместно привести тезис из монографии академика РАН, профессора О. Е. Кутафина «Российский конституционализм», где он отмечает: «Процесс деидеологизации нельзя понимать упрощенно. Стремление освободиться от всякой идеологии есть тоже идеология, и она может привести к отрицательным последствиям — разобщенности и даже конфронтации людей и борьбе между собой» [3, с. 14]. Взяв за основу приведенную позицию, трудно понять политику государства по самоустранению от идеологического регулирования, обосновать провалы в воспитательном процессе, в сфере формирования консолидированной государственной политики по защите общественной нравственности и духовности; можно лишь дать субъективную оценку данного процесса в стране (процесса деидеологизации), его последствий. А если, по О. Е. Кутафину, это не «самоустранение», а квазиидеология?

Политика 1990-х, утрата государством позиций в идеологической сфере современной России, разгул либерализма довольно четко предопределили стирание граней, смешение в сознании многих людей таких центральных категорий этики, характеризующих моральное сознание индивида, как «добро» и «зло», «правомерное» и «неправомерное», «законное» и «незаконное», «справедливое» и «несправедливое», «похвальное» и «постыдное» [4]; через призму данных понятий можно оценить поступки любого представителя того или иного общества. Довольно часто в последнее время, особенно в среде молодежи, берется за основу то, что понятия «честность», «порядочность», «взаимоуважение», «уважение к старшим», «сыновний долг», «долг перед Родиной» и др. — это прошлый век, и руководствоваться ими могут только «совки». Перечисленные понятия для части нового поколения порою полностью утратили свое смысловое наполнение, стали «относительными». О последствиях отрицания традиционных ценностей и нравственных ориентиров говорил Н. Г. Иванов: «...чем глубже общество погружается в атмосферу безнравственности, тем ярче виден всплеск преступности» [5, с. 26]. Эта мысль стала лейтмотивом нашей «пробы пера» в данном направлении.

В последней четверти XX в. как следствие борьбы с «тоталитарным режимом» под громкими лозунгами демократических преобразований в стране были порушены (признаем, независимо, отчасти незаметно для нас) традиционные ценности, которые служат основой для существования любого независимого социально ориентированного государства. Социалистическое мировоззрение, сформированное за 70 лет и занявшее отводимое ему место в сознании советских людей, было опошлено и «выброшено на свалку истории». Именно на фоне мировоззренческих установок социалистического периода развития страны воспитывался человек нового мироустройства, человек труда и патриот, создавалась модель образа человека будущего, который с рождения впитывал в себя ценности, возведенные в ранг социальных норм и гарантий, что до сих пор еще живо в сознании части населения страны. В целом это формировалось на базе идеологических установок, а идеология была возведена на уровень государственных приоритетов. Поэтому, осознавая, что коммунистическая идеология не может исчезнуть сама по себе априори, политическая элита, пришедшая к власти в 1990-х гг., пыталась, насколько это было возможно, ее извратить, выхолостить, особенно в условиях фатального имущественного расслоения (массового обнищания) граждан. Именно с подачи политической элиты термин «идеология» стал восприниматься в обществе как нечто агрессивное, насильственно навязанное сознанию, устремленное назад, в прошлое, к тоталитарному режиму. Взяв за основу данные ярлыки, властные структуры в России инициировали запрет на любую государственную идеологию.

Однако после «освобождения от ига» общеобязательной государственной коммунистической идеологии, когда все советские идеалы и ценности были полностью отвергнуты, на их месте образовалась пустота; страна оказалась в своеобразном «ценностном вакууме» [6, с. 157]. На фоне «безыдейности» стал проявляться такой негатив, как прямое нарушение действующих нормативно-правовых норм (пусть иногда и неумышленное); массовое несоблюдение юридических предписаний, когда субъекты дистанцируются от конкретных указаний, содержащихся в источниках права; нарушение или несоблюдение фундаментальных прав человека и др. Оказавшись в «идеологической пустоте», общество, по заявлению А. А. Маркова, неизбежно заполняется так называемыми корпоративными идеологиями, большинство из которых основаны на морали прагматизма, обогащения, квазирелигиозных учениях, на криминальных приоритетах и т. д. [7, с. 11].

Это тормозит развитие и правовой системы, и общества в целом. А если углубиться в детали, то трудно оспаривать тот факт, что отсутствие государственной идеологии (а значит, и правового

воспитания как одного из важнейших ее составляющих) на уровне подсознания человека проявляется в виде адаптации (терпимого отношения) к различного рода явлениям социальной патологии, несправедливости, в том числе привыкания к противоправным действиям, даже в ущерб его интересам, безразличия к их последствиям. Никого уже не удивить, что сегодня нормой жизни признаются жажда наживы, паразитизм, игнорирование норм этики и морали, общепризнанных норм поведения и пр.; в мировосприятии индивида утрачивается правовое предназначение действующего законодательства, нормы закона не рассматриваются им в качестве средства защиты и обеспечения прав и законных интересов как его лично, так и окружающих. «Лихие девяностые» породили целое поколение людей, для которых в приоритете высокая степень антиобщественной направленности; для любого из них в принципе «неважно, одобряется ли его поведение в общем или нет, соответствует ли это поведение требованиям всего общества. Для такого лица гораздо существенней одобрение со стороны того „микромира“, который его окружает» [8, с. 187]. Ответственность перед обществом здесь заменяется ответственностью перед группой, к которой он себя относит.

В результате отсутствия идеологических ориентиров за полувековой период для сознания значительной части населения стала свойственна своеобразная «деструкция», когда налицо смещение системы ценностей в сторону асоциального образа жизни, преступного поведения личности. В целом это привело к тому, что стало сложно дифференцировать общественно порицаемое (возможно даже, уголовно наказуемое) и социально полезное. Образовавшийся вакуум довольно успешно «осваивает» уголовная субкультура, вред и опасность которой в обществе, особенно для психики и жизненного кредо подрастающего поколения, до настоящего времени не получили должной оценки. Есть и такой прогноз, что полный уход государства из сферы идеологического регулирования может привести к сосредоточению идеологического контроля в руках организованной преступности; воздействие идеологии на общественное сознание примет криминальную направленность [9, с. 38].

Надо признать, что лица, являющиеся «проводниками» уголовной субкультуры в молодежную среду (как правило, это лица, ранее имеющие судимость), обладают необходимыми познаниями в области подростковой психологии: они берут на вооружение неустойчивость психики последних, незавершенный процесс их социально-психологической адаптации в социуме. Пытаясь разобраться во внутреннем мире субъектов преступной деятельности, мы получаем возможность ответить на целый ряд вопросов, особенно тех, что связаны с приверженностью неписаным нормам субкультуры, преступным традициям и обычаям. В качестве определяющих факторов, выступающих катализатором формирования психосоциальных черт, которые присущи «рекрутам» из числа молодых людей, можно опять обратиться к таким, как падение нравственности в обществе, утрата мировоззренческих ориентиров, проникновение преступных традиций в среду молодежи. А здесь уже и прельщение уголовной романтикой, и прелестями жизни, свободной от обязательств перед обществом, и пр.; налицо проявление конформизма в виде жесткой зависимости от соответствующей социальной среды. Психологи отмечают, что в несовершеннолетнем возрасте обострена боязнь прослыть слабым, несамостоятельным; это формирует соответствующую потребность самоутверждения среди сверстников, а то и стремление к превосходству, желание быть в центре внимания [10].

Уголовная субкультура, насаждая свои правила, атрибутику, даже посредством современных «произведений» кино-, видео-, теле- и книжной продукции, сети Интернет, активно проникая во все слои населения, становится элементом масскультуры. Занимая устойчивое положение в повседневной жизни нашего общества, культ потребления и паразитизма, антиобщественные нормы-обычаи, азартные игры, сленг как отход от норм литературного языка, блатной фольклор и блатной шансон, клички и пр. становятся привычными и воспроизводятся, пусть и в новом, трансформированном виде, в отдельных социальных группах. Эти и другие негативные явления в обществе стали прямо и непосредственно регулировать деятельность неформальных групп, внося в них определенный «порядок» и организованность, которым порой свойственна и криминальная направленность.

Проведенные исследования в данной области, в том числе на уровне целого ряда докторских диссертаций, убедительно доказали, что с проблемами субкультуры всегда так или иначе связан преступный образ жизни [11].

В свое время классики марксизма-ленинизма отмечали, что «бытие определяет сознание». Взяв за основу психологию человека, определяя его

базовые ценности и вникая в нормы неписанного кодекса поведения, признаем, что окружающий мир диктует соответствующие правила, предопределяет, формирует психологическое состояние индивида, соотносимое с той или иной обстановкой и средой, в которой он находится. Порой мы вынуждены приложить усилия и подстроиться, чтобы быть «в тренде», но иногда делаем это неосознанно, поскольку уже изменились и стали отчасти «другими».

В качестве иллюстрации приведем пример, когда мы — поколение, родившееся в 1960-х гг., — с, казалось бы, устоявшимися нравственно-психологическими принципами, не избежали определенной «коррозии» в «духе времени». В начале 1990-х гг. мы, выпускники Высшей следственной школы МВД СССР, уже имевшие за плечами около пяти лет стажа, презирали своего однокашника, который, работая следователем, был задержан и осужден за получение взятки. Однако спустя два десятилетия после происшедшего мною, уже полковником полиции, совершенно спокойно (хотя бы внешне), без эмоций, как рядовое событие была воспринята информация о получении взятки одним из моих коллег, с которым я дружил и поддерживаю до настоящего времени приятельские отношения. Не было категорического осуждения, как в предыдущий раз, оно было нейтрализовано коррупционной составляющей, которая имела и имеет место в обществе сейчас и наложила определенный отпечаток и на мое правосознание. На фоне глобальных масштабов противоправных проявлений в стране многие взяли за основу даже не утаивание, а афиширование накопления капитала, независимо от официальных доходов, а средства массовой информации чуть ли не в открытую культивировали образ жизни, при котором благами не пользуется разве что ленивый или недалекий человек.

Мы порой уже и сами не замечаем, когда, находясь в компании или выполняя какую-то работу, непроизвольно под нос себе мурлычем нечто вроде «Мурки» или что-то подобное. Да это и неудивительно, если на голубом экране демонстрируются фильмы, где ученики начальных классов совместно с учительницей исполняют песню «Хоп, мусорок», а посредством звонких детских голосков со сцены звучит «Владимирский централ». Думаю, комментарии излишни... Я уже не говорю о нецензурной брани и использовании словесных оборотов на фене — это стало нормой межличностного общения. Мы посредством мата, сквернословия не ругаемся, а разговариваем, передаем эмоции: восхищаемся, негодуем, пытаемся заглушить боль и пр. Не хочу сгущать краски, но нецензурная лексика в общественном месте становится нормой, в том числе из уст подростков. Не раз приходилось сталкиваться с ситуацией, когда девушке или молодому человеку 13—14 лет делаешь замечание о культуре речи, это воспринимается в штыки: оскорбленное достоинство, «как Вы смеете нарушать мое жизненное пространство?!», «Вы что мне — отец?» и пр. Это и последствия псевдовоспитательного процесса (эрзац-воспитания) в школе и семье, и отсутствие профилактики правонарушений молодежи со стороны правоохранительных органов, и низкий уровень качества преподавания в вузах и школах, когда выпускник не мотивирован на получение знаний, а встает «в очередь» за аттестатом, дипломом.

Если брать в целом, уголовная субкультура проявляется в моральном разложении, тунеядстве («пусть трактор работает, он железный»), склонности к решению спорных вопросов методами физического и психического насилия, игнорировании нравственных норм и норм поведения и пр. Взаимоотношения представителей данной категории лиц строятся на подчинении единым неформальным нормам и в пределах их группы, и вне ее. Означенные нормы регулируют поведение членов преступного формирования не только во время предварительного и судебного следствия, но и в процессе отбытия ими наказания; несоблюдение их чревато неблагоприятными последствиями, вплоть до насильственного лишения жизни. В то же время членам группы свойственно оказание юридической помощи, материальной поддержки не только им самим, но и членам их семей.

Кроме того, нередки случаи и «документального оформления» отношений, что свидетельствует о «нормативной основе» противоправной деятельности отдельных преступных группировок. В середине 1990-х гг. при проведении обыска по месту жительства одного из руководителей организованной преступной группы в его сейфе нами была обнаружена клятва членов данной бригады, выполненная кровью. Подписали ее 25 человек, трое из которых были девушки, а 10 человек — несовершеннолетние. В данном «документе» была отражена суть (программа) действий группировки: строгое иерархическое подчинение, недопущение любых форм сотрудничества с правоохранительными органами (даже на случай задержания), приверженность «воровской идее», если потребуется — принесение любой жертвы в «угоду брат-

ству» (некоторые словосочетания нами приведены дословно) и пр. Можно, конечно, сказать, что это выполнено для пафоса и в какой-то степени сродни ребячеству, «дворовому братству». Но, как показало в дальнейшем расследование по делу, члены группировки, следуя данным ими обетам, оказали активное противодействие выяснению обстоятельств по делу, в том числе организовав убийство одного из ее членов, который пошел на сотрудничество со следствием (он был задушен в следственном изоляторе во время проведения банно-прачечного дня).

Сам процесс становления и сплочения указанной преступной группировки был обусловлен преступной романтикой: члены банды вдохновлялись не только общением с ранее судимыми, составлявшими костяк группы, но и хлынувшими потоком в видеопрокат зарубежными и отечественными фильмами довольно низкого морально-нравственного содержания. В целом практика свидетельствует, что большинство подобных правонарушений связано с правовым невежеством и нигилизмом, нравственной и духовной черствостью несовершеннолетних. Каждый второй из задержанной нами группировки не считал свои действия из ряда вон выходящими, признавая их «веянием времени».

Подняв данную проблему, нельзя не учитывать особую роль средств массовой коммуникации в духовно-нравственном и правовом воспитании; их информационно-психологическое воздействие оказывает самое непосредственное влияние на формирование массового сознания, становление целостной личности, ее ценностных ориентаций, основных жизненных принципов, общегражданских установок и пр. В зависимости от форм распространения информация может выступать в качестве конструктивного и деструктивного средства воздействия, неоднозначно сказываясь на восприятии социумом. Изучение общественного мнения, проводимое еще на рубеже веков, показало, что в качестве одного из факторов, влияющих на рост негативных проявлений в обществе, 40 % интервьюируемых считает репертуар СМИ с элементами насилия и жестокости [7, с. 20].

Принимая во внимание опыт прошлых лет, следует признать, что население продолжает верить версиям какого-либо события, освещенным в СМИ. Еще в XIX в. Ганс Гросс в своем базовом труде по криминалистике писал, что «не только простой человек, но и каждый из нас питает известное доверие к печатному слову, несмотря на то, что печать служит источником и многих заблуждений» [12, с. 341]. Проведенные исследования доказали, что сила их убеждения велика, одно только признание средств массовой коммуникации в мировом сообществе «четвертой властью» говорит само за себя. Подчас они разрушающе действуют на национальную культуру и традиционные ценности, подрывают этические и нравственные основы общества, возводя в эталон не честный труд, а наиболее доходный. Одним из наиболее опасных симптомов криминализации общества является процесс легализации преступности, где в печати, с экранов телевизоров, в сети Интернет проводится мысль о вполне допустимом нарушении закона («бери от жизни все — здесь и сейчас») как наиболее эффективном и не столь уж порицаемом средстве приобретения материальных благ и достижения успеха в жизни (более подробно об этом см.: [13]).

В научных публикациях не единожды поднимался вопрос о нравственном развращении молодых людей посредством воздействия на их сознание сценами насилия, которыми изобилует телевидение [14]. Так, по некоторым подсчетам, «в среднем на 1 час телепоказа в России приходится 4,2 сцены насилия (намеренного причинения вреда), а российский подросток до 18 лет может увидеть по ТВ 18 тыс. убийств и 200 тыс. насильственных сцен. По этому поводу американский военный психолог Дэйв Гроссмен еще в конце 1990-х предупреждал мировое сообщество, что показ насилия по ТВ запускает у детей психомеханизмы, с помощью которых солдат учат убивать... [15]. Взять хотя бы фильм «Бригада», где снимались культовые актеры конца 1990-х — начала 2000-х, после показа которого по стране был зафиксирован всплеск преступности: подростки имитировали «подвиги» выведенных на экран героев, членов организованной преступной группировки, перенимая их представления о жизни, которые довольно далеки от реальности. Специалисты в области юношеской психологии приходят к однозначному выводу, что у подростка, который постоянно видит насилие, постепенно размываются моральные запреты.

Признавая продолжающуюся криминализацию зрелищ и периодической печати на межгосударственном уровне, а соответственно, и силу убеждения всепроникающих СМИ во всем мире, VIII Конгресс ООН в 1990 г. обратился к медиасообществу не допускать использования возможностей средств массовой коммуникации для пропаганды преступных образцов поведения, насилия и жес-

токости[1]. Принципиально подходя к оценке складывающейся ситуации относительно «извращений» применительно к поддержанию и возрождению духовных ценностей народов России, с законопроектом «О Высшем совете по защите нравственности в области телевизионного вещания и радиовещания в Российской Федерации» выступили депутаты С. Говорухин, Е. Драпеко, И. Кобзон и др. А член Общественной палаты Российской Федерации, народный артист СССР В. Лановой, развивая мысль об общественном контроле над телевидением, призывал не быть равнодушными к тому, что «льется» с телеэкранов [16]. Не осталась в стороне и одна из самых заинтересованных сторон в данном процессе: Министерство внутренних дел Российской Федерации. Так, в Итоговом обращении к участникам конференции, посвященной 85-летию создания уголовного розыска, было признано целесообразным в качестве одного из направлений борьбы с преступностью подготовить предложения по урегулированию вопроса о запрете пропаганды культа насилия, жестокости и порнографии [17, с. 389].

В 2020 г., а затем в 2022 г. от фракции «Справедливая Россия — За правду» в Государственную думу был внесен законопроект о создании Общественного совета России по телевидению. Руководитель фракции С. Миронов, среди прочего, призывал принять во внимание значимость телевещания для развития именно культуры и не допускать злоупотребления свободой массовой информации, повышать защиту общественной нравственности и качества телевизионной продукции. По его мнению, речь не идет о цензуре или идеологической инквизиции, само по себе сегодняшнее телевидение ставит под угрозу безопасность страны[2].

Не исследуя данные проблемы в научном контексте, мы коснулись лишь отдельных направлений, которые наиболее ярко демонстрируют отношение общества к деятельности СМИ. И хотя не прекращаются обсуждения, насколько «хороша» или «не хороша» та или иная пошлость, транслируемая с телеэкрана или страниц печатных изданий, и публично никто не опровергает тезис о том, что без нравственных ограничений не живет ни одна страна, до настоящего времени практически ни одна законодательная инициатива по данному вопросу не получила логического завершения. По меткому замечанию ведущего консультанта отдела государственного строительства Аналитического управления Аппарата Совета Федерации В. Г. Гречихина, деятельность отечественного телевидения подчинена задаче (помимо бизнеса и прибыли) оболванивания молодежной аудитории, превращения ее в толпу, которой можно легко манипулировать. Вместе с тем он выражает обеспокоенность, что у нас практически нет института, который анализировал бы программы отечественного телевещания. Ответственности за состояние эфира никто не несет, а само же медиасообщество, считая свою деятельность вполне корректной, расценивает любую инициативу, направленную на ограничение показа сцен с элементами жестокости и насилия, как попытку неоправданного ущемления свободы прессы [18, с. 28, 31].

На основании изложенного мы приходим к выводу, что идеология, как необходимый инструмент воздействия на общественное сознание и социальное поведение представителей социума, является неотъемлемой составляющей государственного регулирования в процессе упорядочения общественно значимых функций, оптимизации целенаправленного воздействия государства на общественные отношения посредством специальных средств и методов. Монополизируя данную функцию, государство должно самым непосредственным образом воздействовать на сознание и волю своих граждан, осуществляя как патриотическое, духовно-нравственное воспитание, так и создание необходимых условий для развития личности в правовом поле, формируя поколение созидателей. Ученые-конституционалисты сходятся во мнении, что общество и государство не могут существовать без идеологии, без поступательного развития. А чтобы развиваться, и общество, и государство должны иметь концепцию развития, которая и является выбором определенных идеологических установок.

[1] Восьмой Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Гавана (Куба), 27 августа — 7 сентября 1990 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml (дата обращения: 10.06.2024).

[2] Миронов вновь предложил создать Общественный совет по телевидению. URL: https://www.rbc.ru/politics/21/04/2022/6261266b9a79477eb5b3be9c (дата обращения: 01.04.2025).

1. Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. 240 с.; Гаджиева А. А. Безнравственность как фактор преступности в современной России // УЭПС: Управление, экономика, политика и социология. 2023. № 2. С. 95—97; и др.

2. Панарин А. С. Определение слова «деидеологизация». URL: https://www.slovotolk.ru/deideologizaciya.htm (дата обращения: 18.04.2025).

3. Цит. по: Петюкова О. Н. Современные теоретико-правовые подходы к пониманию ценностных основ Российского права // Современный юрист: междунар. науч.-практ. журн. 2023. № 4 (45). С. 8—19.

4. Кузнецов Э. В. Кризис современного правосознания // Правоведение. 1994. № 3. С. 3; Бабичев Д. С. Взаимосвязь категорий «идеология» и «преступность» в современном российском обществе: постановка проблемы // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (16—17 окт. 2003 г.). Уфа: РИО БашГУ, 2003. Ч. 2. С. 37—40; Ковалева Е. С. Преступность несовершеннолетних женского пола и некоторые меры по ее нейтрализации // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 1. С. 109; и др.

5. Иванов Н. Г. Нравственность, безнравственность, преступность // Государство и право. 1994. № 11. С. 21—27.

6. Смирнова Е. В. Деидеологизация в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики = Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice: науч.-теорет. и прикладной журнал. 2015. № 12 (62). В 4 ч. Ч. 3. С. 156—158.

7. Марков А. А. Влияние средств массовой коммуникации на правонарушения и преступления несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2000. 26 с.

8. Яковлев А. М. Преступность и социальная психология: социально-психологические закономерности противоправного поведения: монография. Москва: Юрид. лит., 1971. 248 с.

9. Бабичев Д. С. Взаимосвязь категорий «идеология» и «преступность» в современном российском обществе: постановка проблемы // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Уфа: БашГУ, 2003. Ч. 2. С. 37—41.

1. Kudryavtsev V. N. Crime and standards of a transitional society. Moscow: Norma; INFRA-M; 2023: 240. (In Russ.); Gadzhieva A. A. Immorality as a crime factor in modern Russia. MEPS: Management, economics, politics and sociology, 95—97, 2023. (In Russ.); et al.

2. Panarin A. S. The definition of the word "deideologization". Available from: https://www.slovotolk.ru/deideologizaciya.htm. Accessed: 18 April 2025 (In Russ.).

3. Ref. to: Petyukova O. N. Modern theoretical and legal approaches to understanding the value foundations of Russian law. Modern lawyer. International scientific and practical journal, 8—19, 2023. (In Russ.).

4. Kuznetsov E. V. Crisis of modern legal consciousness. Law studies, 3, 1994; Babichev D. S. Interrelation of the categories "ideology" and "crime" in modern Russian society: identifying the problem. In: Problems of crime prevention under modern conditions. Materials of the International scientific-practical conference, 16—17 October 2003, Ufa: Editorial and Publishing Department BashSU; 2003: 37—40. (In Russ.); Kovaleva Ye. S. Crime of under-age females and some measures to neutralize it. Yurist-Pravoved, 109, 2008. (In Russ.); et al.

5. Ivanov N. G. Morality, immorality, crime. State and law, 21—27, 1994. (In Russ.).

6. Smirnova Ye. V. Deideologization in Russia. Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice. Scientifically-theoretical and an applied journal, 156—158, 2015. (In Russ.).

7. Markov A. A. Influence of mass media on offenses and crimes of minors. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2000: 26. (In Russ.).

8. Yakovlev A. M. Crime and social psychology: socio-psychological patterns of illegal behavior. Monograph. Moscow: Legal literature; 1971: 248. (In Russ.).

9. Babichev D. S. Interrelation of the categories "ideology" and "crime" in modern Russian society: identifying the problem. In: Problems of crime prevention in modern conditions. Materials of the International scientific-practical conference. In 2 parts. Ufa: Editorial and Publishing Department BashSU; 2003: 37—41. (In Russ.).

10. Sergienko Ye. A. (et al.) Juvenile psychology. The complete guide. Red. by A. A. Rean. Saint Petersburg: Prime-Euroznak; Moscow: OLMA-Press; 2003: 281—282. (In Russ.); Kostina L. N.

10. Психология подростка. Полное руководство / [Е. А. Сергиенко и др.]; под ред. А. А. Реана. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак; Москва: ОЛМА-Пресс, 2003. С. 281—282; Костина Л. Н. Учет психологических особенностей несовершеннолетних в процессе расследования групповых преступлений // Российский следователь. 2007. № 18. С. 31—32; Рыков И. А. Рост количества неформальных групп как фактор преступности несовершеннолетних // Преступность в России: состояние, проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж: Изд-во Воронеж. ин-та МВД России, 2008. Ч. 1. С. 330; и др.

11. Лебедев С. Я. Традиции и обычаи в системе криминологической детерминации (теоретические и методологические основы исследования): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1995. С. 20, 33; Анисимков В. Н. Криминальная субкультура и ее нейтрализация в исправительных учреждениях России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва; Саратов, 1998. С. 3, 10; Лелеков В. А. Тюремная субкультура и молодежная преступность // Преступность в России: состояние, проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2008. Ч. 1. С. 37—38; Полубинский В. И. Важнейшая составляющая субкультуры преступного мира // Преступность и общество: сб. науч. тр. / отв. ред. А. Л. Ситковский. Москва: ВНИИ МВД России, 2010. С. 120—129; и др.

12. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. Москва: ЛексЭст, 2002. 1088 с.

13. Годунов И. В. Противодействие организованной преступности: учеб. пособие для студентов юрид. и экон. направлений и специальностей вузов. Москва: Высш. шк., 2003. С. 134, 159; Метелев С. Е. Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности. Москва: Юнити-Дана, 2008. С. 88; Комлев Ю. Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России, 2009. С. 9; и др.

14. Лебедев С. Я. Традиционное и нетрадиционное в преступности несовершеннолетних: новая идеология предупреждения // Российский следователь. 2004. № 2. С. 33; Панфилов И. А. О криминообразующих свойствах современных масс-медиа (по результатам экспресс-исследования несовершеннолетних осужден-

Consideration of the psychological characteristics of minors while investigating group crimes. Russian investigator, 31—32, 2007. (In Russ.); Rykov I. A. The growth of the number of informal groups as a factor of juvenile crime. In: Crime in Russia: the situation, problems of crime prevention and crime detection. Collection of materials of the international scientific-practical conference. Voronezh: Voronezh publishing house of the Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2008: 330; et al. (In Russ.).

11. Lebedev S. Ya. Traditions and customs in the system of criminological determinations (theoretical and methodological foundations of research). Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 1995: 20, 33. (In Russ.); Anisimkov V. N. Criminal subculture and its neutralization in correctional institutions of Russia. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; Saratov; 1998: 3, 10. (In Russ.); Lelekov V. A. Prison subculture and youth crime. In: Crime in Russia: state, aspects of prevention and crime detection. International scientific-practical conf. Voronezh; 2008: 37—38. (In Russ.); Polubinsky V. I. The most important aspect of subculture in criminal world. In: Crime and society. Collection of scientific works. Red. by A. L. Sitkovsky. Moscow: NRI of the Ministry of the Interior of Russia; 2010: 120—129. (In Russ.); et al.

12. Gross G. Guide for forensic investigators as a system of forensics. New ed., repr. from ed. 1908. Moscow: LeksEst; 2002: 1088. (In Russ.).

13. Godunov I. V. Organized crime counteraction. Textbook for law and economics students of universities. Moscow: Graduate school; 2003: 134, 159. (In Russ.); Metelev S. Ye. Modern terrorism and methods of counterterrorism activities. Moscow: Unity-Dana; 2008: 88. (In Russ.); Komlev Yu. Yu. Theory of restrictive social control. Kazan: KYUI MVD of Russia; 2009: 9. (In Russ.); et al.

14. Lebedev S. Ya. Common and non-common features of juvenile delinquency: new prevention ideology. Russian investigator, 33, 2004. (In Russ.); Panfilov I. A. On criminal characteristics of modern mass media (based on the express study of convicted minors). In: Criminal identity: theoretical and practical issues. Materials of the interdepartmental roundtable discussion, 19 October 2011. Moscow: NRI of the Ministry of the Interior of Russia; 2012: 113—114. (In Russ.); Zamylin Ye. I. Media and their role to form public opinion on law enforcement activities. Journal of the Volgograd

ных) // Личность преступника: теоретические и практические проблемы: материалы межведомственного круглого стола (Москва, 19 октября 2011 г.). Москва: ВНИИ МВД России, 2012. Ч. 2. С. 113—114; Замылин Е. И. Средства массовой коммуникации и их роль в формировании общественного мнения о деятельности правоохранительных органов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1. С. 60—65; и др.

15. Зятьков Н. Кровь — ТВ // Аргументы и факты. 2011. 30 марта — 5 апр.

16. Лановой В. Нам объявлена духовная война // Щит и меч. 2008. 16 окт.

17. Заключительное обращение к участникам международной научно-практической конференции // Уголовный розыск в XXI веке: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию создания уголовного розыска в России. В 2 ч. Москва: Акад. управления МВД России, 2004. Ч. 1. С. 386—389.

18. Гречихин В. Г. Влияние телевидения на духовно-нравственное состояние общества // Аналитический вестник. 2010. № 16 (402). С. 25—32.

Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 60—65, 2015. (In Russ.); et al.

15. Zyatkov N. Bloody TV. Argumenty i fakty, 2011, 30 March — 5 April. (In Russ.).

16. Lanovoi V. We are at moral war. Shield and sword, 16 October, 2008. (In Russ.).

17. The final statement for the participants of the international scientific-practical conference. In: Criminal Investigation in the XXI century. International scientific-practical conference materials, dedicated to the 85th anniversary of the formation of Russian criminal investigation. In 2 parts. Part 1. Moscow: Academy of Management of MIA of Russia; 2004: 386—389. (In Russ.).

18. Grechikhin V. G. TV influence on the moral state of the society. Analytical Journal, 25—32, 2010. (In Russ.).

Замылин Евгений Иванович,
профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
efrommm@mail.ru

Zamylin Yevgeny Ivanovich,
professor at the department of criminalistics
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
efrommm@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 22.05.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 22.05.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.2(574)

О СООТНОШЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЯНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КАЗАХСТАНА

Калиолла Кабаевич Сейтенов
Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан, ise.astana@yandex.kz

Аннотация. Введение в уголовное законодательство Республики Казахстан категории «уголовное правонарушение» вызвало ряд теоретических и практических вопросов, особенно в контексте отграничения этой категории, а также ее формы — уголовного проступка — от административных правонарушений. В данной статье рассматриваются проблемы соотношения различных видов правонарушений, регламентированных действующим законодательством Республики Казахстан, на фоне проводимой правовой реформы. Особое внимание уделено административным правонарушениям, уголовным проступкам и преступлениям.

Анализ правовой природы указанных деяний с опорой на такой ключевой критерий, как степень общественной опасности, позволил определить специфические особенности каждого вида правонарушения. Автор выдвигает собственную позицию относительно роли уголовного проступка как новой правовой категории, ранее не существовавшей в казахстанской юриспруденции, а также его места в системе противоправных деяний и перспектив законодательного развития.

В результате исследования выделены основные признаки, разграничивающие административные правонарушения, уголовные проступки и преступления, а также представляющие практическую ценность для научных дискуссий, совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: административное правонарушение, уголовное правонарушение, уголовный проступок, преступление, общественная опасность, законодательство, деяние

Для цитирования: Сейтенов К. К. О соотношении некоторых противоправных деяний по законодательству Казахстана // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 29—34.

ON THE RELATIONSHIP OF CERTAIN ILLEGAL ACTS UNDER THE LEGISLATION OF KAZAKHSTAN

Kaliolla Kabayevich Seitenov
Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan, ise.astana@yandex.kz

Abstract. Introduction of the category of "criminal offence" into the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan has generated a number of theoretical and practical issues, especially in the context of identifying this category, as well as its form — criminal wrong / misconduct — from administrative offences. This article examines the problems of the relationship among various types of offences regulated by the acting legislation of the Republic of Kazakhstan, against the background of the ongoing legal reform. Particular attention is paid to administrative offences, criminal wrongs and crimes.

An analysis of the legal nature of these acts based on such a key criterion as the degree of public danger made it possible to determine the specifics of each type of offence. The author demonstrates his position regarding the role of criminal wrong / misconduct as a new legal category not previously existing in Kazakhstan jurisprudence, as well as its place in the system of illegal acts and the prospects for legislative development.

As a result of the study, the main features that distinguish administrative offences, criminal wrongs and crimes are identified, as well as those that are of practical value for scientific discussions, improvement of legislation and law enforcement activities of law enforcement agencies.

© Сейтенов К. К., 2025

Keywords: administrative offence, criminal offence, criminal wrong / misconduct, crime, social danger, legislation, act

For citation: Seitenov K. K. On the relationship of certain illegal acts under the legislation of Kazakhstan. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 29—34, 2025. (In Russ.).

Современное исследование взаимосвязи между административными правонарушениями, уголовными проступками и преступлениями в контексте уголовного законодательства Республики Казахстан представляет собой актуальную проблему и является предметом научной дискуссии. Это связано с рядом затруднений, возникающих в правоприменительной практике, что, в свою очередь, оказывает значительное влияние на эффективность деятельности правоохранительных органов. Такие сложности затрудняют надлежащую квалификацию противоправных деяний и негативно сказываются на реализации административных и исполнительных функций.

В практическом аспекте ситуация осложняется тем, что с момента введения в уголовное законодательство новой категории «*уголовный проступок*» возникли определенные трудности в объективной оценке действенности правового регулирования, а также в прослеживании закономерностей совершения правонарушений различного характера.

Концепция правовой политики Республики Казахстан на 2010—2020 гг. подчеркивала необходимость внедрения новых подходов к классификации и типологии уголовных правонарушений[1]. В рамках указанной Концепции предполагалось, что Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее — УК РК) должен предусматривать иную структуру разграничения уголовно наказуемых деяний — с выделением преступлений по категориям тяжести и введением понятия уголовного проступка. Особое внимание уделялось положению, согласно которому осуждение за уголовный проступок не должно влечь за собой наличие судимости.

В более позднем документе — Концепции правовой политики до 2030 г. — были сформулированы ключевые задачи, в том числе необходимость пересмотра определения уголовного правонарушения, а также совершенствование системы назначения наказаний. В частности, акцент сделан на необходимости соблюдения принципа соразмерности санкций уровню общественной опасности совершенного деяния[2].

Следует отметить, что категория уголовных проступков частично охватила деяния, которые ранее относились к административным правонарушениям или к преступлениям небольшой тяжести.

И. М. Гальперин в своих работах подчеркивал, что включение в уголовное законодательство категории *уголовного проступка* фактически носит терминологический характер, не меняя сути уголовной ответственности [1]. Схожую позицию занимает П. В. Коробов, который отмечает, что уголовный проступок представляет собой действие или бездействие, предусмотренное уголовным законом и обладающее незначительным уровнем общественной опасности. Он делает акцент на том, что термин *проступок* в юридической практике традиционно используется для обозначения деяний, не относящихся к преступлениям, и потому проступок по своей природе не может быть приравнен к последним [2].

На данный момент действующая классификация уголовных правонарушений была закреплена в УК РК от 3 июля 2014 г. № 226-V[3]. В новом законодательстве наряду с понятием *«преступление»* были введены такие термины, как *«уголовное правонарушение»* и *«уголовный проступок»*. Тем не менее в тексте самого кодекса отсутствует прямое определение термина *«уголовное правонарушение»* как самостоятельной правовой категории.

Хотя законодательное определение *уголовного правонарушения* напрямую не представлено, в ст. 10 УК РК осуществляется разграничение между преступлением и уголовным проступком на основе таких критериев, как степень общественной опасности и характер санкций. На основании

[1] О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 г.: указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858 // Справочная система «Юрист». URL: http:// www.prg.kz (дата обращения: 18.04.2025).

[2] Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 г.: указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 г. № 674 // Справочная система «Юрист». URL: http://www.prg.kz (дата обращения: 18.04.2025).

[3] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V // Справочная система «Юрист». URL: http://www.prg.kz (дата обращения: 18.04.2025).

этих различий формулируются и соответствующие определения данных категорий.

Так, согласно ч. 2 ст. 10 УК РК, преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние (действие либо бездействие), запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания, включающего штраф, исправительные работы, общественные работы, ограничение свободы или лишение свободы.

Часть 3 той же статьи содержит определение уголовного проступка, под которым понимается виновное деяние (действие либо бездействие), не обладающее высокой степенью общественной опасности, повлекшее незначительный вред либо создавшее угрозу его причинения личности, организации, обществу или государству, за которое предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных или общественных работ, ареста, либо выдворения за пределы Республики Казахстан иностранного гражданина или лица без гражданства.

Анализ легальных определений преступления и уголовного проступка позволяет утверждать, что оба вида уголовных правонарушений, как закрепленные в уголовном законе, обладают рядом общих обязательных признаков. К числу таких признаков традиционно относят:

1) общественную опасность;
2) виновность;
3) наказуемость;
4) противоправность.

Тем не менее при внимательном изучении действующего определения уголовного проступка, закрепленного в УК РК, можно отметить отсутствие прямого указания на один из базовых критериев — противоправность. Это вызывает определенные методологические затруднения, поскольку с позиций классической теории уголовного права уголовная противоправность означает наличие прямого запрета деяния (действия или бездействия) в уголовном законе под угрозой уголовного наказания. Отсутствие такого признака в легальном определении противоречит устоявшемуся формально-материальному подходу, предполагающему наличие всех четырех обязательных признаков уголовно наказуемого деяния.

В то же время, если обратиться к ст. 25 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗРК[1] (далее — КоАП), можно увидеть, что законодатель прямо указывает на противоправность как обязательный признак административного правонарушения. Согласно данной статье административным правонарушением признается противоправное, виновное (умышленное или по неосторожности) действие либо бездействие физического лица, либо противоправное действие или бездействие юридического лица, за которое предусмотрена административная ответственность.

Таким образом, при сопоставлении административных правонарушений, уголовных проступков и преступлений можно выделить несколько ключевых разграничительных критериев: степень общественной опасности, характер противоправности, вид наказания, а также субъект правонарушения.

Следует отметить, что в отличие от уголовных проступков и преступлений, которые совершаются исключительно физическими лицами, субъектами административных правонарушений могут выступать как физические, так и юридические лица.

Наиболее существенным критерием разграничения между указанными формами правонарушений является уровень их общественной опасности. В правовой доктрине и законодательной практике преступления рассматриваются как деяния, обладающие наивысшей степенью общественной опасности. Уголовные проступки, в свою очередь, признаются менее опасными, а административные правонарушения вообще не охарактеризованы с точки зрения общественной опасности, поскольку данный признак прямо не закреплен в административном законодательстве.

Следовательно, именно степень общественной опасности играет определяющую роль при дифференциации преступлений, уголовных проступков и административных правонарушений. Этот критерий также служит ориентиром для решения вопроса о целесообразности криминализации определенного деяния. В теории уголовного права устоялось мнение, что наличие общественной опасности является основополагающим элементом состава преступления. Действующий УК РК, как и прежние редакции, подтверждает значимость данного признака, выделяя его как ключевой элемент уголовной ответственности.

Термин *«общественно опасное деяние»* занимает важное место в системе уголовного законодательства Республики Казахстан. Он используется

[1] Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗРК // Справочная система «Юрист». URL: http://www.prg.kz (дата обращения: 17.04.2025).

при формулировании ключевых положений, касающихся основания уголовной ответственности — в частности, в принципе вины (ч. 1 ст. 19 УК РК), при определении момента совершения уголовного правонарушения (ст. 5 УК РК), а также в рамках классификации преступлений по категориям (ч. 1 ст. 11 УК РК).

Несмотря на столь широкое применение, в уголовно-правовой доктрине отсутствует единое понимание сущности общественной опасности. Множество научных подходов и концепций, выдвигаемых исследователями, не привели к формированию универсального и общепринятого определения. Разногласия в научной среде касаются как самого понятия общественной опасности, так и критериев ее оценки.

Так, профессор Н. Ф. Кузнецова трактует общественную опасность как совокупность характеристик, описывающих деяние и определяющих его юридическую и социальную значимость, подчеркивая при этом, что общественная опасность — категория исторически изменчивая, зависящая от социально-экономических условий общества [3].

Профессор Б. С. Никифоров указывает, что общественная опасность проявляется в ущербе либо в угрозе нанесения ущерба объекту уголовно-правовой охраны — общественным отношениям, затрагиваемым в результате совершения деяния. Он также подчеркивает значимость объекта преступления как элемента, определяющего не только содержание, но и политическую направленность деяния, оказывающего влияние на остальные элементы состава преступления. В его концепции общественная опасность — это ключ к разграничению преступлений от деяний, не подлежащих уголовной ответственности [4].

Некоторые ученые отмечают, что общественная опасность может быть присуща не только преступлениям, но и административным правонарушениям, хотя ее степень в последнем случае значительно ниже. С этим подходом согласуется мнение о градации общественной опасности как основе для юридической оценки противоправного поведения.

В советской уголовно-правовой школе, напротив, доминировал иной взгляд. Так, Н. Д. Дурманов полагал, что общественная опасность — отличительный признак исключительно преступлений, а не проступков [5]. В 1960-х гг. Н. Ф. Кузнецова высказывала идею различения *преступной* и *непреступной* общественной опасности [6], что также поддерживали А. Н. Трайнин [7], А. Е. Лунев [8], Ю. В. Субоцкий [9] и другие авторы.

Таким образом, определение степени общественной опасности приобретает первостепенное значение для квалификации деяний. Этот признак служит ориентиром и в теоретических построениях, и в правоприменительной практике [10].

Дополнительно стоит отметить, что уровень общественной опасности также отражается в санкциях, предусмотренных законодательством. Чем выше опасность деяния, тем более строгое наказание назначается государством. Однако анализ санкционных норм УК РК и КоАП показывает отсутствие системности: в ряде случаев наказания за уголовные проступки и административные правонарушения совпадают, что нивелирует разграничительную функцию санкции и требует пересмотра действующих подходов.

Следует отметить, что уголовные проступки с момента их внедрения в УК РК так и не заняли стабильного положения в структуре уголовного права. Фактически они стали отдельной категорией, находящейся между преступлениями и административными правонарушениями, с собственным, не всегда логически выстроенным санкционным механизмом.

Кроме того, при разработке положения об уголовных проступках в казахстанском законодательстве не были учтены отдельные зарубежные практики:

1. В ряде стран уголовные проступки приравниваются по санкциям к преступлениям небольшой или средней тяжести. Например, в Австрии и Польше за совершение проступка может быть назначено наказание до трех лет лишения свободы, в Германии — до одного года. В то же время возможно уголовное преследование за покушение на такие деяния.

2. В государствах с устоявшейся правовой системой действуют четкие критерии наказаний в зависимости от степени общественной опасности. Уголовные проступки занимают промежуточное положение — они предусматривают более строгое наказание, чем административные правонарушения, но менее суровое, чем за преступления небольшой тяжести. Подобной системной дифференциации в УК РК не реализовано.

3. В Казахстане отсутствует полноценный механизм исполнения наказания в виде ареста, который является одной из главных санкций за уголовные проступки. Согласно ч. 1-1 ст. 467 УК РК до 1 января 2027 г. арест не может применяться за исключением случаев, предусмотренных для военнослужащих, либо при замене наказания на более строгое.

В сравнительно-правовом аспекте также стоит рассмотреть зарубежные примеры. Так, в большинстве уголовных кодексов европейских стран отсутствует термин *«уголовное правонарушение»*. Например, ст. 1 УК Швеции определяет преступление как деяние, наказуемое по уголовному закону. Аналогично ст. 9 УК Болгарии трактует преступление как общественно опасное, виновное и наказуемое деяние.

Интересен и опыт Кыргызской Республики. С 2017 по 2021 г. там действовал Кодекс «О проступках», в котором проступок определялся как виновное, противоправное деяние, причиняющее вред или создающее угрозу вреда личности, обществу или государству. Однако в 2021 г. Кыргызстан вернулся к классическому пониманию уголовного деяния — как преступления. Согласно ст. 18 УК КР преступлением признается общественно опасное, виновное и наказуемое деяние. Новая редакция также предусматривает четырехступенчатую классификацию преступлений. Вновь принят Кодекс об административных правонарушениях, в котором в ст. 14 указывается, что ответственность за деяния наступает только в случае, если они не подпадают под действия уголовного закона.

На основании проведенного анализа можно сформулировать ряд принципиальных выводов.

1. Критерий общественной опасности остается ключевым элементом в системе разграничения видов правонарушений. Его значимость подтверждается теоретическими основами уголовного права и логикой построения санкционных норм. Однако выявленные несоответствия между характером деяния и назначаемыми наказаниями в действующем законодательстве Республики Казахстан указывают на необходимость корректировки существующих подходов, в частности, в части дифференциации санкций за административные правонарушения, уголовные проступки и преступления небольшой тяжести.

2. В целях устранения правовой неопределенности и повышения эффективности правоприменения целесообразным представляется возвращение к более последовательной и устойчивой модели, реализуемой в уголовном законодательстве Казахстана в период с 1997 по 2014 г. Эта система предполагала классификацию исключительно преступлений, распределенных по четырем категориям в зависимости от степени их общественной опасности: преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Такой подход обеспечивал более четкое разграничение деяний и правовых последствий.

3. В качестве обоснованного законодательного шага предлагается отказаться от понятий *«уголовный проступок»* и *«уголовное правонарушение»* в действующем Уголовном кодексе Республики Казахстан. Эти категории не только усложняют квалификацию деяний и затрудняют реализацию уголовной политики, но и создают правовую неопределенность, противоречащую принципу правовой определенности и единообразия в уголовно-правовом регулировании.

Предлагаемые меры могут способствовать формированию более логичной, упорядоченной и унифицированной системы уголовной ответственности в Республике Казахстан. Кроме того, предложенная модель уголовно наказуемого деяния с четко определенными признаками имеет потенциал для адаптации в иных юрисдикциях и может быть использована в качестве методологической основы при реформировании уголовного законодательства в других государствах.

1. Гальперин И. М. Социальные и иные основы депенализации // Советское государство и право. 1980. № 3. С. 63—69.

2. Коробов П. В. Уголовный проступок: «за» и «против» // Правоведение. 1990. № 5. С. 90—97.

3. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 232 с.

4. Никифоров Б. С. Объект преступления. Москва: Госюриздат, 1960. 230 с.

5. Дурманов Н. Д. Понятие преступления. Москва; Ленинград: АН СССР, 1948. 242 с.

6. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. Категории: особо тяжкие преступления,

1. Galperin I. M. Social and other foundations of de-penalization. Soviet state and law, 1980, 63—69. (In Russ.).

2. Korobov P. V. Criminal wrong: "pros" and "cons". Jurisprudence, 1990, 90—97. (In Russ.).

3. Kuznetsova N. F. Crime and criminality. Moscow: Publishing house of Moscow University; 1969: 232. (In Russ.).

4. Nikiforov B. S. Object of the crime. Moscow: Gosyurizdat; 1960: 230. (In Russ.).

5. Durmanov N. D. The Concept of crime. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; 1948: 242. (In Russ.).

преступления и уголовные проступки. Москва, 1962. 585 с.

7. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. Москва: Госюриздат, 1957. 258 с.

8. Лунев А. Е. Административная ответственность за правонарушения. Москва: Госюриздат, 1961. 110 с.

9. Субоцкий Ю. В. Административное правонарушение и преступление // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1959. № 2. С. 170—179.

10. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации // Беляев Н. А. Избр. тр. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 86—87.

6. Kuznetsova N. F. Crime and criminality. Categories: particularly serious crimes, crimes and criminal wrongs. Moscow; 1962: 585. (In Russ.).

7. Trainin A. N. General doctrine on the corpus delicti. Moscow: Gosyurizdat; 1957: 258. (In Russ.).

8. Lunev A. Ye. Administrative responsibility for offences. Moscow: Gosyurizdat; 1961: 110. (In Russ.).

9. Subotsky Yu. V. Administrative offence and crime. Moscow University Bulletin. Series "Law", 1959, 170—179. (In Russ.).

10. Belyaev N. A. Criminal-legal policy and ways of its realization. In: Belyaev N. A. Selected works. Saint Petersburg: Legal center Press; 2003: 86—87. (In Russ.).

Сейтенов Калиолла Кабаевич,
первый проректор
Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан,
доктор юридических наук, профессор,
почетный академик
Национальной академии наук
Республики Казахстан;
ise.astana@yandex.kz

Seitenov Kaliolla Kabayevich,
first deputy chief (vice-rector)
of the Academy of Law Enforcement Agencies
under the Prosecutor General's Office
of the Republic of Kazakhstan,
doctor of juridical sciences, full professor,
honorable academician
of the National academy of sciences
of the Republic of Kazakhstan;
ise.astana@yandex.kz

Статья поступила в редакцию 10.05.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 10.05.2025; approved after reviewing 20.05.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.34

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ (СТАТЬЯ 272.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)*

Владислав Федорович Щепельков
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, volga0@yandex.ru

Аннотация. В конце 2024 г. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации была дополнена нормой об ответственности за незаконный оборот персональных данных (ст. 272.1). Это было сделано в ответ на небывалый рост общественно опасных посягательств с использованием персональных данных. Уже на стадии проектирования будущей ст. 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в профессиональной и научной среде развернулась дискуссия по многим аспектам планируемого нововведения. Была высказана озабоченность правоприменительными рисками, которые возникнут в связи с включением нормы в уголовный закон.

Представленная статья посвящена поиску ответов на ряд вопросов по квалификации преступлений по ст. 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Исследованы проблемы идентификации объекта и предмета преступления, оценки предшествующих преступлению действий, установления субъекта преступления, когда незаконный оборот персональных данных осуществляется легально функционирующей организацией, и др.

Наиболее значимые выводы, к которым пришел автор исследования, связаны с установлением предмета преступления (компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной незаконным путем), в том числе в специальных ситуациях; с определением критериев отнесения лиц, участвующих в незаконном обороте персональных данных в организации, к числу участников преступления по ст. 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации; с формулированием правил квалификации преступления, предусмотренного ст. 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации по совокупности с другими преступлениями.

Ключевые слова: квалификация преступлений, персональные данные, компьютерная информация, предмет преступления, субъект преступления

Для цитирования: Щепельков В. Ф. Уголовная ответственность за незаконный оборот персональных данных (ст. 272.1 УК РФ) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 35—42.

CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL PERSONAL DATA TRAFFICKING (ARTICLE 272.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Vladislav Fedorovich Shchepelkov
Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, volga0@yandex.ru

Abstract. At the end of 2024, a legal rule on liability for illegal personal data trafficking was introduced into a Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation (Article 272.1). It was a response to an unprecedented rise in socially dangerous personal data-based attacks. A discussion on many aspects of the planned amendment took place in the professional and academic community, while developing the Art. 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The concern demonstrated the proposed law enforcement risks as a result to introduce this rule into the criminal law.

© Щепельков В. Ф., 2025

* В основу статьи положен доклад на международной научно-практической конференции «Правовые и правоприменительные проблемы в реализации уголовной ответственности и их освещение в научных изданиях», проходившей 24 апреля 2025 г. в Волгоградской академии МВД России.

The purpose of this article is to answer several questions regarding the crime classification under the Art. 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The problems of identification of the object and subject of a crime, assessment of the actions preceding the crime, identification of the subject of the crime in the illegal trafficking of personal data by a legal organization are examined, etc.

The most significant conclusions of the author are identifying the subject of the crime (computer information with personal data obtained illegally), including special situations; determining the criteria for classifying persons involved in the illicit trafficking of personal data in the organization as participants of the crime under Art. 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; formulating the rules for the crime qualification under Art. 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in combination with other crimes.

Keywords: crimes qualification, personal data, computer information, subject matter of the crime, subject of a crime (criminal actor)

For citation: Shchepelkov V. F. Criminal liability for illegal personal data trafficking (Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 35—42, 2025. (In Russ.).

Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) был дополнен ст. 272.1, предусматривающей ответственность за незаконный оборот компьютерной информации, содержащей персональные данные (далее — ПД). Это преступление отнесено к посягательствам в сфере компьютерной информации (указанная статья помещена в гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации»). Данный шаг законодателя укладывается в общую тенденцию корректировки норм об ответственности за так называемые компьютерные преступления [1]. В связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий возникли новые угрозы причинения специфического вреда общественным отношениям в сфере компьютерной информации, а также иным видам общественным отношений, предметом которых выступают ПД.

В пояснительной записке к законопроекту[2] (далее — Пояснительная записка) было указано, что с января по август 2022 г. в России произошли утечки 197 млн записей ПД и платежной информации. По отдельным оценкам, в 2020 г. общий ущерб от утечек личных данных превысил 3 млрд рублей, а в 2022 г. указанный ущерб уже превысил 8 млрд рублей. На декабрь 2021 г. в теневом сегменте сети Интернет («даркнет») циркулировало более 20 000 баз данных общим объемом более 10 Тб, содержащих ПД о 80 % населения России. Общий объем официально выявленных утечек ПД за 2022 г. (о которых официально сообщалось в СМИ) — более 1 130 млн записей, содержащих сведения о ПД граждан России. За 2021 г. общий объем официально выявленных утечек составил более 100 млн записей, содержащих сведения о ПД.

Включение в УК РФ ст. 272.1 направлено на исполнение поручения Президента Российской Федерации об усилении ответственности за незаконный оборот ПД и иные нарушения законодательства в области ПД, которое было дано по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека, состоявшегося 7 декабря 2022 г.

В последнее время появились диссертации, в которых напрямую или косвенно предлагается усилить уголовно-правовую охрану оборота ПД [2—4]. Однако эти предложения в основном касались посягательств на конституционные права и свободы человека и гражданина. Незаконный оборот ПД действительно прежде всего создает угрозу личности. В реализованной в рамках ст. 272.1 УК РФ модели противодействия незаконному обороту ПД основным объектом преступления выступают общественные отношения в сфере компьютерной информации. Безопасность конституционных прав и свобод человека и гражданина образует дополнительный объект преступления. Таким образом, ст. 272.1 УК РФ защищает оборот ПД, если он реализуется в компьютерной форме, когда возникает опасность не столько для конституционных прав и свобод человека и гражданина, а прежде всего для компьютерной безопасности.

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491931/ (дата обращения: 30.04.2025).

[2] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8?ysclid=m8narufc39597696189 (дата обращения: 24.03.2025).

Разработчики законопроекта, по-видимому, исходили из того, что оборот наиболее чувствительных ПД (образующих различные тайны: личную, семейную, банковскую и др.) в большей или меньшей степени получил уголовно-правовую защиту. В то же время дополнительная уголовно-правовая охрана нужна в том случае, когда незаконный оборот ПД осуществляется в массовом масштабе, что возможно сегодня только при помощи цифровых технологий, когда сведения облечены в форму компьютерной информации. Незаконный оборот ПД в отношении десятков и сотен тысяч человек, а иногда и миллионов людей, безусловно, порождает риски нового уровня по сравнению с ситуацией, когда незаконно используются сведения об одном человеке или о нескольких людях. Необходимо также иметь в виду, что компьютерный оборот сведений позволяет их распространять мгновенно и «на большие расстояния». По сути, мы сталкиваемся здесь с угрозами «массового поражения» охраняемых законом интересов. Отсюда становится понятной логика объединения в рамках состава преступления по ст. 272.1 УК РФ двух объектов с выделением в качестве основного именно отношений в сфере компьютерной информации.

Уже на стадии законопроектных работ предлагаемая к включению в УК РФ ст. 272.1 подверглась критике [5—6]. Грамматический и систематический анализ показывает наличие проблем при установлении смысла указанной статьи, что создает риски противоречивого применения закона. Об этом в дальнейшем и пойдет речь.

1. Установление предмета преступления

1.1. Предметом преступления в ч. 1 ст. 272.1 УК РФ названа компьютерная информация, содержащая ПД, полученная путем неправомерного доступа к средствам ее обработки, хранения или иного вмешательства в их функционирование либо иным незаконным путем. Предмет преступления включает три компонента: 1) это компьютерная информация; 2) она содержит ПД; 3) компьютерная информация получена незаконным путем. Первые два компонента определены в законодательстве. Дефиниция компьютерной информации предусмотрена в Примечании 1 к ст. 272 УК РФ. Определение ПД приведено в ст. 3 Федерального закона от 27 июля 200 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — ФЗ № 152).

Третий компонент, согласно буквальному толкованию ст. 272.1 УК РФ, предполагает незаконный способ получения компьютерной информации, содержащей ПД. Поскольку незаконность отнесена к получению компьютерной информации, а не ПД, возникает вопрос: а есть ли предмет преступления в ситуации, когда незаконно получены ПД без компьютерной формы, например, на бумажном носителе или вообще устно, и потом облечены в форму компьютерной информации? Буквальный смысл нормы не исключает отрицательного ответа на поставленный вопрос.

В то же время в Пояснительной записке указывалось, что «для целей уголовного законодательства конкретизирован объект преступного посягательства (компьютерная информация), который содержит персональные данные, полученные незаконным путем»[1]. Здесь речь идет о незаконности получения самих ПД, а не компьютерной формы их представления. Данная трактовка предмета преступления в большей степени отвечает задачам уголовно-правовой охраны общественных отношений, ради которой в УК была включена ст. 272.1. Иное толкование закона будет в некоторых случаях лишать субъекта ПД защиты, когда они получены незаконно.

1.2. Следующий вопрос, который уже возник у представителей операторов ПД, касается интерпретации способа получения ПД, образующих предмет преступления. В статье 272.1 УК РФ указывается, что предметом преступления является информация, полученная путем неправомерного доступа к средствам ее обработки, хранения или иного вмешательства в их функционирование либо иным незаконным путем. В числе способов названы: 1) неправомерный доступ к средствам обработки и хранения компьютерной информации; 2) иное вмешательство в функционирование указанных средств; 3) иной незаконный путь получения ПД. Первый способ явно образует состав преступления по ст. 272 или 274.1 УК РФ, второй неявно, но тоже образует состав преступления по указанным статьям УК РФ, поскольку в конечном счете предполагает неправомерный доступ к компьютерной информации в целях ее копирования. Проблема толкования возникает в отношении третьего способа: иного незаконного пути получения ПД.

Описание признака состава при помощи приема «открытого дополнения» (иной незаконный путь), как правило, порождает неоднозначную трактовку закона. Например, во времена действия первона-

[1] Вместе с тем использовалось и терминологическое выражение «компьютерная информация, содержащая персональные данные, полученная незаконным путем», которое отражено в УК РФ.

чальной редакции ст. 198 УК РФ противоречиво трактовался иной способ уклонения от уплаты налога. В действующей редакции ст. 198 УК РФ названы только два способа, образующих состав преступления: 1) непредставление в Федеральную налоговую службу документов и 2) включение в документы заведомо ложных сведений. Законодатель отказался от неопределенности, что обеспечило единообразие в правоприменительной практике.

В случае со ст. 272.1 УК РФ для уяснения содержания понятия незаконности получения ПД имеет смысл установить, когда их получение является законным. С этой целью требуется обратиться к регулятивному законодательству, а именно к закону о ПД. Согласно ему получение ПД (обладание ими) будет законным в следующих случаях:

1) по общему правилу должно быть получено согласие субъекта ПД на их обработку (ст. 6 ФЗ № 152), при этом, согласно ст. 9 ФЗ № 152, субъект ПД принимает решение о предоставлении его ПД и дает согласие на их обработку свободно, своей волей и в своем интересе. Согласие на обработку ПД должно быть конкретным, предметным, информированным, сознательным и однозначным. В отдельных случаях требуется получать согласие по определенной форме. Таким образом, по общему правилу получение ПД субъекта без его согласия либо с согласия, полученного путем принуждения или фальсификации воли (например, когда субъект вводится в заблуждение относительно цели сбора ПД, и это является решающим фактором передачи ПД), будет признаваться незаконным. Несоблюдение формы получения согласия, когда того прямо требует законодательство, само по себе для целей применения ст. 272.1 УК РФ вряд ли может служить основанием признания получения ПД незаконным. Данное обстоятельство создает известные проблемы доказывания. В то же время несоблюдение формы получения согласия при его наличии не порождает общественной опасности, характерной для рассматриваемого преступления;

2) согласие на получение ПД не требуется в прямо предусмотренных законом случаях (например, когда обработка ПД необходима для защиты жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов субъекта ПД, если получение согласия субъекта ПД невозможно);

3) получение и обработка ПД для определенных целей и в отношении определенных видов ПД возможна только уполномоченными на то лицами (сотрудниками правоохранительных органов, медицинскими работниками и др.). Отсутствие таких полномочий будет означать незаконность получения ПД;

4) право обработки ПД типично ограничено специальным сроком, по истечении которого оператор ПД обязан по общему правилу их уничтожить. Обязанность уничтожить информацию о ПД возникает по общему правилу и в случае отзыва согласия на обработку ПД их субъектом. Если этого не происходит, обладание ПД становится незаконным. И возникает вопрос, можно ли в этом случае говорить, что неуничтоженная информация о ПД образует предмет преступления? Согласно буквальному смыслу ст. 272.1 УК РФ скорее нет, чем да. В то же время, по сути, ситуация не отличается от той, когда ПД изначально получаются незаконным путем. Системный смысл закона таков, что предметом преступления признаются данные, незаконно находящиеся в обработке. В связи с этим неуничтоженные данные должны признаваться незаконно полученными по смыслу ст. 272.1 УК РФ и, соответственно, образовывать предмет преступления;

5) самостоятельная проблема возникает в случае незаконного восстановления компьютерной информации, содержащей ПД. Бывает так, что в силу различных причин (например, неосторожные действия персонала, хакерская атака) законно полученная компьютерная информация, содержащая ПД, утрачивается оператором. Ответственные лица оператора принимают решение о незаконном получении ПД для восстановления своей базы данных. В такой ситуации формально ПД получаются оператором незаконным путем. Однако он имеет право ими оперировать в силу согласия субъекта. Представляется, что в таком случае при совершении действий с незаконно восстановленной информацией говорить о предмете преступления по ст. 272.1 УК РФ нельзя, поскольку оператор обладает правом на работу с ПД (пусть они и незаконно восстановлены).

Таким образом, получение ПД по смыслу ст. 272.1 УК РФ будет незаконным в случаях, когда 1) отсутствует необходимое согласие субъекта на их обработку; 2) ПД получены ненадлежащим лицом; 3) истек срок их обработки; 4) согласие на обработку ПД отозвано субъектом.

1.3. Предметом преступления по ч. 1 ст. 272.1 УК РФ являются ПД, за исключением тех, которые выступают предметом по ч. 2 ст. 272.1 УК РФ (ПД несовершеннолетних лиц, специальные категории ПД, биометрические ПД). В связи с подобным

изложением текста закона возникает проблема установления предмета преступления в случае, когда будут совершаться действия с ПД, среди которых имеются как предусмотренные в ч. 1 ст. 272.1, так и предусмотренные в ч. 2 ст. 272.1 УК РФ. Например, когда осуществляется незаконная работа с базой данных, содержащей ПД и взрослых и несовершеннолетних. В такой ситуации содеянное надо квалифицировать только по ч. 2 ст. 272.1 УК РФ, или будет иметь место совокупность преступлений, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 272.1 УК РФ? Изложение чч. 1 и 2 ст. 272.1 УК РФ отличается от традиционной конструкции основной и квалифицированной норм, поскольку в ч. 1 сделано исключение для предмета, указанного в ч. 2 ст. 272.1 УК РФ. Тогда как традиционное построение квалифицированного состава предусматривает только дополнение основного состава.

При аналогичных конструкциях уголовно-правовых норм (а их немало в УК РФ) и в доктрине и на практике исходят из того, что имеет место конкуренция составов и содеянное не образует совокупности преступлений. Так, в статьях об ответственности за неосторожные преступления, совершаемые путем нарушения специальных правил, в основном составе в качестве общественно опасного последствия предусматривается тяжкий вред здоровью, в квалифицированном — смерть потерпевшего, в особо квалифицированном — смерть двух и более лиц (ст. 143, 216 УК РФ и др.). Если совершаются указанные в этих статьях нарушения, повлекшие одновременно наступление последствий, предусмотренных и в основном и в квалифицированном составе, содеянное оценивается по норме с более тяжкими последствиями.

Хотя технически конструкция норм в ст. 272.1 УК РФ несколько отличается от приведенных выше, тем не менее, по сути, соотношение норм в ней ровно такое же. Поэтому если указанные в ст. 272.1 УК РФ действия совершаются одновременно с ПД, указанными как в ч. 1, так и в ч. 2, то содеянное подлежит оценке по ч. 2 ст. 272.1 УК РФ, совокупности преступлений не будет.

2. Объективная сторона преступлений по чч. 1—5 ст. 272.1 УК РФ

В частях 1—2 ст. 272.1 УК РФ предусмотрены формальные составы, объективная сторона которых представляет собой альтернативные незаконные деяния с предметом преступления (компьютерной информацией, содержащей ПД, полученные незаконным путем): 1) использование; 2) передача (распространение, предоставление, доступ); 3) сбор; 4) хранение. Все перечисленные действия, согласно ст. 3 ФЗ № 152, являются разновидностью обработки ПД. Понятия распространения и предоставления ПД непосредственно определяются в ст. 3 указанного закона. Альтернативность состава предполагает применение специфических правил квалификации преступлений при установлении момента их окончания, определении вида соучастника, форм соучастия, установлении признаков единого сложного преступления или совокупности преступлений и др.

Перечисленные в ст. 272.1 УК РФ действия образуют состав преступления только в том случае, когда они совершаются в отношении незаконно полученных ПД. Само незаконное получение ПД, которое предшествует совершению преступления, находится за пределами данного состава. Поэтому, если лицо сначала преступным путем получает ПД, а затем совершает с ними действия, предусмотренные в ст. 272.1 УК РФ, содеянное подлежит оценке по совокупности преступлений.

Рассмотрим пример. Допустим, сначала путем неправомерного доступа лицо получает медицинские документы пациентов из компьютерной базы медицинских учреждений, а затем предоставляет доступ к этой информации заинтересованным лицам. В этой ситуации содеянное требует квалификации по ч. 2 ст. 274.1 УК РФ (поскольку информационные системы здравоохранения являются объектами критической информационной инфраструктуры Российской Федерации) и по ст. 272.1 УК РФ.

Не образуют состава преступления по ст. 272.1 УК РФ незаконные действия с законно полученными ПД. Например, неправомерное предоставление доступа заинтересованным лицам к сведениям о частной жизни лица, образующим личную тайну и находящимся на законных основаниях в обработке у оператора, при наличии иных признаков состава может квалифицироваться по статьям о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина, по иным статьям о преступлениях в сфере компьютерной информации (ст. 272, 274.1 УК РФ) и др.

При толковании ст. 272.1 УК РФ возникает вопрос об избыточности указания на незаконный характер действий в отношении предмета преступлений. Разве возможны законные действия с ПД, которые получены незаконным путем? На первый взгляд, это невозможно, поскольку противоречит логике. Однако можно привести пример (и это было сделано при описании предмета преступления), когда ПД получены незаконно, а после-

дующие действия с ними в целом нельзя признавать незаконными. Это происходит при незаконном восстановлении утраченных ПД, когда оператор сохраняет право их обработки.

3. Вина

В частях 1 и 2 ст. 272.1 УК РФ предусмотрены формальные составы. Указание на неосторожную вину здесь отсутствует. В части 2 ст. 24 УК РФ предусмотрено, что деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено в Особенной части УК РФ. С учетом этого можно заключить, что преступления, предусмотренные в чч. 1 и 2 ст. 272.1 УК РФ, являются умышленными. Ровно такой же вывод сделал Пленум Верховного Суда РФ в отношении преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ («Неправомерный доступ к компьютерной информации»)[1].

Специфика содержания вины в рассматриваемых составах преступления заключается в том, что осознание общественной опасности здесь увязано с осознанием противоправности получения ПД и противоправности действий, образующих собственно обработку ПД.

4. Субъект преступления

В общем случае определение субъекта преступления трудностей не представляет (вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16-летнего возраста). Проблема возникает при установлении субъекта в ситуации, когда преступление совершается в организации и есть те, кто принимает решение о неправомерной обработке ПД, и те, кто в силу трудовых функций собственно осуществляет эту обработку (часто осознавая противоправный характер этой обработки).

Представляется, что к таким случаям необходимо применять правило, нашедшее отражение в постановлении Пленума «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» от 18 ноября 2004 г. № 23. Верховный Суд РФ разъяснил, что при осуществлении организацией незаконной предпринимательской деятельности ответственности по ст. 171 УК РФ подлежит лицо, на которое в силу его служебного положения постоянно, временно или по специальному полномочию были непосредственно возложены обязанности по руководству организацией, а также лицо, фактически выполняющее обязанности или функции руководителя организации. Если лицо (за исключением руководителя организации или лица, на которое постоянно, временно или по специальному полномочию непосредственно возложены обязанности по руководству организацией) находится в трудовых отношениях с организацией или индивидуальным предпринимателем, то выполнение этим лицом обязанностей, вытекающих из трудового договора, не содержит состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ. Данное решение Пленума Верховного Суда РФ основано на том, что работники в указанной ситуации занимаются не предпринимательством, а принимают участие в производственной деятельности и получают зарплату за свой личный труд [7].

В случае с незаконной обработкой ПД работник, физически осуществляющий работу с компьютерной информацией, также исполняет свои профессиональные функции и получает за это вознаграждение. Выгоды от незаконной обработки ПД получает юридическое лицо. Поэтому и нести ответственность здесь должны только лица, причастные к принятию решения о незаконной обработке ПД. В связи с этим логика разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по делам о незаконном предпринимательстве вполне применима и в случае с неправомерной обработкой ПД в организации.

Таким образом, к уголовной ответственности по ст. 272.1 УК РФ за незаконную обработку ПД в организации должны привлекаться лица, которые принимают соответствующее управленческое решение. Это могут быть руководители организации (номинальные или фактические), лица, возглавляющие отдельные подразделения. Иные лица могут привлекаться к ответственности как соучастники в случаях, когда они вносят определенный вклад в принятие решения о незаконной обработке ПД. Одного факта работы с компьютерной информацией работником организации при выполнении профессиональных функций даже при условии его осведомленности о незаконности обработки ПД недостаточно для привлечения его к уголовной ответственности.

[1] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37. П. 6 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_434573/ (дата обращения: 30.04.2025).

5. Специальное обстоятельство, исключающее преступность деяния

В пункте 1 Примечаний к ст. 272.1 УК РФ предусмотрено, что ее действие не распространяется на случаи обработки ПД физическими лицами исключительно для личных и семейных нужд. В соответствии с указанным Примечанием уголовная ответственность за незаконный оборот ПД исключается при наличии совокупности условий: 1) обработка ПД осуществляется физическим лицом; 2) это делается исключительно для личных или семейных нужд. Проблематичным является установление второго условия. Что значит «личные и семейные нужды»? Подпадает под действие данного примечания обработка ПД лиц, которые не являются членами семьи? Какие виды обработки ПД могут исключать уголовную ответственность, а какие априори не подпадают под примечание к ст. 272.1 УК РФ? Неоднозначные ответы на поставленные вопросы порождают высокие риски разброса правоприменительных решений. Причем эти риски самые нежелательные, когда при схожих обстоятельствах в одних случаях будут оценивать содеянное как преступление, а в других как непреступное поведение. В связи с этим целесообразно путем специальных разъяснений упредить противоречия в практике применения закона.

1. Щепельков В. Ф. Перспективы уголовно-правового противодействия компьютерным преступлениям // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 9—14.

2. Хохлова Е. В. Незаконные действия с персональными данными: уголовно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2023. 255 с.

3. Гутник С. И. Уголовно-правовая характеристика преступных посягательств в отношении персональных данных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2017. 24 с.

4. Чукреев В. А. Концептуальные основы уголовно-правовой и криминологической безопасности биологической природы и социальной сущности человека: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2024. 42 с.

5. Сенцов А. С., Волколупова В. В. Перспективы криминализации незаконного оборота персональных данных: критический анализ нового законопроекта // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 16–23.

6. Алихаджиева И. С. Законопроект № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ (в части установления ответственности за незаконные использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные)»: научный комментарий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 2. С. 213—222.

7. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2007. 763 с.

1. Shchepelkov V. F. Perspectives of criminal-legal counteraction to computer crimes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—14, 2024. (In Russ.).

2. Khokhlova Ye. V. Illegal activities with personal data: criminal law study. Dissertation of candidate of juridical sciences. Belgorod; 2023: 255. (In Russ.).

3. Gutnik S. I. Criminal law characteristics of personal data offenses. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Vladivostok; 2017: 24. (In Russ.).

4. Chukreyev V. A. Conceptual basis of criminal-legal and criminological security of the biological and social human nature. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2024: 42. (In Russ.).

5. Sentsov A. S., Volkolupova V. V. Criminalization prospects of the illegal trafficking in personal data: a critical analysis of a new bill. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 16—23, 2024. (In Russ.).

6. Alikhadzhiyeva I. S. Draft law № 502113-8 "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation (in terms of establishing liability for illegal usage and transfer, collection and storage of computer information, containing personal data)". Scientific comment. Criminal law: development strategy in the XXI century, 213—222, 2024. (In Russ.).

7. Volzhenkin B. V. Crimes in the sphere of economic activities under criminal law of Russia. Saint Petersburg: Legal Center Press; 2007: 763. (In Russ.).

Щепельков Владислав Федорович,
профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского
государственного университета,
доктор юридических наук, профессор;
volga0@yandex.ru

Shchepelkov Vladislav Fedorovich,
professor at the department of criminal law
of the Saint-Petersburg State University,
doctor of juridical sciences, full professor;
volga0@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 21.05.2025; одобрена после рецензирования 31.05.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 21.05.2025; approved after reviewing 31.05.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.13

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СТАТУСЫ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Илья Степанович Дикарев
Волгоградская академия МВД России, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, iliadikarev@volsu.ru

Аннотация. Для уголовного судопроизводства характерно разнообразие процессуальных статусов лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Причем на стадии предварительного расследования таких статусов сразу два — подозреваемый и обвиняемый, в связи с чем в юридической литературе высказываются предложения закрепить единый статус. В ходе исследования была обоснована несостоятельность таких предложений, поскольку наличие двух процессуальных статусов у лица, в отношении которого в ходе расследования осуществляется уголовное преследование, имеет важное практическое значение: в зависимости от статуса (подозреваемый или обвиняемый) варьируется допустимая мера процессуального принуждения. Кроме того, показана зависимость процессуального статуса от сущности выдвинутого в отношении лица тезиса о причастности к совершенному преступлению. Каждый раз, когда происходит трансформация имеющегося тезиса или выдвижение нового утверждения относительно причастности лица к совершенному преступлению, изменяется и процессуальный статус лица, подвергнутого уголовному преследованию.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, осужденный, оправданный, уголовное преследование, обвинение

Для цитирования: Дикарев И. С. Процессуальные статусы лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 43—49.

PROCEDURAL STATUS OF AN INDIVIDUAL SUBJECT TO PROSECUTION

Iliya Stepanovich Dikarev
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd State University, Volgograd, Russia, iliadikarev@volsu.ru

Abstract. Criminal procedure is characterized by a variety of procedural statuses of an individual subject to prosecution. In fact, there are such two statuses at the stage of preliminary investigation — a suspect and an accused. Therefore, suggestions are made in legal publications to establish one status. The research proved the inconsistency of such suggestions, as the existence of two procedural statuses for an individual subject to investigation followed by prosecution is of a paramount practical importance: the status (whether it is a suspect or an accused) determines the admissible coercive procedural measure. Moreover, the article demonstrates the dependence of a procedural status on the essence of the proposition brought against the person related to his / her involvement in the crime committed. Every time there are transformations or reconsiderations of the proposition related to an individual's involvement in the crime committed, it eventually leads to the change of the procedural status of an individual subject to prosecution.

Keywords: a suspect, an accused, a convicted, justified, prosecution, accusation

For citation: Dikarev I. S. Procedural status of an individual subject to prosecution. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 43—49, 2025. (In Russ.).

© Дикарев И. С., 2025

Движение уголовному процессу всегда придает деятельность стороны обвинения. В чьем бы производстве ни находилось уголовное дело — следователя, дознавателя или суда, — уголовно-процессуальная деятельность будет осуществляться только при условии, что сторона обвинения выдвигает требование о применении уголовного закона к лицу, совершившему запрещенное уголовным законом деяние, или осуществляет в ходе досудебного производства подготовительную к выдвижению такого требования деятельность. Таким образом, деятельность стороны обвинения, именуемая уголовным преследованием, всегда имеет субъективную направленность, ведь применение уголовного закона возможно только к определенному лицу. Не на всех этапах судопроизводства эта особенность предполагает персонифицированный характер уголовного преследования: на стадии возбуждения уголовного дела и на начальных этапах предварительного расследования часто бывает неизвестно, кто конкретно совершил преступление, но уголовное преследование тем не менее уже осуществляется.

Дело в том, что сообщение о преступлении, и уж тем более обнаружение по результатам его проверки признаков преступления служит основанием для презумпции существования лица, это преступление совершившего, а значит, продолжающего представлять опасность для общества. Принцип публичности, в основе которого лежит положение ст. 2 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020), обязывающей государство признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, требует от органов расследования, как государственных органов, нейтрализовать эту опасность для общества и добиться привлечения виновного к уголовной ответственности. В связи с этим дознаватель или следователь, получив сообщение о преступлении, обязан инициативно провести проверку, изучать обстоятельства совершенного преступления и собирать доказательственную информацию, с тем чтобы пока еще обезличенная фигура правонарушителя приобрела свои очертания. Другими словами, на этом этапе судопроизводства ведется преследование пока еще неизвестного преступника. И когда это лицо будет установлено, оно приобретет статус участника уголовного процесса со стороны защиты.

Особенность правового положения лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, заключается в том, что в ходе производства по уголовному делу его статус постоянно изменяется: вначале он подозреваемый, затем обвиняемый, подсудимый, а после постановления приговора — осужденный или оправданный. Если же уголовное дело в отношении гражданина будет прекращено (причем независимо от того, по какому именно основанию), то в случае возобновления процессуальной деятельности, например в связи с обжалованием вынесенного судом постановления в апелляционном порядке, этот гражданин приобретет статус «лица, в отношении которого прекращено уголовное дело» (п. 2 ч. 1 ст. 389.12 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)).

Такие метаморфозы присущи только стороне защиты, поскольку процессуальный статус остальных участников уголовного процесса является, как правило, неизменным. Чем же обусловлена происходящая в ходе производства по уголовному делу трансформация процессуального положения ключевого участника процесса со стороны обвинения?

Вопрос этот не праздный. Дело в том, что в юридической науке периодически высказываются предложения отказаться от наделения на стадии предварительного расследования основного участника со стороны обвинения разными процессуальными статусами, оставив какой-то один из них.

В частности, о том, что в советском уголовном процессе не должно быть особой процессуальной фигуры подозреваемого, писал М. С. Строгович [1]. Сомнения в обоснованности существования такой фигуры выражала также И. Б. Михайловская, отмечая, что советские юристы были вынуждены оправдывать ее наличие в законе [2].

Но в теории уголовного процесса можно встретить и диаметрально противоположную позицию, суть которой составляет идея о необходимости вытеснения из досудебного производства процессуальной фигуры обвиняемого, ее замене подозреваемым. Так, по мнению О. С. Поликарповой, именно подозреваемый должен занять положение «единственной процессуальный фигуры, в отношении которой одновременно реализуются функции уголовного преследования и защиты до завершения досудебного производства по делу» [3, с. 141].

Несмотря на различия приведенных позиций, само их наличие свидетельствует о сомнениях ученых-процессуалистов в необходимости суще-

ствования сразу нескольких процессуальных статусов, которые поочередно приобретает субъект, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Обоснованны ли эти сомнения, является ли выделение статусов подозреваемого и обвиняемого излишним усложнением процесса, и если нет, на чем основано существующее разграничение?

Первое, что приходит на ум: процессуальный статус изобличаемого лица может быть предопределен характером осуществляемой в отношении него обвинительной деятельности. В юридической науке принято деление уголовного преследования на формы, в основу которого положено различие тезиса, проверяемого и доказываемого в ходе осуществления процессуальной деятельности органов предварительного расследования. Как пишет О. Д. Жук, «формы уголовного преследования различаются в зависимости... от степени выраженности, степени конкретности обвинения, по поводу которого уголовное преследование осуществляется» [4, с. 105]. Однако, независимо от того, кто участвует в уголовном деле — подозреваемый или обвиняемый, — содержание уголовного преследования как деятельности, осуществляемой органами предварительного расследования, не изменяется. Органы расследования используют единый инструментарий (прежде всего следственные действия) как для установления личности еще неизвестного преступника, так и для изобличения уже вовлеченного в уголовный процесс лица, будь то подозреваемый или обвиняемый. И если неперсонифицированное уголовное преследование отличается от персонифицированного пусть не содержанием, то хотя бы направленностью (второе непосредственно связано с личностью конкретного субъекта, версия о совершении преступления которым составляет основной предмет изучения), то содержательных различий в уголовном преследовании подозреваемого и обвиняемого нет и быть не может. А поскольку во взаимосвязи формы и содержания именно последнее составляет определяющую сторону объекта, без изменения содержания никакой модификации формы не происходит. Следовательно, имея единое содержание, уголовное преследование в отношении подозреваемого и обвиняемого осуществляется в одной и той же форме.

Кроме того, отсутствие каких-либо форм уголовного преследования, различаемых в зависимости от того, какова степень доказанности причастности лица к совершенному преступлению, подтверждается также тем, что, во-первых, подозрение и обвинение являются «продуктом», результатом уголовного преследования, а во-вторых, и при подозрении, и при обвинении органы предварительного расследования устанавливают общий предмет доказывания, сформулированный в ст. 73 УПК РФ, располагая одним и тем же арсеналом познавательных процессуальных средств [5].

Однако неизменность содержательной стороны уголовного преследования при доказывании подозрения и обвинения не означает отсутствия различий между самими этими тезисами. Думается, именно игнорирование этого различия является основной предпосылкой для предложений отказаться от дифференцированных статусов подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве.

Как уже было сказано, и подозрение, и обвинение являются тезисами (утверждениями), выдвигаемыми, проверяемыми и доказываемыми в ходе предварительного расследования. Нередко один и тот же тезис сперва выдвигается как подозрение, а затем в результате накопления доказательственного материала, оказывающего влияние на формирование внутреннего убеждения должностного лица, ведущего производство по уголовному делу, трансформируется в обвинение.

Не случайно основное процессуальное решение, с которым закон связывает приобретение лицом статуса подозреваемого — задержание, имеет в качестве оснований такие обстоятельства, которые позволяют лишь предполагать о причастности данного лица к совершению преступления (ч. 1 ст. 91 УПК РФ). То же самое можно сказать и о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, ведь основанием для вынесения такого решения являются достаточные данные, указывающие на наличие лишь признаков преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Большего знания в ходе проверки сообщения о преступлении на данном этапе получить, как правило, невозможно в силу ограниченности предмета и познавательных средств доследственной проверки.

Принципиально иной характер имеет обвинение, ведь его выдвижение, процессуально оформляемое постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительным актом или постановлением, возможно только при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления (ч. 1 ст. 171 УПК РФ). Под воздействием такой совокупности доказательств у органа расследования формируется внутреннее убеждение уже не о предполагаемой причастности, но о виновности лица в совершении преступления.

Таким образом, подозрение и обвинение характеризуются разной степенью доказанности причастности лица к совершенному преступлению: первое носит предположительный характер, а второе — утвердительный [6]. Полагаем, что разграничение процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого является производным именно от этого качественного различия выдвигаемых стороной обвинения тезисов.

В то же время если бы такое разграничение не имело практического значения, а определялось исключительно лексическим фактором, то от него действительно следовало бы отказаться. Нельзя упускать из виду, что в ходе расследования подозреваемый и обвиняемый пользуются практически равным объемом прав и несут общие процессуальные обязанности. Так зачем же законодатель проводит эту грань между подозреваемым и обвиняемым, какое прикладное значение имеет степень доказанности вины лица в совершенном преступлении?

Тезис стороны обвинения, какую бы форму — подозрения или обвинения — он ни имел, пока его правильность не будет подтверждена вступившим в законную силу приговором суда, остается лишь гипотезой. Однако в отличие от гипотезы, выраженной в обвинении, когда орган расследования располагает совокупностью доказательств, достаточной для формирования у него внутреннего убеждения в виновности обвиняемого, подозрение представляет собой лишь предположение о возможной причастности лица к совершенному преступлению. Соответственно, при наличии одного лишь подозрения весьма высока вероятность того, что лицо может в действительности оказаться невиновным.

Данное различие не может не учитываться при определении меры допустимого процессуального принуждения к лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Ведь чем ниже уровень доказанности причастности лица к совершенному преступлению, тем выше вероятность того, что применение процессуального принуждения окажется необоснованным, причинит вред правам и свободам невиновного лица. Соответственно, уровень ограничений прав и свобод личности должен варьироваться в зависимости от того, имеется в отношении лица лишь подозрение или уже выдвинуто обвинение. Именно эта задача и решается законодателем посредством дифференциации процессуального статуса лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Схематично этот алгоритм выглядит следующим образом: выдвинутый стороной обвинения тезис (подозрение или обвинение) определяет процессуальный статус (подозреваемый или обвиняемый), в зависимости от которого законодателем поставлена допустимая степень ограничения прав и свобод личности при применении процессуального принуждения.

Чтобы убедиться в правильности такого вывода, достаточно обратиться к ч. 1 ст. 100 УПК РФ, предусматривающей, что мера пресечения к подозреваемому может быть применена только в исключительных случаях. А общее правило, согласно которому обвинение должно быть предъявлено подозреваемому в срок не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения, направлено как раз на то, чтобы свести к минимуму продолжительность времени применения принуждения к лицу, в отношении которого имеется только подозрение. Для сохранения меры пресечения органы расследования обязаны собрать доказательства виновности в совокупности, достаточной для привлечения этого лица в качестве обвиняемого.

Аналогичный подход законодатель демонстрирует и при регламентации применения меры пресечения в виде заключения под стражу в ходе дознания. Согласно чч. 2 и 3 ст. 224 УПК РФ в случае избрания такой меры пресечения в отношении подозреваемого дознаватель обязан не позднее 10 суток со дня заключения подозреваемого под стражу составить обвинительный акт, который, как известно, является основанием приобретения лицом статуса обвиняемого, а при невозможности завершить в такой срок расследование дознаватель должен предъявить подозреваемому обвинение.

Кроме того, возможность участия лица в уголовном деле в качестве подозреваемого позволяет обеспечить право на защиту тем лицам, в отношении которых не может быть выдвинуто обвинение, но уже *de facto* осуществляется уголовное преследование. Поэтому нельзя согласиться с авторами, настаивающими на том, что приобретение процессуального статуса подозреваемого не должно быть связано с принятием процессуальных решений о возбуждении уголовного дела или применении мер процессуального принуждения [3]. Конечно, придание лицу статуса подозреваемого в случаях, предусмотренных в пп. 1—3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, является «побочным» результатом принятия процессуальных решений, основная цель которых состоит в ином — в возбуждении уголовного дела или применении меры принуждения. Однако игнорировать тот факт, что принятие таких решений

свидетельствует о наличии в отношении лица подозрения, невозможно, а раз так — придание лицу статуса подозреваемого является логичным и закономерным шагом, обеспечивающим гражданину право на защиту.

Справедливости ради следует заметить, что действующая регламентация, связывающая приобретение лицом статуса подозреваемого с вынесением решений, указанных в пп. 1—3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, подвергается критике прежде всего с позиций обеспечения прав подозреваемого. И с этим в полной мере следует согласиться. Как мы уже отмечали ранее, такие решения действительно не оформляют подозрение, не содержат его формулировку, что препятствует реализации подозреваемым права на защиту. Полагаем, что решаться данная проблема должна путем установления в уголовно-процессуальном законе требования об обязательном уведомлении о подозрении лиц, в отношении которых принято решение о возбуждении уголовного дела, задержании или применении меры пресечения не позднее определенного срока (например, трех — пяти суток) с момента вынесения соответствующих процессуальных решений [7]. Соблюдение такой процедуры позволит не только довести до сведения лица суть имеющегося у органов расследования подозрения, но и позволит подозреваемому «ответить» на это подозрение в рамках допроса, являющегося обязательным элементом уведомления о подозрении (ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ).

Неразрывно связаны с трансформацией обвинительного тезиса в ходе производства по уголовному делу также и процессуальные статусы, приобретаемые лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, уже в ходе судебного производства.

Согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым. Данное положение закона обусловлено тем, что с момента назначения судебного заседания выдвинутое в отношении лица обвинение становится предметом судебного разбирательства, а деятельность по его поддержанию именуется с этого момента государственным обвинением. Кроме того, в такой терминологии проявляется один из «атавизмов» уголовного процесса, ведь до 1992 г. первая стадия судебного производства именовалась преданием суду, и основной вопрос, который на ней решался, состоял в выяснении достаточности оснований для рассмотрения дела в судебном заседании (ст. 221 УПК РСФСР 1960 г.). Таким образом, предание суду было той стадией, на которой происходила «отдача обвиняемого под суд», вследствие чего он и становился «подсудимым».

Занимая буферное место между досудебным производством и судебным разбирательством, стадия назначения судебного заседания имеет двойное назначение: с одной стороны, на ней разрешаются вопросы, связанные с организацией предстоящего судебного разбирательства, а с другой — осуществляется судебный контроль за предшествовавшей процессуальной деятельностью, чтобы убедиться в том, что уголовное преследование осуществлялось в соответствии с законом, а права подозреваемого, обвиняемого и других участников процесса были в должной мере обеспечены и не нарушались. Кроме того, на рассматриваемой стадии обвинение может измениться вследствие отказа прокурора от обвинения на предварительном слушании, а также прекращения дела судом по ходатайству сторон при наличии иных оснований, предусмотренных ст. 25 и 28 УПК РФ. Как следствие, в судебное разбирательство выносится уже не то обвинение, которое сформулировано в обвинительном заключении, а прошедшее сквозь фильтры судебного контроля, учитывающее все корректировки, внесенные в ходе предварительного слушания. Вследствие этого и возникает необходимость фиксации обвинительного тезиса в судебном акте, определяющем предмет и пределы судебного разбирательства, — постановлении о назначении судебного заседания, что, в свою очередь, и самому обвинению придает качественно иной характер. Таким образом, происходит трансформация формы фиксации обвинительного тезиса, который с этого момента принимается судом в качестве предмета исследования, и эта трансформация влечет за собой изменение наименования субъекта, в отношении которого этот тезис выдвинут: обвиняемый становится подсудимым.

Что же касается статуса оправданного или осужденного, то здесь именование определяется отражаемыми в приговоре результатами судебного разбирательства в отношении подсудимого по поводу предъявленного ему обвинения. Вместе с тем важно понимать, что постановление судом оправдательного или обвинительного приговора означает упразднение обвинения как тезиса, поскольку с этого момента оно судом разрешено. Однако оправдание и осуждение, выраженные в приговоре, — это тоже тезисы, но уже принципиально иные в сравнении с обвинением. Разница заключается в том, что, в отличие от обвинения, выдви-

гаемого стороной, и, как уже было сказано, упраздняемого в связи с его разрешением, оправдание и осуждение — это утверждения, исходящие от суда. Другими словами, в отношении оправданного или осужденного формулируются совершенно новые тезисы (утверждения), отражающие уже внутреннее убеждение суда.

Здесь следует обратить внимание на одну теоретическую проблему, возникающую в случае обжалования приговора и переноса уголовного дела в вышестоящую — апелляционную — судебную инстанцию. Дело в том, что в суде второй инстанции прокурор имеет статус государственного обвинителя, что позволяет предположить, что на данной стадии государственное обвинение появляется вновь (после его упразднения путем разрешения по существу и постановления приговора). Но при этом представители стороны защиты участвуют в рассмотрении дела судом апелляционной инстанции в качестве оправданного или осужденного. Из этого следует сделать вывод, что государственный обвинитель, участвуя в апелляционном производстве, оспаривает или, наоборот, обосновывает правосудность приговора, отстаивая тот же тезис, что и в суде первой инстанции. Однако поскольку предметом рассмотрения в суде второй инстанции является законность, обоснованность и справедливость судебного акта, поддерживаемый прокурором тезис уже не имеет никакого значения для определения процессуального статуса участников со стороны защиты. Эти субъекты именуются оправданным или осужденным, поскольку проверка приговора судом апелляционной инстанции нацелена прежде всего на верификацию утверждений суда — оправдания или осуждения. Именно эти тезисы продолжают предопределять процессуальный статус представителей стороны защиты.

Аналогичным образом следует объяснять процессуальное положение оправданного и осужденного в судах кассационной и надзорной инстанций, где вообще нет ни обвинения, ни защиты — стороны кассационного или надзорного разбирательства направляют свои усилия либо на оспаривание судебного акта, либо на обоснование его правосудности и необходимости сохранения его в силе. И прокурор на этих этапах судопроизводства уже не является государственным обвинителем, ведь он обязан добиваться пересмотра любого незаконного судебного акта, равно как и отстаивать необходимость сохранения законной силы правосудного решения независимо от того, какой судебный тезис в них отражен — оправдание или осуждение [8].

В связи с дополнением УПК РФ главами 45.1 и 47.1[1] в уголовно-процессуальном праве была закреплена еще одна разновидность статуса участника судопроизводства со стороны защиты — лица, в отношении которого уголовное дело прекращено (ст. 389.24, 401.6 УПК РФ). Такая фигура может появиться в процессе в случае обжалования в вышестоящую судебную инстанцию постановления или определения суда, которым уголовное дело прекращено. Такое судебное решение упраздняет обвинение, поддерживаемое государственным обвинителем, причем в ряде случаев, когда уголовное дело прекращается по реабилитирующим основаниям, оно имеет, по сути, то же правовое значение, что и оправдательный приговор. Между тем вследствие того, что, в отличие от приговора, в постановлении или определении о прекращении уголовного дела суд не формулирует утверждений об оправдании или осуждении, лицо, в отношении которого оно вынесено, именоваться оправданным или осужденным не может. Этим и обусловлено использование законодателем для его обозначения термина «лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено», обогащающего таким образом «палитру» наименований процессуальных участников уголовного процесса со стороны защиты.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что различие процессуальных статусов, которые последовательно приобретает в ходе процессуальной деятельности лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, является объективно обусловленным. Такой процессуальный статус продиктован сущностью выдвинутого в отношении лица тезиса о причастности к совершенному преступлению, а потому этот статус меняется каждый раз, когда происходит трансформация или выдвижение нового тезиса (подозрение, обвинение, государственное обвинение, осуждение / оправдание). На стадии предварительного расследования наличие двух процессуальных статусов, которыми может наделяться лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, имеет важное практическое значение, поскольку от статуса зависит мера допустимого

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ // Рос. газ. 2010. 31 дек.

процессуального принуждения. В связи с этим предложения ввести для лица, подвергнутого в ходе досудебного производства уголовному преследованию, единый статус (подозреваемого или обвиняемого) представляются непродуктивными, а их реализация стала бы шагом назад в развитии российского уголовно-процессуального права.

1. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 191 с.

2. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). Москва: Проспект, ТК Велби, 2003. 144 с.

3. Поликарпова О. С. Развитие процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2025. 278 с.

4. Жук О. Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций). Москва: ИНФРА-М, 2004. 272 с.

5. Дикарев И. С., Байманов С. С. Формы уголовного преследования // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 3. С. 167—175.

6. Дикарев И. Подозрение в уголовном процессе // Законность. 2013. № 8. С. 20—22.

7. Дикарев И. С., Никонович С. Л. Выдвижение подозрения в уголовном процессе // Вестник военного права. 2021. № 3. С. 7—12.

8. Дикарев И. С. Уголовно-процессуальная функция прокурора в судах кассационной и надзорной инстанций // Уголовное судопроизводство. 2022. № 2. С. 28—32.

1. Strogovich M. S. Prosecution in the Soviet criminal procedure. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publishing; 1951: 191. (In Russ.).

2. Mikhailovskaya I. B. Purposes, functions and principles of Russian criminal proceedings (criminal procedure form). Moscow: Prospect; TK Welby; 2003: 144. (In Russ.).

3. Polikarpova O. S. The formation of the procedural status of a suspect in Russian criminal proceeding. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2025: 278. (In Russ.).

4. Zhuk O. D. Prosecution in criminal cases connected with organizing gangs (criminal enterprises). Moscow: INFRA-M; 2004: 272. (In Russ.).

5. Dikarev I. S., Baymanov S. S. Forms of prosecution. Legal concept = Pravovaya paradigma, 167—175, 2021. (In Russ.).

6. Dikarev I. Suspicion in criminal procedure. Legality, 20—22, 2013. (In Russ.).

7. Dikarev I. S., Nikonovich S. L. Bringing suspicion in criminal procedure. Journal of military law, 7—12, 2021. (In Russ.).

8. Dikarev I. S. Criminal procedure function of the prosecutor in appeal and supervisory courts. Criminal proceedings, 28—32, 2022. (In Russ.).

Дикарев Илья Степанович,
профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
директор института права
Волгоградского государственного
университета,
доктор юридических наук, доцент;
iliadikarev@volsu.ru

Dikarev Iliya Stepanovich,
professor at the criminal procedure department
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the Internal Affairs Bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
head of the institute of law
of the Volgograd State University,
doctor of juridical sciences, docent;
iliadikarev@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 29.04.2025; одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 29.04.2025; approved after reviewing 07.05.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.139

О ВОЗВРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РАЗУМНОСТИ СРОКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Елена Александровна Зайцева
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, zaitceva-expert@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются пп. 2 и 5 ч. 1 ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, содержащие основания для возвращения уголовного дела прокурору, с точки зрения оптимальности установленной процедуры для устранения нарушений прав обвиняемого, соответствия этих оснований требованию разумности сроков уголовного судопроизводства. Делается вывод о неизбежности жертвования принципиальным требованием соблюдения разумных сроков производства в пользу обеспечения правильного применения закона и справедливого разрешения уголовного дела по существу, чему и служит институт возвращения уголовного дела прокурору. С учетом толкования норм данного правового института в системном единстве с рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся вопросов подсудности, производства в суде присяжных, особого порядка уголовного судопроизводства и правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации, выраженных в ряде его постановлений, автор аргументирует вывод о необходимости исключения указанных пунктов из ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Предлагается альтернативная система восстановления нарушенных прав обвиняемого в ходе предварительного слушания. Формулируются соответствующие новеллы и предложения по корректировке ряда постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященных этой проблематике.

Ключевые слова: возвращение уголовного дела прокурору, разумные сроки судопроизводства, предварительное слушание, восстановление прав обвиняемого, вручение копий обвинительных актов, выбор судебной процедуры, выбор состава суда

Для цитирования: Зайцева Е. А. О возвращении уголовного дела прокурору сквозь призму разумности сроков уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 50—59.

ON RETURNING A CRIMINAL CASE TO THE PROSECUTOR BY APPLYING REASONABLENESS OF THE TIME LIMITS OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Yelena Alexandrovna Zaitseva
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, zaitceva-expert@rambler.ru

Abstract. The author of the article analyzes paragraphs 2 and 5 of Part 1 of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation containing the grounds to return a criminal case to the prosecutor considering the optimality of the established procedure to eliminate violations of the rights of the accused and the compliance of these grounds with the requirement of reasonableness of the time limits of criminal proceedings. The author concludes that it is inevitable to sacrifice the fundamental requirement to observe reasonable time limits in behalf of ensuring the correct application of the law and a fair resolution of the criminal case on merit which is what the institution of returning the criminal case to the prosecutor is intended to. Taking into account the interpretation of the norms of this legal institution in the systemic unity with a number of provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation concerning issues of jurisdiction, proceedings in a jury trial, a special procedure for criminal proceedings and the legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation to be expressed in a number of its resolutions, the author proves the necessity to eliminate these points from Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author proposes an alternative system for restoring the violated rights of the accused during the preliminary hearing as well as

© Зайцева Е. А., 2025

formulates the corresponding innovations and proposals to correct a number of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation devoted to the discussed issue.

Keywords: returning a criminal case to the prosecutor, reasonable time limits for proceedings, preliminary hearing, restoring the rights of the accused, delivering the copies of indictments, choosing a judicial procedure, choosing the membership of the court

For citation: Zaitseva Ye. A. On returning a criminal case to the prosecutor by applying reasonableness of the time limits of criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 50—59, 2025. (In Russ.).

Мониторинг тематики статей, опубликованных за 20 лет в научно-практическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России», который отметил в этом году свой юбилей, показал, что проблемы института возвращения уголовного дела судом прокурору за указанный период только трижды попадали в фокус внимания авторов журнала [1—3]. Всего два раза публиковались статьи, посвященные разумным срокам уголовного судопроизводства и озаглавленные соответствующим образом, — это работы профессора М. Т. Аширбековой [4] и ее ученицы С. Б. Некеновой [5]. Однако справедливости ради отметим, что проблематика баланса публичного интереса при возвращении уголовного дела прокурору и такой ценности, как разумный срок уголовного судопроизводства, не была предметом отдельного исследования авторов журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России», что актуализирует эти аспекты и вызывает желание рассмотреть вопрос о том, насколько положения института возвращения уголовного дела прокурору коррелируют с требованиями соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства.

Отметим, что пришедшее комплексно в национальное законодательство конвенциальное требование соблюдения разумных сроков судопроизводства благодаря практике Европейского суда по правам человека[1] было известно отечественному уголовно-процессуальному праву еще в период, предшествующий 2010 г.[2] Тому свидетельством может быть наличие в УПК РСФСР 1960 г., в гл. 1 «Основные положения», такой задачи советского уголовного процесса, как *быстрое* и полное раскрытие *преступлений*[3]. Следует особо подчеркнуть, что требование быстроты было адресовано не только субъектам, осуществляющим предварительное расследование, но и судам, что вытекает из положений ст. 44 УПК РСФСР, регламентирующей изменение подсудности в целях «наиболее *быстрого*, полного и объективного рассмотрения дела (здесь и далее по тексту статьи курсив в цитатах наш. — *Е. З.*)».

Быстрота процесса подразумевает неуклонное движение уголовного дела к его логическому завершению в кратчайшие сроки, будь то его прекращение при наличии указанных в законе оснований либо передача в суд для разрешения его по существу. Естественно, что «обратно поступательное движение уголовного дела» [6, с. 83; 7, с. 9] (возвращение уголовного дела прокурору) из судебного производства назад, в стадию предварительного расследования, вряд ли изначально соответствует требованию разумных сроков уголовного судопроизводства, значительно увеличивая время устранения выявленных судом препятствий к рассмотрению уголовного дела по существу. *Институту возвращения уголовного дела прокурору имманентно присуще свойство, противоречащее требованию быстроты,* — это правовая данность, с которой необходимо смириться в современных условиях.

Не будем при этом забывать, что отечественный законодатель, ликвидировав в свое время процедуру возвращения уголовного дела из суда для дополнительного расследования[4], долго и упорно

[1] См.: Дело «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации» (№ 2) (жалоба № 33509/04): постановление ЕСПЧ от 15.01.2009 // Российская хроника Европейского Суда. 2009. № 4.

[2] См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: федер. закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

[3] Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (вместе с Кодексом): закон РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

[4] И здесь мы склонны поспорить с Н. А. Быданцевым и В. В. Кониным, которые ошибочно называют возвращение уголовного дела на дополнительное расследование «институтом возращения уголовного дела прокурору» и утверждают, что «институт возвращения уголовного дела прокурору фактически» был *упразднен* «в момент

пытался минимизировать воздействие этого свойства анализируемого нами института на движение уголовного дела, устанавливая запрет на производство следственных действий во время нахождения такого дела в ведении органов предварительного расследования, лимитировал срок (пять суток) для устранения нарушений по возвращенному уголовному делу. Эти попытки не привели к желаемому результату, что обусловлено было, в первую очередь, низким качеством предварительного расследования, не способного поставлять в суд «безупречный продукт» — уголовные дела, не обремененные огрехами досудебного производства, содержащими пробелы в доказательственной базе, нарушениями прав участников судопроизводства, дефектами оформления материалов, — т. е. всем тем, что препятствует рассмотрению уголовного дела судом по существу в разумные сроки. Реальность бытия российской уголовно-процессуальной практики пришла в противоречие с идеальной моделью и «лучшими устремлениями» разработчиков Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), которые в большей степени были готовы к вынесению значительного числа оправдательных приговоров по делам с такими дефектами досудебного производства, чем к возврату уголовного дела на предварительное расследование для устранения данных препятствий.

На примере правового института возвращения уголовного дела прокурору мы видим кардинальное изменение идеологических установок законодателя: от прямого запрета производства следственных действий по возвращенному уголовному делу и ограничения сроков работы по исправлению выявленных нарушений пятью сутками — до снятия указанного запрета и устранения любого временного лимита. И на этом фоне к тому же наблюдается расширение оснований для возвращения уголовного дела прокурору в 2013—2014 гг.[1]

Данная тенденция явно реализуется не в рамках тренда на укрепление позиций принципа разумных сроков уголовного судопроизводства. Отнюдь. В указанной ситуации разумность сроков судопроизводства «приносится в жертву» более значимой ценности — обеспечению законного и справедливого разрешения уголовного дела судом, приоритет которой очевиден: речь идет о *сущностном свойстве судопроизводства*, отражающем его предназначение в правовом государстве. Это свойство при сравнении его с быстротой производства по уголовному делу, выражающей *внешнее, формальное свойство* уголовно-процессуальной деятельности, безусловно, довлеет над последним, выстраивая иную систему баланса при определении шкалы ценностей, задающей тон нормативным предписаниям, регулирующим предварительное слушание на стадии подготовки к судебному разбирательству.

Это утверждение, на первый взгляд, «как бы» противоречит устоявшейся в доктрине аксиоме о том, что все принципы уголовного судопроизводства «равновесны», что в системе этих базовых идейных положений нет таких, которые бы претендовали на первенство, оттесняя на задний план менее значимые принципы. Тем не менее в ситуации с возвращением уголовного дела прокурору мы видим проявление иного подхода: законность при производстве по уголовному делу в совокупности с принципом независимости судей оказываются «в приоритете» перед разумным сроком уголовного судопроизводства и доступом потерпевших к правосудию в эти самые разумные сроки. При таком положении основания возвращения уголовного дела прокурору действительно должны быть «нормативно выверенными» и такими «фундаментальными», что игнорирование их привело бы к искажению смысла правосудия. Только тогда можно оправдать само существование данного института, который функционирует вопреки требованиям ст. 6.1 УПК РФ о производстве по уголовному делу в разумные сроки. Попробуем именно с точки зрения последнего утверждения

вступления в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года... но затем *восстановлен*» [8, с. 17]. Мы считаем, что в контексте сказанного данными авторами *упразднять и восстанавливать*, по сути, *было нечего* — это разные правовые институты, имеющие разные основания и цели для движения уголовного дела в досудебное производство. Точнее говоря, упразднен был институт возвращения уголовного дела для дополнительного расследования из суда, а вместо него была введена новая нормативная общность — возвращение уголовного дела прокурору.

[1] См. изменения, внесенные: Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875); Федеральным законом от 26 апреля 2013 г. № 64-ФЗ (СЗ РФ. 2013. № 17. Ст. 2031); Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ (СЗ РФ. 2014. № 30. Ч. I. Ст. 4270).

проанализировать систему оснований, закрепленных в ст. 237 УПК РФ.

Подчеркнем, что вопросы возвращения уголовного дела прокурору судом являются настолько значимыми, что не только законодатель уделяет особое внимание развитию и совершенствованию данного института[1], но и Пленум Верховного Суда нашего государства посвятил *три специализированных постановления*, посвященных указанной проблематике. Так, еще в советский период для формирования адекватной и единообразной судебной практики по применению положений ст. 232 УПК РСФСР Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее — ПВС РФ) издал в 1999 г. специализированное Постановление № 84[2], в котором разъяснял полномочия суда при реализации указанных законоположений[3]. Примечательным является то обстоятельство, что в п. 3 Постановления Пленум обозначил ситуации, когда суд может по своей инициативе возвращать уголовное дело прокурору, подчеркнув межстадийный характер[4] этой возможности.

Спустя почти 25 лет после вынесения того знакового Постановления № 84 мы наблюдаем актуализацию проблематики полномочий суда по возвращению уголовного дела прокурору: ПВС РФ издал новое специализированное Постановление № 39[5] по данному непростому для практики вопросу, разъяснив особенности применения оснований, заложенных законодателем в анализируемой нами ст. 237 УПК РФ. Особое внимание при этом Пленум уделил п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ (посвятив ему пп. 2—10), в связи с чем позиции ПВС РФ по данному основанию изложены полно, что не вызывает у автора настоящих строк повода подискутировать.

А вот относительно п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ создается ощущение «недосказанности». В частности, Постановление ПВС РФ от 17 декабря 2024 г. № 39 не содержит четко прописанного алгоритма действий суда при установлении факта уважительности причин[6] невручения копии обвинительного заключения (акта, постановления) обвиняемому, когда он уклонился от ее получения. Новое постановление фактически воспроизводит положения п. 15 Постановления ПВС РФ «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» от 22 декабря 2009 г. № 28[7].

---

[1] Шесть федеральных законов принято в последние годы в целях оптимизации института возвращения уголовного дела прокурору, включая ранее упомянутые нами, расширившие перечень оснований возвращения уголовного дела прокурору (см. также: О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 27. Ч. 1. Ст. 2706; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ // Там же. 2008. № 49. Ст. 5724; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части наделения суда правом соединения уголовных дел в одно производство: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 327-ФЗ // Там же. 2016. № 27. Ч. II. Ст. 4260).

[2] См.: О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 8 декабря 1999 г. № 84 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 2.

[3] До этого момента действовало постановление Пленума Верховного Суда РСФСР «О некоторых вопросах, связанных с применением судами уголовно-процессуальных норм, регулирующих возвращение дел для дополнительного расследования» от 17 апреля 1984 г. № 2 (Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1984. № 7), подвергнутое критике Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 20 апреля 1999 г. № 7-П.

[4] Это за 11 лет до издания Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ, который закрепил возможность использования положений ст. 237 УПК РФ не только в судах первой инстанции, но и в вышестоящих судебных инстанциях! (См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 45.)

[5] См.: О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39 // Рос. газ. 2024. 28 дек.

[6] С точки зрения оценки законности действий прокурора.

[7] См.: О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28 (ред. от 15.05.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.12.2022) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2025).

Если обратиться к законодательству некоторых государств, например КНР, то там, как известно, обязанность вручения подсудимому копии обвинительного заключения возложена не на государственного обвинителя, а на суд после принятия решения о назначении судебного заседания [9]. В российском уголовном процессе в силу принципа состязательности сторон суд освобожден от таких полномочий, и обязанность вручить копию данных обвинительных документов остается на представителе прокуратуры. В любом случае отложение уголовного дела в связи с необходимостью ознакомления обвиняемого с обвинительным заключением для подготовки к защите не может осуществиться на срок менее семи суток. И предварительное слушание (для ситуации, когда в деле имеется оформленная надлежащим образом отметка об отказе в получении копии обвиняемым), и рассмотрение уголовного дела по существу не могут состояться ранее этих семи суток с момента вручения текста обвинительных документов. Но мы видим, что вручение обвинительных документов *уже в суде* не препятствует в этой ситуации реализации права обвиняемого на защиту.

В то же время, как полагаем, идейным ориентиром в решении обозначенной нами проблеме должны быть правовые позиции ПВС РФ, сформулированные им в п. 8 упомянутого нового Постановления ПВС РФ от 17 декабря 2024 г. № 39: «*Уголовное дело не подлежит возвращению прокурору*, если допущенное органами предварительного расследования нарушение требований уголовно-процессуального закона может быть устранено в судебном заседании, когда это не влечет изменения обвинения на более тяжкое либо существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам, не ухудшает положения обвиняемого и *не нарушает его права на защиту*». Думается, анализируемая нами проблематика очень удачно вписывается в эту схему.

Не ущемляет данное право и положение, закрепленное в п. 13 упомянутого Постановления ПВС РФ № 28 от 22 декабря 2009 г., которое предоставляет суду *нетипичное* полномочие: «в ходе предварительного слушания ходатайства о назначении судебного заседания в отсутствие подсудимого судье надлежит проверить, *вручены ли прокурором защитнику подсудимого копия обвинительного заключения или постановления прокурора об изменении обвинения, которые могут быть вручены защитнику судом без возвращения уголовного дела прокурору*»[1].

Описанные две ситуации недвусмысленно демонстрируют возможность обеспечения права обвиняемого на защиту даже при «отсроченном» вручении ему (или его защитнику) копии обвинительного заключения. Главное здесь — предоставить обвиняемому не менее семи суток для подготовки к защите в суде. То есть необходимо создать условия для реализации данного права обвиняемого, пусть даже и «задним числом», соблюсти семисуточный срок, которого, по мнению законодателя, вполне достаточно, чтобы подготовиться к полноценной защите в суде.

Тем не менее по какой-то неизвестной причине законодатель посчитал недопустимым использование аналогичного механизма для случая, когда прокурор не вручил обвиняемому копию заключительного акта предварительного расследования и не сделал отметку об уважительности причин невручения.

Вот как спорную ситуацию описывают Ф. Н. Багаутдинов и И. А. Халиков: «Если обвиняемый заявляет о неполучении обвинительного заключения (акта), прокурор может повторно вручить ему этот документ в суде. Однако *подобная возможность реализуется исключительно с согласия суда*, который вынужден отложить рассмотрение уголовного дела. В случае если суд не соглашается восполнить упущение со стороны надзорного органа, он возвращает дело прокурору. Формальное основание для этого имеется» [10].

Безусловно, с точки зрения соблюдения сроков рассмотрения уголовного дела в судебном производстве[2] отложение дела слушанием вряд ли устроит суд. Однако возвращение уголовного дела прокурору в этом случае означает еще большее смещение сроков его рассмотрения по существу, о чем справедливо пишет И. В. Мало-

[1] О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28.

[2] Так, согласно форме «Отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» графа 9 раздела 1 «Движение дел» предусматривает фиксацию нарушения сроков, установленных ст. 227, 233, 321, ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ, что стимулирует суды соблюдать требования разумных сроков производства, минимизируя случаи отложения уголовных дел слушанием (см.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942 (дата обращения: 23.06.2025)).

феев, указывая как минимум 19 суток, на которые откладывается слушание дела в суде [11] (при этом он исходил из расчета ранее предусмотренных 10 суток на апелляционное обжалование решения суда о возвращении уголовного дела прокурору, в то время как сейчас этот срок составляет 15 суток).

Сказанное подчеркивает явное противоречие установлений п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ требованию разумности сроков уголовного судопроизводства, особенно в ситуации, когда имеется наработанный компенсационный механизм восстановления нарушенного права обвиняемого на защиту.

Это приводит нас к выводу о необходимости исключения комментируемого положения п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ и дополнении ст. 228 УПК РФ новой частью 4 следующего содержания:

«4. При установлении судом факта невручения обвиняемому копии обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления суд должен выяснить причины, по которым обвиняемому не вручена соответствующая копия. Прокурор до принятия судьей решения в порядке части первой статьи 227 настоящего Кодекса обязан обеспечить вручение обвиняемому копии обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления. Предварительное слушание или судебное разбирательство уголовного дела по существу в таком случае должно быть назначено в соответствии с частью второй статьи 233 настоящего Кодекса.».

Предложенные в данной новелле положения о выяснении причин невручения копии заключительных обвинительных актов предварительного расследования ориентированы на поддержание процессуальной дисциплины надзирающих прокуроров: в случае ненадлежащего исполнения ими надзорных функций суд будет направлять в адрес прокуратур частные постановления, что может повлечь применение мер дисциплинарного воздействия к «нерадивым» прокурорам.

Для комплексного регулирования данного аспекта выработки единообразной судебной практики также надлежит исключить п. 11 из Постановления ПВС РФ от 17 декабря 2024 г. № 39.

Итак, вопрос об основании, предусмотренном п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, как противоречащем требованию разумных сроков уголовного судопроизводства и существующим механизмам компенсации права обвиняемого на защиту в связи с отсроченным ознакомлением с итоговыми обвинительными актами предварительного расследования может быть решен предложенным нами способом.

Однако в перечне оснований возвращения уголовного дела прокурору есть еще одно, привлекающее наше внимание в контексте проблематики данной статьи: п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, который также связан с нарушением права обвиняемого, но уже права на выбор судебной процедуры и состава суда. Согласно указанному пункту дело возвращается прокурору, если следователь (и в некоторых случаях дознаватель) при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела не разъяснил ему права, предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ, к которым законодатель относит право ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей или коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции, о применении особого порядка судебного разбирательства или о проведении предварительных слушаний.

ПВС РФ в Постановлении от 17 декабря 2024 г. № 39 сформулировал в п. 12 рекомендацию, что в описываемой ситуации судья принимает решение о *назначении предварительного слушания* для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору по правилам п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. В рамках этого судебного заседания *судья может восстановить права обвиняемого на выбор судебной процедуры и состава суда*, что позволяет не возвращать уголовное дело прокурору и фиксировать соответствующее ходатайство обвиняемого уже в ходе предварительного слушания. Естественно, судья назначает судебное заседание с учетом данного ходатайства обвиняемого о составе суда и форме судопроизводства. Мы видим, что процедура предварительного слушания, протекающего в режиме состязательности и равноправия сторон, *является универсальной процессуальной формой для компенсации и восстановления нарушенных прав обвиняемого*. Не случайно законодатель предпослал эту процедуру для решения важных вопросов правоограничительного характера в стадии подготовки судебного разбирательства (чч. 2 и 3 ст. 228 УПК РФ). Она выступает заместительным механизмом проведения судебных заседаний в порядке ст. 108, 109 и 115.1 УПК РФ, обеспечивая необходимый уровень гарантирования прав сторон.

С учетом сказанного странным видится дальнейшее утверждение ПВС РФ в анализируемом нами п. 12: «При невозможности устранить допущенные в ходе предварительного расследования нарушения уголовно-процессуального закона дело подлежит возвращению прокурору». Возникает вопрос: какие обстоятельства не позволят в режиме

предварительного слушания восстановить рассматриваемое право обвиняемого?

Право на суд с участием присяжных заседателей? Вряд ли такое вероятно, потому что сам ПВС РФ предусматривает возможность заявления подобного ходатайства в рамках предварительного слушания: «По смыслу части 5 статьи 231 УПК РФ *обвиняемый имеет право заявить ходатайство о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей непосредственно на предварительном слушании*, о проведении которого заявлено ходатайство им или другими участниками процесса по иным основаниям, предусмотренным частью 2 статьи 229 УПК РФ»[1].

Право на рассмотрение уголовного дела коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции? Но это право также реально восстанавливаемо в ходе предварительного слушания. Так, согласно п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ данный состав суда обвиняемый может выбрать путем заявления ходатайства, поданного «до назначения судебного заседания в соответствии со статьей 231 настоящего Кодекса». И хотя ч. 1 ст. 231 УПК РФ предусматривает вынесение судьей постановления о назначении судебного заседания без проведения предварительного слушания, тем не менее нет никаких препятствий к заявлению подобного ходатайства непосредственно в рамках предварительного слушания. Данный тезис подтверждает и правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в п. 2.2 Определения от 25.04.2024 г. № 845-О: «К тому же вопрос о рассмотрении уголовного дела судьей единолично или судом коллегиально разрешается в постановлении о назначении судебного заседания, *в том числе по результатам предварительного слушания* (пункт 2 части второй статьи 231 и пункт 5 части первой статьи 236 данного Кодекса)»[2].

Право на применение особого порядка, предусмотренного гл. 40 УПК РФ? Но в соответствии с предписаниями п. 2 ч. 2 ст. 315 УПК РФ обвиняемый вправе заявить ходатайство о рассмотрении его уголовного дела в особом порядке на *предварительном слушании*. ПВС РФ в п. 11 Постановления от 22 декабря 2009 г. № 28 отмечал: «Если в ходе предварительного слушания имеется возможность восстановить права обвиняемого, судья по ходатайству обвиняемого принимает решение о назначении судебного заседания в особом порядке»[3], что, собственно, логично. Однако далее, там же, Пленум опять пишет знакомую нам фразу: «При невозможности устранить допущенные в ходе предварительного расследования нарушения уголовно-процессуального закона дело подлежит возвращению прокурору»[4]. Сложно представить ситуации, препятствующие устранению данных нарушений в рамках предварительного слушания! Тем не менее сходные правовые позиции ПВС РФ формулировал и в п. 4 Постановления от 5 декабря 2006 г. № 60[5].

Ну и четвертое право, предусмотренное ч. 5 ст. 217 УПК РФ, которое, по мнению ПВС РФ, может быть не восстановимым в суде, это право ходатайствовать о проведении предварительных слушаний в случаях, обозначенных законодателем как обязательные (ст. 229 УПК РФ).

Проведенный анализ с очевидностью демонстрирует наличие реальных возможностей для восстановления нарушенных следователем (дознавателем) прав обвиняемого, предусмотренных ч. 5 ст. 217 УПК РФ, — без возвращения уголовного дела прокурору, непосредственно на предвари-

---

[1] О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 (ред. от 28.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 1; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Галим Рамили Хамитьяновны на нарушение ее конституционных прав статьей 280.4 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьей 234, частью седьмой статьи 236 и пунктом 1 части первой статьи 401.5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2024 г. № 875-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2025). Документ опубликован не был.

[3] О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28 (ред. от 15.05.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 2; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7.

[4] Там же.

[5] О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 (ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 2; Российская газета. 2021. 16 июля.

тельном слушании, проведение которого для подобных случаев *должно стать обязательным*. При этом необходимо законодательно предусмотреть обязанность судьи разъяснить юридические последствия заявляемых ходатайств и сущность выбираемых судебных процедур и судебных составов, а также право обвиняемого получить консультацию с защитником до момента подачи соответствующего ходатайства (вплоть до объявления для этих целей перерыва в судебном заседании).

С учетом вышеизложенного полагаем целесообразным для решения обозначенной нами проблемы п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ как противоречащего требованию разумности сроков уголовного судопроизводства:

1. Исключить данный п. 5 из ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

2. Дополнить ст. 228 УПК РФ новой частью 5 следующего содержания:

«5. Если судья установит, что при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, предусмотренные частью пятой статьи 217 настоящего Кодекса, судья назначает предварительное слушание, в ходе которого обвиняемому разъясняются данные права и создаются условия для заявления соответствующих ходатайств. При необходимости консультации с защитником, а также если защитник не был приглашен обвиняемым, суд обеспечивает участие защитника. По просьбе обвиняемого и его защитника суд вправе объявить перерыв в предварительном слушании для консультации.».

3. Дополнить ч. 2 ст. 229 УПК РФ новым основанием проведения предварительного слушания:

«9) при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, предусмотренные частью пятой статьи 217 настоящего Кодекса.».

4. Скорректировать тексты постановлений ПВС РФ:

4.1. Исключить п. 12 из Постановления ПВС РФ от 17 декабря 2024 г. № 39.

4.2. Дополнить п. 11 Постановления ПВС РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 новым абзацем 2, который изложить в следующей редакции: «При рассмотрении вопроса о возможности принятия судебного решения по ходатайству обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке судам надлежит устанавливать, имеются ли по уголовному делу необходимые для этого условия: заявление обвиняемого о согласии с предъявленным обвинением в совершении преступления; понимание обвиняемым существа обвинения и согласие с ним в полном объеме; заявление такого ходатайства в присутствии защитника добровольно и после консультации с ним в период, установленный частью 2 статьи 315 УПК РФ; осознание обвиняемым характера и последствий заявленного им ходатайства; обвинение лица в совершении преступления небольшой и (или) средней тяжести; отсутствие возражений у государственного или частного обвинителя и потерпевшего против рассмотрения уголовного дела в особом порядке; обоснованность обвинения и его подтверждение собранными по делу доказательствами (часть 7 статьи 316 УПК РФ); отсутствие оснований для прекращения уголовного дела.».

4.3. Существующий абзац 2 п. 11 Постановления ПВС РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 считать абзацем 3 и изложить его в следующей редакции: «Невыполнение органами предварительного расследования возложенной на них частью 1 статьи 11 и пунктом 2 части 5 статьи 217 УПК РФ обязанности по разъяснению обвиняемому права ходатайствовать при ознакомлении с материалами уголовного дела о применении особого порядка судебного разбирательства является основанием для проведения предварительного слушания, в ходе которого с соблюдением условий, указанных в абзаце 2 пункта 11 настоящего Постановления, судья восстанавливает права обвиняемого и по его ходатайству принимает решение о назначении судебного заседания в особом порядке.».

4.4. Абзацы 1 и 2 п. 4 Постановления ПВС РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 изложить в следующей редакции:

«4. Невыполнение органами предварительного расследования возложенной на них частью 1 статьи 11 и пунктом 2 части 5 статьи 217 УПК РФ обязанности по разъяснению обвиняемому права ходатайствовать при ознакомлении с материалами уголовного дела о применении особого порядка судебного разбирательства является основанием проведения предварительного слушания для решения.

В ходе проводимого с участием обвиняемого, его защитника, прокурора и потерпевшего предварительного слушания с соблюдением условий, указанных в пункте 2 настоящего Постановления, судья обеспечивает восстановление права обвиняемого и по его ходатайству принимает решение о назначении судебного заседания в особом порядке.».

1. Трифонова К. А. К вопросу о совершенствовании нормативной регламентации некоторых оснований возвращения уголовного дела прокурору // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 3 (14). С. 134—141.

2. Стельмах В. Ю. Предусматривает ли современный уголовно-процессуальный закон возвращение уголовного дела судом для дополнительного расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 173—181.

3. Шарипова А. Р. Институт возвращения судом уголовного дела прокурору: межотраслевые аналогии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 95—103.

4. Аширбекова М. Т. О разумном сроке уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 2 (21). С. 81—85.

5. Некенова С. Б. Разумный срок как элемент процессуального режима сокращенного производства по уголовному делу // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 4 (23). С. 116—122.

6. Зайцева Е. А., Трифонова К. А. Возвращение уголовного дела судом прокурору — это возвращение на дополнительное расследование? // Современные проблемы права: сб. науч. тр. Волгоград: ВА МВД России, 2009. С. 81—87.

7. Трифонова К. А., Зайцева Е. А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование: проблемы теории и практики. Москва: Юрлитинформ, 2014. 224 с.

8. Быданцев Н. А., Конин В. В. Возвращение уголовного дела прокурору: анализ правовых позиций пленума верховного суда Российской Федерации // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 16—25.

9. Сумин А. А. Государственное обвинение в суде первой инстанции Китайской Народной Республики // Законность. 2024. № 8. С. 22—25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Багаутдинов Ф. Н., Халиков И. А. Актуальные вопросы вручения прокурором обвинительного заключения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 4. С. 20—25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Малофеев И. В. Институт дополнительного расследования: реанимация или полный отказ? // Законность. 2014. № 3. С. 58—60. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Trifonova K. A. On the issue of improving the regulation for certain grounds to return a criminal case to the prosecutor. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 134—141, 2010. (In Russ.).

2. Stelmakh V. Yu. Does the modern criminal procedure law provide for returning a criminal case for additional investigation by the court. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 173—181, 2020. (In Russ.).

3. Sharipova A. R. The institute of returning a criminal case to the prosecutor by the court: intersectorial analogies. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 95—103, 2022. (In Russ.).

4. Ashirbekova M. T. On a reasonable time limit for criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 81—85, 2012. (In Russ.).

5. Nekenova S. B. Reasonable time limit as an element of the procedural regime of reduced proceedings in a criminal case. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 116—122, 2012. (In Russ.).

6. Zaitseva Ye. A., Trifonova K. A. Is returning a criminal case to the prosecutor by the court considered to be returning for additional investigation? In: Modern problems of law. Collection of scientific papers. Volgograd: the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2009: 81—87. (In Russ.).

7. Trifonova K. A., Zaitseva Ye. A. Legal institution of returning a criminal case for additional investigation: problems of theory and practice. Moscow: Yurlitinform; 2014: 224. (In Russ.).

8. Bydantsev N. A., Konin V. V. Returning a criminal case to the prosecutor: analysis of the legal positions of the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. KriminalistЪ, 16—25, 2025. (In Russ.).

9. Sumin A. A. State prosecution in the court of the first instance of the People's Republic of China. Legality, 22—25, 2024. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).

10. Bagautdinov F. N., Khalikov I. A. Topical issues of delivering the indictment by the prosecutor. Journal of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 20—25, 2022. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).

11. Malofeyev I. V. Institute of additional investigation: is it resuscitation / revival or full denial? Legality, 58—60, 2014. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).

Зайцева Елена Александровна,
профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации;
zaitceva-expert@rambler.ru

Zaitseva Yelena Alexandrovna,
professor at the department
of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor,
honored worker of the higher school
of the Russian Federation;
zaitceva-expert@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 11.06.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 11.06.2025.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343:374

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: УЧЕБНИК, ЖУРНАЛ И МОНОГРАФИЯ, ИХ РОЛЬ И МЕСТО В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ. ЧАСТЬ 1. ДОКТРИНА В ПОИСКАХ КОНЦЕПЦИИ

Никита Александрович Колоколов
Московский университет им. А. С. Грибоедова, Московский педагогический государственный университет, журнал «Уголовное судопроизводство», журнал «Мировой судья», Москва, Россия, nikita_kolokolov@mail.ru

Аннотация. Существующий ныне алгоритм уголовного судопроизводства (процесс познания от преступления к приговору и соответствующие ему процедуры) — творение века двадцатого, а во многом и вовсе девятнадцатого. Вместе с тем очевидно, что общество в своем развитии все эти две сотни лет на одном месте не стояло. Следовательно, новые производительные силы (средства производства) с неизбежностью породили новые производственные отношения, в первую очередь кадры, владеющие технологиями XIX в. Поэтому неудивительно, что на смену традиционным для прошлых веков сугубо «материальным» офисам полиции, прокуратуры и суда, а равно и привычно подшитым «бумажным» делам в XXI в. с неизбежностью приходит не просто новое, а что-то абсолютно новое — инновационное (обгонять, не догоняя): «виртуальный» офис и «виртуальное» дело; статус обязательных регламентов получат соответствующие им инновационные методы функционирования. Мы на пороге открытия инновационной во всех отношениях «надлежащей правовой процедуры» XIX в. Впрочем, не будем отрицать очевидного, основные черты этих инновационных процедур все еще в непроницаемом тумане будущего.

В то же время сказанное означает: «новую рабочую силу» (следователей, прокуроров, адвокатов и судей образца XXI в.) давно пора обучать в вузах совершенно по-новому. Высшая школа, а вместе с нею и все общество ожидают от академической науки адекватных текущим запросам инновационных учебников по уголовному праву и уголовно-процессуальному праву. Нами постоянно подчеркивается мысль, что для познания данных наук обучающиеся, помимо учебников, обязаны читать соответствующие периодические юридические журналы, статьи из которых постепенно складываются в монографии, как индивидуальные, так и коллективные.

Вниманию читателя предлагается серия из трех статей, в первой из которых освещается эволюция воззрений на уголовное судопроизводство в целом.

Ключевые слова: уголовное право, уголовно-процессуальное право (уголовный процесс), учебники по уголовному и уголовно-процессуальному праву (уголовному процессу), история создания учебника по уголовно-процессуальному праву (уголовному процессу), место учебника по уголовно-процессуальному праву (уголовному процессу) в системе юридического образования, роль юридической периодики и монографических исследований в познании глубин уголовного судопроизводства, юридическая школа XXI в.

Для цитирования: Колоколов Н. А. Уголовное право и уголовный процесс: учебник, журнал и монография, их роль и место в образовательном процессе. Часть 1. Доктрина в поисках концепции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 60—74.

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE: A TEXTBOOK, A JOURNAL AND A MONOGRAPH, THEIR ROLE AND PLACE IN THE EDUCATIONAL PROCESS. PART 1. DOCTRINE IN LOOKING FOR A CONCEPT

Nikita Alexsandrovich Kolokolov
A. S. Griboyedov Moscow University, Moscow Pedagogical State University, "Criminal proceedings" journal, "Judge of the Peace" journal, Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

© Колоколов Н. А., 2025

Abstract. The acting algorithm of criminal proceedings (understanding the process from a crime to a sentence and the corresponding procedures) is a product of the twentieth century, and in many ways the one of the nineteenth century. At the same time, it is obvious that society has not stood still in its development for these two hundred years. Consequently, new productive forces (means of production) generated new production relations inevitably; primarily, personnel who know the technologies of the nineteenth century. Therefore, it is not surprising, that in the twenty-first century, the "material" offices of police, prosecutor's office and court traditional for the previous centuries, as well as the usual filed "paper" cases are replaced by not just something new, but something absolutely new — innovations: "virtual" office and "virtual" case. Corresponding innovative methods of functioning will get the status of mandatory regulations. In all respects, we are at the beginning of discovery of an innovative "proper legal procedure" of the nineteenth century. However, let us not deny the obvious thing; the main features of these innovative procedures are still in the impenetrable mist of the future.

Meanwhile, the mentioned above text demonstrates the fact: it is high time for universities to train the "new work force" (investigators, prosecutors, lawyers and judges of the twenty-first century) in a completely new way. Higher education institutions, as well as the whole society, expect innovative textbooks on criminal law and criminal procedure law that are adequate to existing demands. We constantly emphasize the idea that in order to understand these sciences, it is necessary for students, in addition to textbooks, to read the relevant periodical legal journals, because their articles gradually form monographs, both individual and collective.

The author pays the attention of the reader to a series of three articles, the first of which covers the evolution of views on criminal proceedings in general.

Keywords: criminal law, criminal procedure law (criminal process); textbooks on criminal law and criminal procedure law (criminal process); history to write a textbook on criminal procedure law (criminal process); place of a textbook on criminal procedure law (criminal process) in the system of legal education; the role of legal periodicals and monographic studies in understanding the depths of criminal proceedings; legal school of the twenty-first century

For citation: Kolokolov N. A. Criminal law and criminal procedure: a textbook, a journal and a monograph, their role and place in the educational process. Part 1. Doctrine in looking for a concept. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 60—74, 2025. (In Russ.).

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь...
А. С. Пушкин «Евгений Онегин»

Ничему нельзя научить,
всему можно только научиться.
Галилео Галией

Не умеешь — научим,
не хочешь — заставим.
Главный армейский принцип

Введение

Непосредственным поводом к подготовке настоящей публикации стала информация (новые знания), полученная автором в ходе участия в трех научно-практических конференциях. Первой из них явились II Стояновские чтения. Данный научный форум был организован Московской академией Следственного комитета имени А. Я. Сухарева (инициатор – доц. Ю. А. Цветков) и всецело посвящен сравнительно «узкой» теме «Учебник уголовного процесса: прошлое, настоящее, будущее» (г. Москва, 22 апреля 2025 г.). Следующее научное мероприятие, в котором автор принял участие, — Международная научно-практическая конференция «Правовые и правоприменительные проблемы в реализации уголовной ответственности и их освещение в научных изданиях» (Волгоградская академия МВД России, 24 апреля 2025 г., инициатор — проф. М. С. Колосович). Наконец, третьим форумом в названной серии научных мероприятий оказалась проходившая 15—16 мая 2025 г. в Омской академии МВД России XI Международная научно-практическая конференция «Право и политика: история и современность» (инициатор — проф. Т. Е. Грязнова), организаторы которой любезно предоставили автору возможность (без ограничения времени) последовательно выступить с темами: «Судебная власть: еще раз о сущем феномена в логосе» (15 мая) и «Роль и место судебных решений в выявлении лакун в законодательстве» (16 мая).

В описании действительности автор двигался от частного (учебник) к общему, к совокупности проблем в уголовном судопроизводстве, одному из методов разрешения существующих коллизий судом на основе творческого прочтения норм права и морали конкретными судебными составами.

Автор в юриспруденции (по большому счету) свыше 55 лет, четверть века из которых отдал преимущественно практике. Сначала в системе власти исполнительной (с 1989 г. следователь в органах МВД Молдавской ССР, затем anchetator superior Ministerul Afacerilor Interne al Republicii Moldova), а с 1991 г. в системе власти судебной (судья в районном и областном судах, судья Верховного Суда РФ).

Начиная с 1991 г. автор, помимо прочего, по совместительству преподаватель (в том числе в таких ведущих вузах, как РАП (ныне РГУП им. В. М. Лебедева), МГИМО и НИУ ВШЭ на кафедре, возглавляемой легендой уголовного процесса России, проф. Т. Г. Морщаковой (1936 г. р.)). Из этого следует, что многое из того, о чем повествуется в настоящей статье, автором изучалось (и изучается) методом включенного наблюдения, поэтому о коммуникациях в системе взаимоотношений «следователь — прокурор — адвокат — суд (судья) — наука» нам известно не понаслышке.

Помимо этого, нашему перу принадлежит более чем 1 500 научных и научно-методических работ, автор также неоднократно привлекался к участию в научных коллективах, занимающихся подготовкой учебников по уголовно-процессуальному праву, комментирующих Уголовный кодекс Российской Федерации.

Думается, не лишним будет упомянуть и то, что автор два десятилетия подряд является бессменным главным редактором журнала «Уголовное судопроизводство», членом редакционного совета журнала «Уголовный процесс».

Свое повествование продолжим с изречения, приписываемого древнегреческому философу Гераклиту (ок. 554—483 гг. до н. э.): «Все течет, все изменяется». Столетием позже данную мысль подхватил и Платон (428 / 427 — 348 / 347 гг. до н. э.), который констатировал: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку». С высоты своих лет (бесспорно, «богатства») нам остается только подтвердить, что высшая школа, в которую автор с величайшим трудом (конкурс 25 человек на место, приоритет «партийным») смог поступить в 1970-е гг., ныне совсем иная: более чем наполовину — «плати деньги, да не забудь вовремя забрать диплом».

Не случайно книга проф. Вадима Валерьевича Радаева (1961 г. р.) «Преподавание в кризисе» [1] выдержала третье издание. У автора этой работы и современные студенты — «не студенты», да и «учебники они практически не читают». Крайне трудно не согласиться с В. В. Радаевым в том, что «в обществе давно произошли множественные структурные и институциональные изменения» [1, с. 19], в частности, «смартфон не только стал продолжением руки человека» [1, с. 23—26], эти gadget, device и computer в режиме online порой успешно справляются с ролью (пока виртуально) Учителя. Не замечать перечисленных явлений в обучении профессорско-преподавательский состав (ППС) права не имеет, у него есть эффективный конкурент — было бы у студента желание учиться.

В то же время никто не отрицает жизненной стойкости — божественного дара, «академической харизмы», описанной Уильямом Кларком [2], свойственной не только научно-исследовательским университетам (НИУ), но и высшей школе в целом. О месте высшей школы в научно-технической революции (НТР) образно, но вместе с тем очень точно пишет наш современник Юваль Ной Харари (1976 г. р.): ее (высшей школы) блестящее будущее предопределено «природой человека» (!), не только «покоряющего мир sapiens» [3, с. 87—181], но и обучаемого (вечную когнитивную революцию никто не отменял) [4, с. 9—96], ибо «азбука» — кто «владеет информацией, тот владеет будущим» [5, с. 101—102]. «Смысл всего этого — жизнь не вымысел» [5, с. 324—367].

Обращаясь к ППС, У. Кларк констатирует: «Публикуйся или исчезни», цифровой мир давно перевернул модель, в рамках которой «читающий лекции» преподаватель — всего лишь механический transmitto — монополизировавший истину посредник между доктриной (наукой), запрессованной в учебник, и искусственно (ввиду отсутствия иных источников информации) отрешенным от этой самой доктрины слушателем.

Полагаем, самое время подсказать вдумчивому читателю, что он оказался в лабиринте массы суждений с не вполне очевидными и легко прослеживаемыми внутренними связями. Надеемся, что *наш* читатель (а о существовании такового автору известно доподлинно) простит автору манеру изложения: сказать хочется (необходимо) очень многое, в силу данного обстоятельства одни проблемы нами лишь обозначены, на другие, уже описанные автором, даются многочисленные ссылки. В то же время автор уверен, что *наш* читатель к концу повествования сможет легко сложить целиком мозаику, образ которой пока только в нашем сознании. Далее переходим к уголовному судопроизводству.

Как известно нашему просвещенному читателю, уголовное право и уголовный процесс это в первую очередь не просто политика, а всегда

еще и большая политика! Применительно к названным отраслям права речь фактически идет о «визитной карточке» конкретного государства. Не случайно писанные linqua Latina (на латыни) древнейшие правила уголовного судопроизводства упрочились уже в глубоком Средневековье в Constitution of the United Kingdom (неписаной конституции Великобритании): в 1215 г. — Magna Charta Libertatum (Великая хартия вольностей), а в 1679 г. — Habeas Corpus Act (Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и предупреждении заточения за морями).

Словосочетание «Habeas Corpus» в самом широком толковании (каждый имеет право на судебную защиту) оказалось настолько устойчивым и всем понятным, что спустя три века отдельной статьей (31) прямо вошло в Конституцию Португальской республики от 25 апреля 1974 г. В принципе, в той или иной форме данное фундаментальное положение уголовного процесса мы находим во всех современных конституциях последней четверти XX в., в частности это ст. 22, 45 и 46 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) (далее — Конституция РФ). Констатируется (пусть далеко не всегда и не совсем бесспорно): человек, а вместе с ним его права и свободы (наконец-то заметили!), наверное (?), — высшая ценность, обеспечиваемая правосудием (ст. 18 Конституции РФ).

Ох уж эти горячо обсуждаемые с 1788 г. права человека (Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen): во многом речь идет об очередной утопии. Тем не менее на текущий момент они являются последним прибежищем авторов многих современных законоположений, о чем весьма критически пишет наш современник Сэмюэл Мойн (1972 г. р.) [6].

В середине XIX в. правоприменители в США вдруг осознали, что спешить с высылкой (с глаз долой — из сердца вон, как это делали в предикатном государстве Great Britain) в новые земли (земной шар уже заселен), а тем более казнить (за кражу в шесть пенсов) всех без исключения преступников совсем необязательно, поскольку с подавляющим большинством из них лучше, легче, проще и дешевле договориться. Результат этого инновационного осознания — «Plea Bargaining's Triumph» [7] — торжество процессуальной методики, точное название которой на русском языке российская юридическая наука (а вместе с ней и отечественный законодатель) подобрать все еще не сподобилась.

Не будем отрицать очевидного: над нами все еще довлеет брезгливое отношение к компромиссу государства с правонарушителем. Академик В. Н. Кудрявцев (1923—2007 гг.) писал: «судопроизводство никогда не должно превращаться в поле торга» [8, с. 216]. Ох уж эта слепая (или вынужденная?) вера в «непорочное зачатие»!

Инновационный прогресс (пусть и не всеми одобряемый) в российской процессуалистике налицо: то, что десятилетиями клеймили презренной «сделкой с правосудием», в 2001 г. (пусть и с подачи «наших заклятых друзей») все пришлось интегрировать в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) как совокупность неких «особых» производств. Термин «особое» пока законсервирован в законе (гл. 40 УПК РФ). Его status quo незыблем, даже несмотря на то, что правоприменитель в качестве основной формы (как в песне) предпочел «другую» — давно основную, про которую самое время сказать: «хоть не люблю, но целую». Такова статистика — до 82 % в некоторых регионах!

2009 г. — следующий шаг на «пути признания компромиссов» государства с преступником: «процессуальный кентавр» [9] — досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ).

В обозначенном выше «компромиссном» направлении в 2016 г. весьма успешно продвинулись авторы однозначно более чем спорной конструкции — института «судебного штрафа» (гл. 15.2 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), ст. 25.1 УПК РФ). Пик востребованности этой «инновации» — 2020 г. (пандемия!), правила ст. 25.1 УПК РФ применены по 62 тыс. уголовных дел [10].

Главное в практике, впрочем, «судебные доктрины, как результат общенаучного и конкретного понятия права» [11, с. 20]. А как показывает судебная практика, таковых в стройном, завершенном и целостном «научном» виде как раз-то и нет! Например, суды «с порога» отказали «процессуальному кентавру» Глазковой (в рамках гл. 40.1 УПК РФ изобличила взяткодателя) в статусе потерпевшей по ч. 2 ст. 309 УК РФ, несмотря на реальность угроз (взята под защиту полицией!) со стороны родственников подсудимого, только ввиду того, что она — «не свидетель», а всего лишь «раскаявшийся преступник». Мотив: уголов-

ное преследование бывших соучастников (свидетелей только de facto) законом не предусмотрено!

Данная проблема по инициативе 3-го судебного состава Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ обсуждалась, однако приемлемой рекомендации выработать не удалось. Очевидна и причина проблемы, она понятийно-категориальная: трансформация одного из обвиняемых в свидетеля — только часть более емкого института — права обвиняемого на его допрос судом в качестве свидетеля. Сказавши «А», следует говорить и «Б».

Налицо очевидная косность в мышлении большинства практиков. По делу Ткаченко таковая преодолевается путем применения «рычага», имеющего статус Конституционного Суда РФ, который в своем постановлении указал, что сначала было вымогательство взятки (!), а затем оперативно-разыскные мероприятия (!) и «никакой дачи взятки» (!) [12].

Вывод из приведенных примеров может быть только один: понятийно-категориальный аппарат права уголовного и уголовно-процессуального не то что далек от совершенства — наука испытывает явные проблемы с его формированием.

В отличие от, например, Германии[1], в отечественном понятийно-категориальном аппарате до сих пор так и не появились русские аналоги терминам «апелляция» и «кассация» (linqua Latina). В то же время в поисках инновационных форм в рамках традиционного национального менталитета (как же, истина — цель доказывания) [13, с. 89—110] упорно эволюционирует чисто наше, российское изобретение — надзор [14], даже несмотря на то, что классическая суть последнего — дискреционное право «начальника» (соответствующих прокурора, председателя суда), во многом, читай, произвол[2], практически полностью кануло в Лету (согласно ч. 3 ст. 123 Конституции РФ: «судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон», которым, как известно, истина нужна далеко не всегда).

Однако, как водится, в 2001 г. «вместе с водой выплеснули и ребенка»: Председатель Верховного Суда РФ, его заместители знают, что по делу нарушена надлежащая правовая процедура, а поделать с этим ничего не могут, инициируя тем самым ничем не оправданный процесс консервации грубой очевидной процессуальной ошибки[3].

Мягко говоря, спорных вопросов в уголовном судопроизводстве немало: неудивительно, что уголовную политику проф. Н. А. Лопашенко именует «темной материей» [15, с. 3]. Мы же в своих рассуждениях гораздо более оптимистичны: уголовная политика для автора всего лишь «загадочная очевидность» [16].

1. Уголовный процесс: человечество в поисках концепции

1.1. Эволюция воззрений на уголовное судопроизводство

Каким в самом широком смысле этого слова должен быть УПК (порядок уголовного судопроизводства)? Ответ на данный вопрос найдем у лидера КНР Дэн Сяопина (1904—1997 гг.), который в 1973 г. заявил: «Не важно — какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей».

Анализ истории уголовного судопроизводства, насчитывающей пять тысячелетий, позволяет сделать однозначный вывод: человечество с самых древнейших времен пыталось сформулировать основные требования к уголовному суду или, по крайней мере, к базовым процедурам уголовного процесса.

---

[1] Вместо «франкофонских» терминов «апелляция» и «кассация» в StPO — Strafprozessordnung (Порядок уголовного процесса) находим национальное: «Berufung» (обращение, в юридическом плане обжалование) — § 312—332, Revision (проверка) — § 333—358.

[2] В бытность судьей областного суда автор получал от председателя этого суда задание проверить функционирование курируемого нами районного суда и подготовить с его (председателя) подписью десяток протестов для решения на президиуме областного суда вопроса об отмене приговоров за мягкостью. В науку, чтобы в районах «не баловались»... Существовал в те годы показатель — осуждение к реальному лишению свободы, за уровень которого фактически до конца нулевых годов XXI в. регионы отчитывались перед центром. Времена ожидаемо изменились, ныне регионы журят за «увеличение тюремного населения» (см.: ВС РФ требует объяснений от судов, где к лишению свободы приговаривается от 35 % обвиняемых. 15 февраля 2023 г. URL: https://tass.ru/obschestvo/17053333?ysclid=le8okwp87r143061908). Среди лидеров по избранию в качестве меры наказания лишение свободы в колонии Саратовская и Тульская области, Москва и Санкт-Петербург.

[3] См., напр.: Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28 декабря 2015 г. № АПЛ15-590 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2015 г. Данным документом в связи с отзывом стороной защиты апелляционной жалобы прекращено производство, несмотря на то что предикатное решение об изменении подсудности вопреки закону было постановлено без проведения судебного разбирательства.

Данным растянутым во времени изысканиям сопутствовало постепенное понимание и многократное переосмысление такой предикатной категории, как преступление. Столкнувшись с подобными негативными проявлениями, люди очень долго не могли уяснить, что происходит с конкретным человеком, ставшим преступником: «бес в него, что ли, вселяется»? Или что-то иное с ним происходит? Не случайно, чтобы из души человека изгнать беса, терзали его тело.

Данный вопрос оказался настолько сложным, что процесс выяснения сути преступления без достижения приемлемого в целом результата незаметно перешел в XX в. Так, проф. И. В. Михайловский (1868—1921 гг.), желая постичь основные принципы организации уголовного суда, вполне осознанно писал о «присутствии в человеке темных сил» (?), «способных при благоприятных обстоятельствах развиться до чудовищных размеров» (?) [17, с. 18].

В наши дни мужчина «ни с того ни с сего» вдруг поднял двухлетнего ребенка и с силой бросил на пол: у мальчика перелом свода черепа. Отец потерпевшего назвал виновного «шайтаном». Не будем рассуждать о «темных силах»: объяснение данному случаю мы ждем от врачей-психиатров. Гораздо сложнее разобраться в аналогичной ситуации, когда врачи-психиатры констатируют: «шайтан» психически здоров, а негативных последствий в виде телесных повреждений нет совершенно.

Так, 17-летний Кузнецов, с высоты 1,8 метра демонстративно «выбросил» двухмесячного ребенка из окна квартиры, да так, что последнего «успел поймать» прохожий. Как квалифицировать содеянное? Судебные инстанции призадумались, результат: сколько судов — столько и вариантов судейского усмотрения[1]. В состояние «ступора» были введены суды высших инстанций поведением Борщева, который двоих собутыльников сразу зарубил топором, а невольного свидетеля только ударил обухом топора, но по голове[2].

В подобных ситуациях мы заявляем, что справедливый приговор — это всегда компромисс, особенно если законодатель по ч. 4 ст. 111 УК РФ назначает наказание в пределах от двух месяцев до 15 лет лишения свободы [18; 19]. Конечно, в этом месте читатель вправе нам задать вопрос: а как же ему в перечисленных выше судебных решениях найти принципиальную позицию конкретного суда? Ответить на данный вопрос честно и без крамолы у автора не получится, ибо для общества в рамках его ментальности главное не юридическая точность (неточность) квалификации содеянного виновным, а справедливость назначенного наказания.

Судебной практике наших дней известны прецеденты, но не простые, а «засекреченные» [20—22] (о тайне в уголовном судопроизводстве мы еще поговорим отдельно), в силу того что авторы этих судебных решений рискнули принять решения пусть и справедливые, но, скажем помягче, нестандартные.

Тем не менее хорошо известно, что бурное развитие всех наук пришлось на эпоху Просвещения (самый конец XVII в. — первые два десятилетия XVIII в.). Хорошо известна и причина этого небывалого ранее прогресса — НТР! Европейцы, заполучив возможность взглянуть на мир с высот «нового» знания, взахлеб принялись все подряд объяснять, начали писать энциклопедии. В нашей памяти прочно утвердились имена мыслителя Вольтера (Франсуа-Мари Аруэ, 1694—1778 гг.), энциклопедиста Дени Дидро (1713—1784 гг.), Жан-Жака Руссо (1712—1778 гг.) с его концепцией «естественного человека».

В эти же годы творил и Чезаре Беккариа Бонезана (1738—1793 гг.), его главный труд «Dei delitti e delle penale» (1764 г.) — взгляд на уголовное правосудие из XVIII в. — не утратил актуальности и в наши дни.

Констатируем: первым значимым достижением эпохи Просвещения является тот факт, что в уголовной политике официально полностью отка-

[1] Помимо обвинительного приговора Краснотуринского городского суда Свердловской области от 4 апреля 2022 г., см.: апелляционные определения судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 1 июня 2022 г. № 22-4552/2022, 3 апреля 2023 г. № 22-2837/2023, 12 января 2024 г. № 22-671/2024, кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Седьмого КСОЮ от 28 сентября 2023 г. и кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 декабря 2023 г. № 45-УДП23-38-К7.

[2] Помимо обвинительного приговора Белгородского областного суда от 18 мая 2023 г. № 2-10/2023, см.: апелляционные определения судебной коллегии по уголовным делам Первого АСОЮ от 16 мая 2023 г. № 55-113/2023, 19 февраля 2024 г. № 55-118/2024 и кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 декабря 2023 г. № 57-УДП23-6-А1.

зались от «деления» человека на автономно существующие «тело» и «душу», в которую, как ранее считалось, мог вселиться дьявол.

Не будет также большим преувеличением сказать, что второй итог эпохи Просвещения — появление уголовно-процессуальных кодексов: неписаных (Англия) и писаных (Франция).

1.2. Лирическое отступление: «пытать нельзя не пытать»[1]

Вместе с тем очевидно и то, что в рамках организации уголовного судопроизводства в целом вопросы о преступлении и личности преступника далеко не праздные, ибо от ответа на них в значительной степени зависит выбор эффективного уголовно-процессуального инструментария.

Чтобы прояснить ход нашей мысли, предлагаем вспомнить яркий пример, описанный историком В. Н. Татищевым (1686—1750 гг.): «В 1714 году едучи из Германии через Польшу, в Украине заехал в Лубны к фельдмаршалу графу Б. П. Шереметьеву (1652—1719 гг.) и слышал, что одна баба за чародейство осуждена на смерть, которая о себе сказывала, что в сороку и дым превращалась, и она с пытки в том повинилась» [23]. Несчастная так «повинилась», что Василий Никитич с величайшим трудом убедил «чародейку» от своих слов отказаться. А ведь признавшейся в «бесовщине» грозила сметная казнь!

Теперь констатируем: совершенно не случайно, с самых древнейших времен до сих пор (в наши дни пусть и «не совсем нелегально») «дебатируется» вопрос: подозреваемого в преступлении пытать или нет? Например, в Средние века со знаком минус оценивался только тот «судья-инквизитор», который: а) «пытал подозреваемого, но тем не менее признания от него не добился»; б) «пытал подозреваемого, в результате чего последний скончался». Сравните: «хороший судья» — это тот специалист, который «под пыткой добился от подозреваемого нужного признания»!

Теперь наши дни. Как известно, «победителей не судят», поэтому в попытках быстро и эффектно «расколоть» подозреваемых в совершении преступления сотрудники правоохранительных органов порой ничем не брезгуют. Вспомним нижегородские уголовные дела в отношении лиц, целенаправленно пытавших сотрудника милиции А. Е. Михеева (8 сентября 1998 г.)[2] (приговор Ленинского районного суда г. Нижнего Новгорода от 30 ноября 2006 г.), до смерти замучивших полковника госбезопасности О. Ефремова (24 июня 2009 г.) [24] (приговор Борского городского суда Нижегородской области от 19 июня 2011 г.). Наконец, на памяти уголовное дело «мошенницы» Трифоновой (за миллионы «торговала креслами» в Совете Федерации), которую в целях получения нужных показаний, несмотря на убедительные медицинские противопоказания, упорно «содержали» под стражей («аккуратно пытали»), в результате чего обвиняемая скончалась [25]. Наконец, совсем уже в наши дни: дело ученого-гидролога проф. Александра Цветкова (жертва оговора), к которому «корифеи по поиску нужной истины» тоже смогли «подобрать ключик» — получили-таки от него «добровольное» признание в убийстве, которое профессор физически совершить не мог[3].

Личные наблюдения автора, четверть века отдавшего уголовно-процессуальной практике: применение пытки к «злодею» порицается далеко не всеми сотрудниками правоохраны[4]. Что касается участия в пытке в режиме «прокси» (англ. proxy — полномочие), т. е. одобрения «грязной работы», сделанной «чужими руками», то на допустимость таковой очень часто закрывают глаза даже некоторые судебные инстанции [27]. Неслучайно Европейский Суд по правам человека установил, что указания пытать милиционера Михеева лично давал заместитель прокурора Нижегородской области М. Р., даже несмотря на то, что истязаемый просил высокого прокурорского начальника прекратить пытку[5].

Опять-таки, неспроста до недавнего времени пытка официально упорно квалифицировалась

[1] В словосочетании, вынесенном в подзаголовок, автор умышленно отказался от расстановки знаков препинания, полностью доверив это читателю.

[2] Дело Михеев против Российской Федерации. Постановление ЕСПЧ от 16 января 2006 г. // Европейский Суд по правам человека и Российская Федерация. Постановления и решения. М.: Новая юстиция, 2006. С. 7—34.

[3] Встретила свобода: как доказали невиновность ученого в убийствах 20-летней давности. URL: https://dzen.ru/a/Zejkbr61WAhBn6ib (дата обращения: 07.03.2024).

[4] Например, на рубеже XX—XXI вв. сотрудники конкретного ОВД с большим пониманием отнеслись к факту истязания врача-нарколога, думается, что не без оснований подозреваемого в убийстве своей жены и ее любовника. Врач знал, что «колоться» нельзя, поэтому, как и вышеуказанный сотрудник ФСБ, скончался под пыткой [26].

[5] Дело Михеев против Российской Федерации. Постановление ЕСПЧ от 16 января 2006 г.

всего лишь как некое «превышение» должностных полномочий, осуществленное «из ложно понятых интересов службы» (ст. 286 УК РФ). Только 14 июля 2022 г. законодатель счел возможным назвать вещи своими именами (см. чч. 4 и 5 указанной нормы, а также противоречивое примечание к ней).

Возникает чисто процессуальный вопрос: а как поступать с результатами пытки — с полученными в ходе таковой доказательствами? Например, подозреваемый под пыткой скончался, однако успел дать такие показания, которые позволили получить нужные органам предварительного расследования доказательства (дело Александра Пуманэ, 2004 г.)[1]?

Помнится, как-то в рамках мониторинга, посвященного принятию УПК РФ (Ярославль, февраль 2002 г.), у одного из авторов процессуального закона — проф. Е. Б. Мизулиной (1954 г. р.) спросили, как судам следует поступать с такого рода «плодами отравленного дерева»? Внятного ответа не последовало. Вместе с тем в зависимости от ответа на данный (совсем не риторический) вопрос зависит очень многое: если «плоды отравленного дерева» все же съедобны, то нужно ли (и допустимо ли) это дерево рубить?

Курск. Несовершеннолетних «не допытали», результат: преступление все же раскрыли, но уже по истечении сроков давности привлечения виновных к уголовной ответственности. Осудить-то их осудили, но вот от наказания освободили.

1.3. Об официальных целях уголовного судопроизводства

Согласно ст. 20 УПК РСФСР цель уголовного судопроизводства — «всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела». Согласно ч. 2 данной нормы перелагать обязанность доказывания на обвиняемого нельзя. Ниже в ч. 3 содержится категорический запрет на все незаконные меры (т. е. пытки, угрозы).

По данному поводу в ст. 6 УПК РФ о всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств дела ни слова. Видимо, назначение уголовного судопроизводства авторам последнего Уголовно-процессуального кодекса виделось исключительно в форме защиты прав и законных интересов его субъектов.

Ох уж эти горячо обсуждаемые с 1788 г. права человека: безусловно, очередная утопия. Как указывалось выше, на текущий момент они являются последним и безальтернативным прибежищем авторов большинства современных изысканий [6].

Мы уже неоднократно писали, что «уголовно-процессуальное право (открытая система)» [28] — суть феномен [29, с. 18—19], оно «немыслимо вне ментальности народа (суверена власти), нации» [30] — т. е. «среды, в которую анализируемое право погружено», поэтому неудивительно, что «любой приговор — это всегда воля народа в редукции легитимного в глазах общества суда» [31]. В настоящей публикации мы посмеем заявить, что подавляющее большинство процессуальных институтов (в частности, допрос, осмотр, судебные процедуры и прочее-прочее; пытки, наконец) претерпели длительную эволюцию одобрения процедуры национальным сознанием.

По мере развития производительных сил общества (той же криминалистики) и соответствующих им производственных отношений (демократизация процедур, их объективизация путем применения, например, зувуко- и видеозаписи) неизбежно меняется и общая доктрина уголовного судопроизводства.

Мы же всегда должны помнить, что уголовное судопроизводство (в изучаемом нами объеме) — всегда деятельность государства — функция последнего. По поводу последнего суждения написано очень многое. В некоторых работах можно, например, встретить такие словосочетания (цитируем выдержки из положений, вынесенных на защиту в докторской диссертации «будущего автора» УПК РФ Е. Б. Мизулиной): «уголовный процесс представляет собой социальную технологию правосудия» (и только?); «способ осуществления уголовно-правовой деятельности — обвинение, сущее которого составляет презумпция невиновности» (?); «способ осуществления уголовно-процессуальной деятельности — правосудие, основной субъект суд»; «суд осуществляет то, что не дозволяется государству» [32; 33, с. 130—140].

Вот так! Ни много ни мало: государство — отдельно и суд (орган государства!) тоже — отдельно! Естественно, что в рамках подобного толкования вспоминать про значимость каких-то там органов предварительного расследования (функционирующих за рамками презумпции невиновности) действительно неприлично.

Мы не чувствуем необходимости «по очевидным пустякам» вступать в полемику с проф. Е. Б. Мизулиной, оценку ее законодательной деятельности читателю нетрудно найти в «Курсе уголовного процесса», подготовленном под ред. проф.

[1] Александр Пуманэ: что случилось со знаменитым киллером. URL: https://dzen.ru/a/XwQ125tBf1ACNBbg (дата обращения: 07.07.2020).

Л. В. Головко [33, с. 19], с которой в данном конкретном случае трудно поспорить. Здесь же мы только отметим то, что авторы идеи ограничения правовыми нормами не столько государства (фактически общественного договора[1]), сколько конкретно власти исполнительной движимы были фобиями (страхами). Например, Георг Еллинек (1851—1911 гг.) был угнетен мыслью о полномочиях абсолютного монарха [34], спустя век венгр Андраш Шайо испытал суровость так называемых коммунистических режимов [35, с. 8—18].

К нашему величайшему сожалению, «идейка» (по-другому не скажешь) полнейшей обособленности следствия судебного от следствия предварительного образца 2001 г. (год принятия УПК РФ) не только появилась в юридической моде, но и упрочилась в законе в виде парадигмы, согласно которой следователь (несмотря на его базовую роль в процессе) превращен во врага правосудия. Скажем больше: следователь в лучшем случае потенциальный и пока неразоблаченный фальсификатор (см.: п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ), в силу чего никакого доверия к результатам его деятельности у общества нет и быть не может (о доверии / недоверии к официальной фигуре следователя более детально в наших иных публикациях [36]).

1.4. Смело берем чужое, когда нет своего

Время от времени в «государственных умах» вызревают идеи прямого заимствования каких-то определенных «заморских» институтов. Наш выдающийся историк Сергей Михайлович Соловьев (1820—1979 гг.) по этому поводу честно писал: «Чужие формы добровольно берутся тогда, когда нет своих» [37, с. 20]. Например, почему бы «всаднику» национального Правосудия не вскочить в такое «седло», как «Jury trial»? Вот только вопрос: не скажут потом по этому поводу в народе, что Правосудию, свойственному конкретному обществу, «заморский» институт «Jury trial» идет как корове седло? Проблема, между прочим, не только российская: о чуждости прямого заимствования «Jury trial» писал еще француз Адемар Эсмен (1848—1913 гг.) [29, с. 84—85; 38, с. 30—34].

Особо примечательно, что «заморский» институт «Jury trial» получил отрицательную оценку у Льва Николаевича Толстого (1828—1910 гг.) [39]. Впрочем, его современники-судьи по данному вопросу были совершенно иного мнения [40]. Споры о «правильном народе» [41, с. 340—345], «готовности „русского“ народа к новому юридическому быту» [41, с. 292—301], о том, что «русский человек против „джюри“» [41, с. 330—331] продолжаются. Ясно только одно: «Судопроизводство… не может быть сочинено вдруг» [41, с. 315—319].

По поводу текущего состояния доктрины уголовного процесса в ведущем российском курсе [32, с. 130—131]: во-первых, приводится ссылка на статью В. П. Божьева (1929—2021 гг.) о «тихой революции» Конституционного Суда РФ [42]. Во-вторых, упоминается «о полном сломе традиционной российской модели» [32, с. 130—131]. В-третьих, делается в целом абсолютно правильный вывод о том, что УПК РФ «очень эклектичен» [32, с. 135].

Правда, ниже следует также весьма разумная оговорка: «Само по себе недостатком это не является» [32, с. 135]. После чего читаем вопрос (риторический, что ли): «если УПК РФ формально нельзя однозначно причислить ни к одной из существующих моделей уголовного процесса, то можно ли сказать, что в России появилась новая автономная уголовно-процессуальная модель?» [32, с. 135]. Еще ниже на этот вопрос находим категоричный ответ: «элементы этой модели являются не только несовместимыми, но и взаимоисключающими» [32, с. 135].

Во-первых, мы никогда и не скрывали, что «УПК РФ — плохо сбалансированная система, так она еще и погружена в чужеродную среду». Помнится, по этому поводу проф. Полина Абрамовна Лупинская (1921—2010 гг.) нас лично поучала: «Кодекс ругать нельзя, студентов надо учить законы уважать!». Поэтому нашу статью в сборник, подготовленный МГЮА, проф. П. А. Лупинская включила уже под другим названием: «Удалось ли законодателю создать новый, гармоничный в юридико-техническом отношении УПК» [43].

Почему в текущий момент в России нет стройной, завершенной концепции УПК РФ? Профессор Л. В. Головко объясняет это «инфляцией научного творчества» [32, с. 137].

Мы всегда признавали, что на рубеже XX—XXI вв. российская юридическая наука оказалась без необходимой суммы политико-правовых знаний, достаточных для формирования современной системы органов государственной власти [44]. Многие авторы, рассуждающие на тему власти в государстве, никак не могут взять в толк, что «не нужно им ждать милости от мудрого законодателя», ибо они рановато забыли о приоритетном значении об-

[1] Зорькин: Конституционная идеология — это система самоограничения государства // Российское агентство правовой и судебной информации. 2023. 12 дек. URL: https://rapsinews.ru/legislation_publication/20231212/309468483.html?ysclid=metmvd2bea464486205 (дата обращения: 23.05.2025).

щего права: как видим, законы могут формироваться и судами. И проблема здесь только в том, что некоторые «ученые» не в состоянии принять новую реальность. «Товарищи ученые», запомните: эффективна только доктрина, воспринятая практиками.

2. Классический учебник по уголовно-процессуальному праву: генезис и эволюция

Тема «Учебник по уголовному процессу» неоднократно встречалась в наших научных изысканиях и в предыдущие годы, при этом следует подчеркнуть, что все опубликованное ранее своей актуальности не утратило [45; 46].

Несмотря на некоторую погруженность в тему Учебника, в данный момент мы не готовы ответить на вопрос, где, когда и в силу каких причин появился первый «классический» учебник по уголовному процессу или уголовно-процессуальному праву. Неясно также, чего в данных книгах было больше: 1) формальной пошаговой процедуры (расширенный пересказ закона) или 2) объяснений того, для чего именно последняя (процедура) существует (обоснование закона).

Скорее всего, первые учебники постепенно стали важным и обязательным элементом обучения в государствах, которые к концу «раннего Нового времени», стремительно перетекающего в «долгий XIX в.», во-первых, достигли определенного уровня развития уголовного судопроизводства (это могли быть Англия и Франция); во-вторых, уже имели развитую систему университетского юридического образования (это, опять-таки, могли быть Англия, Франция + Италия, Германия).

Впрочем, как нам известно, данные процессы были свойственны всем перечисленным странам на рубеже XVIII—XIX в. и в начале века XIX.

Первой заслуживающей внимание книгой, которую (пусть и весьма отдаленно) можно причислить к разряду классических учебников по судопроизводству, является творение утилитариста Иеремии (Джереми) Бентама (Jeremy Bentham, 1748—1832 гг.)[1] «О судоустройстве» (1792 г.), которое по инициативе Правительствующего Сената до массового российского читателя добралось в 1860 г. [47, с. 7]

3. История уголовно-правовой и уголовно-процессуальной науки: судопроизводство изучать или совсем необязательно?

В рамках одной из предыдущих публикаций мы уже с пиететом отмечали, как нам повезло, что нашим ведущим Учителем по истории права был настоящий профессор Павел Васильевич Советов (1927—1991 гг.) — директор Института истории Академии наук Молдавской ССР, который смог привить автору настоящей статьи любовь к изучению древнейших источников права — начиная с В. Н. Татищева (1686—1750 гг.), автора «Истории Российской», изданной в 1768—1843 гг.; С. М. Соловьева (1820—1879 гг.), автора «Истории России с древнейших времен», изданной в 1851—1879 гг.; В. О. Ключевского (1841—1911 гг.), автора «Курса русской истории», изданной в 1904—1922 гг. и др., и заканчивая учебниками, монографиями и периодикой, подготовленными в основном в предыдущие столетия (XVIII—XIX вв.).

В науке перманентно обсуждается вопрос: а нужно ли вообще следовать заветам таких высококлассных специалистов, как П. В. Советов? Что даст современному следователю знание некоторых общих положений, в частности Устав уголовного судопроизводства 1864 г.? Например, военный историк М. Ю. Токарев считает, что подробная история армий, флотов и войн «рядовому» офицеру совершенно не нужна. С ним спорит его коллега — профессиональный историк, полковник запаса М. Э. Морозов (1969 г. р.), считающий, что соответствующий профессии аспект истории настоящий специалист должен хорошо знать. Такой же позиции придерживается и историк А. В. Исаев (1974 г. р.).

Заместитель директора института истории СПбУ проф. С. Б. Назаренко (1976 г. р.) категоричен в том, что молодым людям следует ограничиться изучением книг по истории, подготовленных только современными авторами, так как непосредственно труды классиков они просто не поймут (?).

Не будем отрицать очевидного: история (состоящая, к тому же, в значительной степени из мифов) регулярно официально (и не раз) переписывается. Например, не далее как «вчера» (22 июня 2025 г.), в рамках встречи Президента РФ В. В. Путина в очередной раз переоценили результаты «Переяславской рады» (8 января 1654 г.) «об установлении определенного протектората Московского царства над автономными землями Войска Запорожского», а также территорий с населением Киевского, Черниговского и Барацлавского воеводств Речи Посполитой (слова В. Р. Мединского), ниже в тексте мы уже читаем нечто более «краткое»[2].

[1] Более подробно о И. Бентаме в п. 3.

[2] Особо следует подчеркнуть, что одно мы услышали в новостных программах, другое прочитали в «Коммерсанте», ну а в «Кремлин.ру» появился уже вариант без упоминания земель Речи Посполитой.

О регулярной переоценке некоторых характеристик уголовно-процессуального права можно сказать то же самое... Что поделаешь — политика!

Вопрос к читателю: необходим ли в «классическом» учебнике по уголовно-процессуальному праву экскурс (тем более глубокий экскурс) в историю, особенно с учетом того, что обучающиеся к моменту появления в программе обучения курса «Уголовно-процессуальное право» уже знакомы с курсами по истории государства и права, как зарубежных стран, так и своей Родины? Скорее, наверное, нет, чем да! Впрочем, кто-то скажет, что в фундаментальном курсе у читателя все должно быть «под рукой», включая и историю... Напомним, что чтению лекций по уголовному процессу предшествует их «начитка» по самостоятельной учебной дисциплине «Судоустройство и правоохранительные органы», которая включает и свою бурную историю...

Первые промежуточные научно-практические выводы

1. Несмотря на то что история уголовного судопроизводства насчитывает уже пять тысячелетий, человечество все еще пребывает в поисках его оптимальной концепции, не случайно с древнейших времен в Китае говорят примерно следующее: «УК — это негатив нашего парадного портрета».

2. Генезис воззрений на уголовное судопроизводство и их эволюция в настоящий момент должным образом не прослеживаются — надлежащего системного изложения мы не встречали.

3. Вопреки тому, что человек, его основные права и свободы провозглашены высшей ценностью, честного ответа на вопрос: «пытать нельзя не пытать» ответа пока нет.

3. Стыдно признаться, но российская процессуальная наука все еще дебатирует вопрос об официальных целях уголовного судопроизводства.

4. Никто не отменял принципа, гласящего, что в формировании институтов процесса «смело берем чужое, когда нет своего». Главное — заимствованные компоненты должны «не в кучу складываться», а занять свое место в национальной системе уголовного права и судопроизводства.

5. Концепция о классическом учебнике по уголовно-процессуальному праву все еще пишется...

6. Вывод автора: историю уголовно-процессуальной науки (как и историю вообще) следует изучать обязательно!

(Продолжение статьи в следующем номере журнала.)

1. Радаев В. В. Преподавание в кризисе. Москва: Изд. дом ВШЭ, 2025. 208 с.

2. Кларк У. Академическая харизма и истоки исследовательского университета. Москва: Изд. дом ВШЭ, 2025. 736 с.

3. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. Москва: Синдбад, 2018. 496 с.

4. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. Москва: Синдбад, 2016. 520 с.

5. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. Москва: Синдбад, 2019. 416 с.

6. Мойн С. Последняя утопия: Права человека в истории. Москва: Новое литературное обозрение, 2024. 430 с.

7. Fisher G. Plea bargaining's triumph. A history of bargaining in America. USA, California: Stanford University Press, 2003. 397 p.

8. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. Москва: Юристъ, 2003. 352 с.

9. Аширбекова М. Т. Процессуальный кентавр: «заинтересованный осужденный» // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 16—20.

10. Кленова Т. В., Лазарева В. А. Судебный штраф: проблема легитимизации по целям, основанию и порядку прекращения уголовного

1. Radayev V. V. Teaching in crisis. Moscow: Publishing House of the HSE; 2025: 208. (In Russ.).

2. Clark W. Academic charisma and the origins of the research university. Moscow: Publishing House of the HSE; 2025: 736. (In Russ.).

3. Harari Yu. N. Homo Deus. A brief history of the future. Moscow: Sindbad; 2018: 496. (In Russ.).

4. Harari Yu. N. Sapiens. A brief history of humankind. Moscow: Sindbad; 2016: 520. (In Russ.).

5. Harari Yu. N. 21 lessons for the twenty-first century. Moscow: Sindbad; 2019: 416. (In Russ.).

6. Moyn S. The last utopia: human rights in history. Moscow: New literary review; 2024: 430. (In Russ.).

7. Fisher G. Plea bargaining's triumph. A history of bargaining in America. USA, California: Stanford University Press; 2003: 397. (In Eng.).

8. Kudryavtsev V. N. Strategies to fight crime. Moscow: Yurist; 2003: 352. (In Russ.).

9. Ashirbekova M. T. Procedural centaur: "Interested convict". Criminal proceedings, 16—20, 2018. (In Russ.).

10. Klenova T. V., Lazareva V. A. Judicial fine: the problem of legitimization in accordance with purposes, grounds and procedure to stop a criminal

дела // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 2. С. 170—194.

11. Гаджиев Х. И. Судебные доктрины как результат общенаучного и конкретного познания права // Судебные доктрины в российском праве: теория и практика / под ред. В. В. Лазарева, Х. И. Гаджиева. Москва: Норма, 2021. С. 20—37.

12. Колоколов Н. А. Мздоимство, лихоимство: проблемы квалификации // Уголовное судопроизводство. 2025. № 2. С. 3—12.

13. Барабаш А. С. Отечественный уголовный процесс в свете национального менталитета. Москва: Юрлитинформ, 2022. 176 с.

14. Цветков Ю. А. «В интересах законности»: парадоксы производства в суде надзорной инстанции // Уголовное судопроизводство. 2025. № 3. С. 36—41.

15. Лопашенко Н. А. Размышления об уголовном праве. Уголовная политика. Москва: Юрлитинформ, 2025. 352 с.

16. Колоколов Н. А. Уголовная политика: загадочная очевидность. Москва: Юрлитинформ, 2014. 208 с.

17. Михайловский И. В. Основные принципы организации уголовного суда: уголовно-полит. исслед. Томск: паровая типо-лит. П. И. Макушина, 1905. 336 с.

18. Колоколов Н. А. Справедливый приговор — это всегда компромисс // Российский судья. 2025. № 7. С. 30—36.

19. Колоколов Н. А. Умышленное неумышленное причинение тяжкого вреда, повлекшего смерть человека // Уголовный процесс. 2025. № 8. С. 92—96.

20. Колоколов Н. А. Засекреченный прецедент? Да нет, все-таки: «дело Воробей» уже вылетело — не поймаешь! Анализируем образец смелого и исключительно принципиального судейского усмотрения — определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в отношении лица, поспешно осужденного за «хищение» автомобиля у своей сожительницы // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 2—10.

21. Колоколов Н. А. Очередной «засекреченный» прецедент. Верховный Суд РФ смягчил наказание по ч. 4 ст. 134 УК РФ // Администратор суда. 2025. № 3. С. 38—44.

22. Колоколов Н. А. Неизвестный прецедент Верховного Суда РФ по делу о половом сношении с потерпевшими в возрасте до 16 лет // Уголовный процесс. 2025. № 6. С. 90—93.

case. Law. Journal of the Higher School of Economics, 170—194, 2024. (In Russ.).

11. Gadzhiyev Kh. I. Judicial doctrines as a result of general scientific and specific knowledge of law. Judicial doctrines in Russian law: theory and practice. Red. by V. V. Lazarev, Kh. I. Gadzhiyev. Moscow. Norma; 2021: 20—37. (In Russ.).

12. Kolokolov N. A. Bribery, extortion: problems of qualification. Criminal proceedings, 3—12, 2025. (In Russ.).

13. Barabash A. S. Domestic criminal procedure in the aspect of national mentality. Moscow: Yurlitinform; 2022: 176. (In Russ.).

14. Tsvetkov Yu. A. "In the interests of legality": paradoxes of proceedings in the court of supervisory authority. Criminal proceedings, 36—41, 2025. (In Russ.).

15. Lopashenko N. A. Reflecting related to criminal law. Criminal policy. Moscow: Yurlitinform; 2025: 352. (In Russ.).

16. Kolokolov N. A. Criminal policy: mysterious obviousness. Moscow: Yurlitinform; 2014: 208. (In Russ.).

17. Mikhailovsky I. V. Basic principles of criminal court organization: criminal-political research. Tomsk: Typo-lit. by P. I. Makushin; 1905: 336. (In Russ.).

18. Kolokolov N. A. A fair verdict is always a compromise. Russian judge, 30—36, 2025. (In Russ.).

19. Kolokolov N. A. Intentional unintentional infliction of grievous bodily harm resulting in death. Criminal procedure, 92—96, 2025. (In Russ.).

20. Kolokolov N. A. Is it a secret precedent? No, after all: "Vorobey case" has already flown out — you won't catch it! We analyze an example of bold and exceptionally conceptual judicial discretion, that is, the ruling of the Criminal Division of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the person to be hastily convicted for a car "theft" from his girl-friend. Criminal procedure, 2—10, 2024. (In Russ.).

21. Kolokolov N. A. Another "secret" precedent. The Supreme Court of the Russian Federation mitigated the punishment for Part 4 of Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation. Court Administrator, 38—44, 2025. (In Russ.).

22. Kolokolov N. A. Unknown precedent of the Supreme Court of the Russian Federation in a case of sexual interaction with victims under the age of 16. Criminal procedure, 90—93, 2025. (In Russ.).

23. Tatishchev V. N. Russian history since the most ancient times. Moscow: Academy Project; 2017: 189. (In Russ.).

23. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Москва: Акад. проект, 2017. Т. 1. С. 189.

24. Кряжев Р. За чекиста сели тюремщики. Вынесен приговор обвиняемым в гибели полковника ФСБ Олега Ефремова // Коммерсантъ. 2011. 23 июня. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1665076 (дата обращения: 17.06.2025).

25. Колоколов Н. А. Пытка — традиционный метод доказывания // ЭЖ-Юрист. 2012. № 27 (730). С. 10.

26. Колоколов Н. А. Вынужденная самооборона в СИЗО. Кассационный суд пересмотрел фактические обстоятельства дела // Уголовный процесс. 2020. № 11. С. 84—89.

27. Колоколов Н. А. Как следствие маскировало незаконное получение признательных показаний // Уголовный процесс. 2021. № 12. С. 58—63.

28. Колоколов Н. А. УПК РФ — плохо сбалансированная система в чужеродной среде // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С. 2—3.

29. Колоколов Н. А. Феномен — что это? // Мировая юстиция и суд присяжных: инновации Великой судебной реформы 1864 года, доказавшие свою жизнеспособность в XXI веке: монография / И. А. Андреева, М. Т. Аширбекова, И. Л. Бедняков [и др.]; под науч. ред. Н. А. Колоколова. Москва: Изд. дом «УМЦ», 2024. С. 18—19.

30. Колоколов Н. А. Уголовно-процессуальный закон: феномен, который каждый толкует по-своему // Уголовное судопроизводство. 2021. № 3. С. 2—16.

31. Головко В. Л. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. Москва: Городец, 2022. 464 с.

32. Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1993. 35 с.

33. Головко Л. В. Современный этап развития уголовного процесса // Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. Москва: Статут, 2025. С. 130—140.

34. Еллинек Г. Общее учение о государстве. Санкт-Петербург: Т-во «Общественная польза», 1903. 532 с.

35. Шайо А. Самоограничение власти: краткий курс конституционализма. Москва: Юристъ, 2001. 292 с.

36. Колоколов Н. А. Взаимодействие органов предварительного расследования и суда. Статья 1. Уголовно-судебное право о следствии

24. Kryazhev R. Jailers were imprisoned instead of the chekists. The accused of the FSB colonel Oleg Yefremov death were sentenced. Kommersant, 2011. Available from: URL: https://www.kommersant.ru/doc/1665076. Accessed: 17 June 2025. (In Russ.).

25. Kolokolov N. A. Torture is a traditional method of proving. EZh-Yurist, 10, 2012. (In Russ.).

26. Kolokolov N. A. Forced self-defense in a pretrial detention center. The court of cassation reviewed the factual circumstances of the case. Criminal procedure, 84—89, 2020. (In Russ.).

27. Kolokolov N. A. How the investigation masked the illegal obtaining of confessions. Criminal procedure, 58—63, 2021. (In Russ.).

28. Kolokolov N. A. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation is a badly-balanced system in a foreign environment. Criminal proceedings, 2—3, 2007. (In Russ.).

29. Kolokolov N. A. Phenomenon — what is it? In: Andreyeva I. A., Ashirbekova M. T., Bednyakov I. L. (et al.) World justice and a jury trial: innovations of the Great judicial reform of 1864, which proved their viability in the twenty-first century. Monograph. Red. by N. A. Kolokolov. Moscow: Publishing house "UMTS"; 2024: 18—19. (In Russ.).

30. Kolokolov N. A. Criminal procedure law: a phenomenon that everyone interprets in his / her own way. Criminal proceedings, 2—16, 2021. (In Russ.).

31. Golovko V. L. State and its criminal proceedings. Monograph. Moscow: Gorodets; 2022: 464. (In Russ.).

32. Mizulina Ye. B. Criminal procedure: conception of self-restraint of the state. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 1993: 35. (In Russ.).

33. Golovko L. V. Modern stage of the development of the criminal procedure. In: The course of the criminal procedure. Red. by L. V. Golovko. Moscow: Statut; 2025: 130—140. (In Russ.).

34. Yellinek G. General doctrine of the state. Saint Petersburg: Publishing house "Public benefit"; 1903: 532. (In Russ.).

35. Chaillot A. Self-restraint of the power: a short course of constitutionalism. Moscow: Yurist; 2001: 292. (In Russ.).

36. Kolokolov N. A. Interaction of the bodies of the preliminary investigation and the court. Article 1. Criminal justice law on preliminary and judicial investigations: on public confidence towards the

предварительном и судебном: о доверии общества к результатам предварительного расследования вообще и о формах коммуникации между следователем и судом // Уголовное судопроизводство. 2025. № 3. С. 2—11.

37. Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VII. Т. 13—14. История России с древнейших времен. Москва: Мысль, 1991. 701 с.

38. Эсмэн А. Основные начала государственного права. Москва: Типо-лит. В. Рихтер, 1898. 480 с.

39. Есаков Г. А. Роман Л. Н. Толстого «Воскресенье». Историко-правовая реконструкция: монография. Москва: Проспект, 2023. 264 с.

40. Старый судья. Открытое письмо графу Л. Н. Толстому // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 8 (октябрь). С. 140—146.

41. Борисова Т. Ю. Когда велит совесть. Культурные истоки Судебной реформы 1864 года в России. Москва: Новое литературное обозрение, 2025. 584 с.

42. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 10.

43. Колоколов Н. А. Удалось ли законодателю создать новый, гармоничный в юридико-техническом отношении УПК // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ): материалы междунар. науч.-практ. конф. Москва: МГЮА, 2007. С. 49—52.

44. Колоколов Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен. Москва: Юрист, 2007. 328 с.

45. Колоколов Н. А. «Курс уголовного процесса»: первые впечатления // Уголовное судопроизводство. 2016. № 2. С. 3—5.

46. Колоколов Н. А. Учебник «Уголовно-процессуальное право»: прошлое, настоящее, будущее // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 1. С. 346—364.

47. От редакции // Бентам И. О судоустройстве. Москва: Юрайт, 2022. С. 7.

results of a preliminary investigation in general and the forms of communication between the investigator and the court. Criminal proceedings, 2—11, 2025. (In Russ.).

37. Solovyov S. M. Essays. In 18 books. Book VII. Vol. 13—14. The history of Russia since ancient times. Moscow: Mysl; 1991: 701. (In Russ.).

38. Esman A. The fundamental principles of state law. Moscow: V. Richter printing house; 1898: 480. (In Russ.).

39. Yesakov G. A. The novel "Resurrection" by L. N. Tolstoy. Historical and legal reconstruction. Monograph. Moscow: Prospekt; 2023: 264. (In Russ.).

40. The old judge. A public letter to Count L. N. Tolstoy. Journal of the Ministry of Justice, 140—146, 1899. (In Russ.).

41. Borisova T. Yu. When conscience orders. The cultural origins of the Judicial reform of 1864 in Russia. Moscow: New literary review; 2025: 584. (In Russ.).

42. Bozhyev V. P. The "Silent revolution" of the Constitutional Court in the criminal procedure of the Russian Federation. The Russian justice system, 10, 2000. (In Russ.).

43. Kolokolov N. A. Has the legislator managed to make a new, legally and technically harmonious Code of the Criminal Procedure. In: Topical issues of criminal proceedings: problems of theory, legislation, practice of application (to the 5th anniversary of the Code of the Criminal Procedure of the Russian Federation). Materials of the International scientific and practical conference. Moscow: Moscow State Law Academy; 2007: 49—52. (In Russ.).

44. Kolokolov N. A. Judicial power as a general legal phenomenon. Moscow: Lawyer; 2007: 328. (In Russ.).

45. Kolokolov N. A. "The course of criminal procedure": first impressions. Criminal proceedings, 3—5, 2016. (In Russ.).

46. Kolokolov N. A. Textbook "Criminal procedure law": past, present, future. Forensics library. Scientific journal, 346—364, 2015. (In Russ.).

47. From the editorial office. In: Bentham I. On the judicial system. Moscow: Yurait; 2022: 7. (In Russ.).

Колоколов Никита Александрович,
судья Верховного Суда
Российской Федерации в почетной отставке,
заведующий кафедрой судебной
и прокурорско-следственной деятельности
Московского университета
им. А. С. Грибоедова,
профессор кафедры теории и истории
государства и права
Московского педагогического
государственного университета,
главный редактор
журнала «Уголовное судопроизводство»,
председатель редакционного совета
журнала «Мировой судья»,
доктор юридических наук, профессор;
nikita_kolokolov@mail.ru

Kolokolov Nikita Alexsandrovich,
honorably retired judge
of the Supreme Court
of the Russian Federation,
head of the department of judicial
and prosecutorial-investigative activities
of the A. S. Griboyedov Moscow University,
professor at the department
of the theory and history of state and law
of the Moscow Pedagogical State University,
chairman of the editorial board
of the "Criminal proceedings" journal,
chairman of the editorial board
of the "Judge of the Peace" journal,
doctor of juridical sciences, full professor;
nikita_kolokolov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.05.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 04.05.2025; approved after reviewing 15.05.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.13

СУЩНОСТЬ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ЕЕ СИСТЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ*

Нина Сергеевна Манова
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
n.manova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается сущность транспарентности уголовного судопроизводства и ее качественные характеристики, исследуются аспекты влияния транспарентности на реализацию уголовно-процессуальной деятельности. Автор приходит к выводу, что транспарентность находится во взаимосвязи с проблемами достижения социального назначения уголовного процесса, поскольку предполагает не только прозрачность и подотчетность деятельности компетентных государственных органов и должностных лиц, но и уважение интересов и свобод участников уголовного процесса, основанных на базовых международных стандартах в области прав человека, а также справедливость уголовно-процессуальных процедур, обеспечивающих достижение баланса интересов личности, общества и государства. Вместе с тем сущность транспарентности уголовного судопроизводства более глобальна, так как, кроме прозрачности правосудия, она включает в себя его другие приоритетные публично-правовые ценности и в силу этого должна выступать в качестве одной из основополагающих идей данного вида государственной деятельности, ее «идеологической и технологической» основы. Создание точно выверенной модели транспарентности и ее реализация в уголовно-процессуальном законодательстве позволит изменить саму модель развития уголовного судопроизводства.

В статье также анализируется готовность к реализации транспарентности отечественного уголовного процесса в условиях информатизации, цифровизации и цифровой трансформации. И, несмотря на то что в настоящий момент в теории уголовного процесса, информационного права и, как следствие, у законодателя отсутствует единое понимание сущности таких процессов, как цифровизация, цифровая трансформация, данные процессы из «дискуссионной проблемы науки» стали пока скромной, но все же реалией осуществления уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: транспарентность уголовного судопроизводства, гласность судебного разбирательства, тайна предварительного следствия, социальное назначение уголовного процесса, баланс интересов личности, общества и государства, цифровизация уголовно-процессуальной деятельности

Для цитирования: Манова Н. С. Сущность транспарентности уголовного судопроизводства и ее системные характеристики // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 75—82.

THE ESSENCE OF CRIMINAL PROCEDURE TRANSPARENCY AND ITS SYSTEM CHARACTERISTICS

Nina Sergeyevna Manova
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, n.manova@mail.ru

Abstract. The article regards the essence of criminal procedure transparency and its qualitative characteristics, looks into the ways of transparency influence on the implementation of criminal procedure activity. The author concludes that transparency is interrelated with the matters of achieving the social purpose of criminal procedure, as transparency includes not only the clarity and accountability of activities of competent state agencies and public officials, but also respect to the criminal procedure participants' interests and liberties grounded in basic international standards of human rights, as well as criminal procedure justice ensuring the balance in achieving the personal, social and state interests. Moreover, the essence of criminal procedure transparency

© Манова Н. С., 2025

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01190 (https://rscf.ru/project/25-28-01190/).

is more global in nature, because together with the transparency of justice it involves its other paramount public and legal values, thus, turning into one of the fundamental ideas of this kind of state activity, its "ideological and technological" ground. Making a highly verified transparency model and using it in criminal procedure is likely to transform the whole model of criminal procedure development.

The paper also examines the readiness of Russian criminal procedure to implement transparency in terms of computerization, digitalization and digital transformation. Despite the absence of common views upon the essence of these processes in criminal procedure theory, information law and as a result among the law-makers, however, the processes are gradually growing from an "issue under question in science" to still modest reality of criminal procedure implementation.

Keywords: criminal procedure transparency, trial publicity, the secrecy of the preliminary investigation, the social purpose of criminal procedure, the balance of personal, social and state interests, criminal procedure activity digitalization

For citation: Manova N. S. The essence of criminal procedure transparency and its system characteristics. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 75—82, 2025. (In Russ.).

В общеупотребительном значении под термином «транспарентность» (от лат. transparens — «прозрачный») принято подразумевать нечто, не содержащее секретов и недомолвок [1, с. 1339]. В философской литературе транспарентность определяется как свойство субъекта быть осознанным и открытым для самого себя и происходящего вокруг [2, с. 402]. В юридических исследованиях явление транспарентности рассматривается как информационная открытость различных видов государственной деятельности, власти в целом, предоставляющая возможность общественности, гражданам осуществлять контроль за публичной деятельностью государственных органов [3; 4; 5, с 2; 6, с. 109—114], как доступность соответствующей информации, позволяющей защитить интересы общества [7, с. 111—115; 8, с. 3—4].

Тем самым сущность транспарентности заключается в открытости, доступности того или иного вида государственной деятельности, регулируемой правом, которые обеспечиваются путем передачи широкой общественности, отдельным гражданам информации о соответствующей деятельности органов власти. При этом, как справедливо отмечают многие ученые, для четкого воплощения идеи транспарентности необходимо, чтобы информация была понятной, своевременной, достоверной и достаточной [9, с. 240; 10, с. 120—132]. Именно данные характеристики очерчивают облик транспарентности в сфере юридической деятельности.

Применительно к уголовному судопроизводству категория «транспарентность» напрямую связывается с понятиями «гласность», «открытость» производства по уголовным делам [11, с. 142—152]. Так, профессор А. А. Тарасов определяет транспарентность уголовного судопроизводства как «систему нормативно закрепленных правил, обеспечивающих любому заинтересованному лицу возможность получить информацию о производстве по уголовному делу в том объеме и в той форме, которая… позволяет этому лицу реализовать собственные конституционные права и свободы, но при этом не допускает необоснованного нарушения или ограничения конституционных прав и свобод других лиц» [12, с. 19]. М. С. Колосович похожим образом определяет гласность уголовного судопроизводства, указывая, что она представляет собой «регламентированную уголовно-процессуальным законодательством доступность каждому лицу хода и результатов уголовного судопроизводства… способствующую… качеству деятельности должностных лиц правоохранительных и судебных органов» [13, с. 12].

С учетом того, что гласность провозглашается уголовно-процессуальным законом лишь как общее условие судебного разбирательства, пытаясь провести разграничение между понятиями «гласность» и «транспарентность» уголовного судопроизводства, оба автора говорят о том, что транспарентность охватывает «открытость не только судебного производства по уголовным делам, но и доступность для восприятия заинтересованными лицами информации о досудебном производстве» [12, с. 19; 13, с. 13]. Кроме того, по мнению А. А. Тарасова, транспарентность уголовного судопроизводства, кроме «прозрачности правосудия», включает в себя его «другие приоритетные публично-правовые ценности: независимость судей, презумпцию невиновности, следственную, адвокатскую и иную охраняемую законом тайну» [13, с. 16].

М. С. Колосович, указывая на схожесть рассматриваемых правовых явлений, характеризующих степень информированности общественности и участников уголовного судопроизводства, отме-

чает, что разница между ними заключается в дозировке такой информации и ее характере: «гласность позволяет получать информацию о *ходе и результатах* уголовного судопроизводства, а транспарентность — *о функционировании* правоохранительных и судебных органов и их должностных лиц» [13, с. 16], подчеркивая, что «адресатом транспарентности выступает общество, широкая общественность… каждый, кто интересуется общественно значимой информацией» [10, с. 123]. Но есть и иной вид информированности, так называемая «внутренняя транспарентность», т. е. «получение информации о деятельности соответствующих органов государственной власти лицами, являющимися участниками общественных отношений, чьи непосредственные интересы затрагиваются или могут быть затронуты этой деятельностью, и в связи с этим наделенных правами и обремененных обязанностями» в сфере уголовного судопроизводства [10, с. 124].

В последние годы в теории уголовного процесса предлагается рассматривать транспарентность более глобально, в качестве одного из принципов данного вида государственной деятельности, ее основополагающей идеи, «отражающей государственную политику в области уголовного судопроизводства» [14, с. 72]. Профессор М. П. Поляков, хотя и с высокой степенью скептицизма, охарактеризовал транспарентность как возможную «технологическую и идеологическую основу» уголовного процесса [15, с. 70]. В принципе соглашаясь с данным представлением о роли, значении транспарентности в уголовном судопроизводстве, считаем возможным рассматривать ее как «процессуальную основу открытого, доступного и справедливого уголовного судопроизводства в целом… как явление, позволяющее обществу контролировать данную сферу государственной деятельности, давать объективную оценку ее результатов и, как следствие, способствующее формированию доверия населения к уголовному судопроизводству, и поэтому находящееся в прямой коррелирующей зависимости с проблемами достижения его социального назначения» [16, с. 111]. Полагаем, что создание точно выверенной модели транспарентности и ее реализация в уголовно-процессуальном законодательстве даст возможность изменить и саму модель развития уголовного судопроизводства, по крайней мере в части выдвижения его приоритетов. Невозможно переоценить и социальную функцию транспарентности в повышении правовой грамотности населения, ее антикоррупционную роль и роль в обеспечении права граждан на участие в уголовном судопроизводстве.

Высокая значимость концепции транспарентности уголовного судопроизводства сегодня обусловлена становлением России как «государства открытого доступа» и, как следствие, изменением характера взаимодействия, взаимосвязей между государством и личностью. Вместе с тем трудно не согласиться с М. П. Поляковым в том, что транспарентность уголовного судопроизводства «должна оцениваться с точки зрения не только ее пользы, но и угроз государственным интересам». По мнению автора, речь идет «не только о вреде индивидам в масштабах конкретного уголовного дела, но и об уроне в более широких, даже государственных масштабах», если уголовный процесс будет доведен «до полной прозрачности в самом запредельном варианте» [15, с. 72].

Кроме того, в настоящее время «общественная репутация» уголовного судопроизводства, как правило, складывается лишь под влиянием так называемых резонансных уголовных дел. В целом же уголовное правосудие, по мнению автора, обществу малоинтересно [15, с. 74]. И есть ли в такой ситуации необходимость информировать о нем граждан без соответствующего общественного запроса? Нужно ли это вообще уголовному судопроизводству, важнейшим достоинством которого является правозащитная составляющая?

Однако подобные опасения М. А. Полякова представляются нарочито преувеличенными. Концепция транспарентности — это, прежде всего, нахождение *оптимального баланса* открытости, доступности и прозрачности информации и тайны производства по уголовным делам, что позволит обеспечить безопасность личности, общества и государства, эффективное противодействие преступности и одновременно общественный контроль за данной сферой государственной деятельности, а также, что немаловажно, ее должное профилактическое воздействие.

Безусловно, реализация транспарентности в уголовном судопроизводстве испытывает регулятивное воздействие таких общих условий досудебного и судебного производства, как недопустимость разглашения тайны предварительного расследования и гласность судебного разбирательства, устанавливающих пределы реализации права участников уголовного процесса и широкой общественности на получение указанной информации. Однако закон не устанавливает границы такого допустимого разглашения, оставляя решение этого вопроса на усмотрение властных участ-

ников процесса. В ситуации подобных нормативных предписаний сведения о ходе и результатах досудебного производства нередко искусственно блокируются должностными лицами, его осуществляющими, и не только с целью обеспечить раскрытие преступления и установление виновного лица, но и из-за стремления скрыть свои ошибки, волокиту, допущенную по делу.

Осуществление же общественного контроля за правоохранительными органами и судом не просто повышает правовую грамотность населения, но и выступает как гарантия использования механизма судебной защиты заинтересованными участниками процесса, способствует обеспечению справедливости самого судебного разбирательства, росту доверия населения к результатам деятельности следственных и судебных органов.

Как уже отмечалось, в основе воплощения концепции транспарентности уголовного судопроизводства лежит требование понятности информации о деятельности компетентных государственных органов. Для того чтобы общество могло осуществлять контроль за деятельностью таких органов, данный вид государственной деятельности должен осуществляться точно по установленным правилам и процедурам, справедливость и значимость которых понятна населению. Как верно отмечено, «тщательное соблюдение уголовно-процессуальной процедуры предполагает… получение истинного результата» [17, с. 125], а понимание и «доверие к примененной процедуре презюмирует доверие к полученным результатам» [10, с. 123].

Безусловно, осуществляемая государством уголовная политика становится эффективной, только если она получает поддержку со стороны общественности. А это возможно, прежде всего, в случае точной законодательной формулировки правового и социального назначения уголовного судопроизводства, которое призвано обеспечить законность и правопорядок в стране, удовлетворяя при этом интересы государства, общества и отдельной личности. Восприятие обществом справедливости и полезности уголовного судопроизводства, общественное признание приоритетной важности данного вида деятельности во многом зависит от установления в уголовно-процессуальной сфере равновесия, баланса интересов личности и государства.

Публичное (государственное) начало уголовного судопроизводства основано на потребности любой страны обеспечить свою безопасность, безопасность всего общества и граждан от преступных посягательств. Но действующий российский уголовно-процессуальный закон в качестве назначения уголовно-процессуальной деятельности провозгласил в первую очередь «защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)). Вместе с тем, говоря о превалировании прав и свобод человека, признании их безусловной ценностью, которой должны быть подчинены все виды государственной деятельности, все государственные и общественные институты, законодатель в ч. 2 ст. 6 УПК РФ все же отметил, что «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию». В этой законодательной формулировке, возможно, не слишком четко, но все же отражена констатация того, что хотя частные интересы участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты являются объективно противоречивыми, но публичный интерес по обеспечению правопорядка и безопасности государства и общества является единым, консолидирующим интересы граждан, общества и государства.

Если говорить о российской правовой действительности, то для нее характерно ярко выраженное укоренение в сознании населения правового нигилизма и, в частности, представления об уголовном судопроизводстве как исключительно карательной процедуре, закрытой и нередко несправедливой сфере государственной деятельности, где интересы личности жестко ограничиваются в угоду публичным, государственным интересам [18, с. 39—53]. К сожалению, некоторые из законодательных изменений, внесенных в УПК РФ в последние годы, дают определенные основания для такого рода представлений. В стремлении к гуманизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства, к сокращению карательного потенциала мер государственного принуждения, к оптимизации уголовно-процессуальных процедур, упрощению уголовного судопроизводства законодателю не всегда удается в полной мере обеспечить баланс интересов личности, общества и государства. Некоторые законодательные институты поощрительной направленности (например,

прекращение уголовных дел с применением судебного штрафа или приостановление или прекращение уголовного преследования в отношении лиц, принимающих участие в специальной военной операции) реализованы с ярко выраженным публичным окрасом без полноценного учета интересов потерпевших, что явно противоречит назначению уголовного судопроизводства.

Понимая значимость подобных нововведений, внесенных в уголовный и уголовно-процессуальный законы, с точки зрения обеспечения публичных, государственных интересов невозможно не отметить откровенное пренебрежение законодателем интересами потерпевшего, которые вообще оказались за рамками такой «сделки» между обвиняемым и государством. Потерпевший оказался полностью исключенным из механизма принятия решения о приостановлении и прекращении производства по уголовному делу в указанных случаях. И это при том, что защита интересов потерпевших в уголовном судопроизводстве также осуществляется исходя из принципа публичности, является важнейшей составной частью государственного интереса по достижению назначения уголовного судопроизводства.

Концепция транспарентности уголовного процесса, вбирающая в себя его социальную сущность, способна составить основу открытого, доступного и справедливого судопроизводства. Она предполагает доступность для населения результатов уголовно-процессуальной деятельности в четко очерченных границах института следственной тайны, гарантирующей защиту информации, раскрытие которой способно нанести вред не только интересам расследования преступлений, но и правам и законным интересам участников уголовного процесса. Безусловно, воплощение идеи полной открытости деятельности государственных органов и должностных лиц при производстве по уголовным делам стало бы серьезным препятствием к обеспечению жизненно важного интереса государства по установлению контроля над преступностью, угрозой обеспечению безопасности общества в целом, привело бы к нарушению прав и свобод участников процесса.

Таким образом, концепция транспарентности уголовного судопроизводства предполагает не только прозрачность и подотчетность деятельности компетентных государственных органов и должностных лиц, но и уважение интересов и свобод участников уголовного процесса, основанных на базовых международных стандартах в области прав человека, а также справедливость уголовно-процессуальных процедур. А это, в свою очередь, является неотъемлемым условием достижения баланса интересов личности, общества и государства.

В современных условиях важнейшим средством обеспечения транспарентности уголовного судопроизводства выступает его цифровизация, цифровая трансформация. Как отмечает М. П. Поляков, «цифровизация и транспарентность, по сути, становятся идеологическими побратимами, настойчиво стремясь сделать жизнь не только отдельных граждан, но и государства прозрачной и наблюдаемой» [15, с. 72]. Действительно, цифровые технологии сегодня прочно вошли во все сферы государственной деятельности, включая уголовное судопроизводство. Появилось множество различных цифровых сервисов, обеспечивающих быстрое получение информации по любому вопросу. Но невозможно не признавать того, что, реализуя Концепцию технологического развития страны[1], Россия обеспечивает национальные и государственные интересы и одновременно — права граждан на доступ к правосудию, на осуществление контроля за публичной деятельностью государственных органов. Отрицание необходимости последнего под предлогом того, что цифровизация лишает общество традиционных для него тайн, делает прозрачной жизнь каждого гражданина, означает нежелание признавать реалии и социального, и технологического развития современного общества и государства.

В настоящий момент в теории уголовного процесса, информационного права и, как следствие, у законодателя отсутствует единое понимание сущности таких процессов, как цифровизация, цифровая трансформация. Мы в полной мере разделяем мнение А. Ю. Чуриковой, что под цифровизацией следует понимать «использование существующих и внедрение новых цифровых технологий с целью повышения эффективности и результативности деятельности участников уголовного процесса», а под цифровой трансформацией уголовно-процессуальной деятельности — «процесс комплексного преобразования, фактической

[1] Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года»): распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

реализации и правового регулирования деятельности участников уголовного судопроизводства, проходящий под воздействием цифровых технологий и инноваций, направленный на повышение эффективности, качества и доступности процессов, связанных с производством по уголовному делу на всех его этапах, а также на оптимизацию взаимодействия компетентных государственных органов и должностных лиц между собой, с иными лицами, вовлеченными в уголовное судопроизводство, и населением» [19, с. 17—18].

Тем не менее цифровизация уголовного судопроизводства из «дискуссионной проблемы науки» становится пока скромной, но все же реалией его осуществления. В уголовно-процессуальное законодательство в последние годы были внесены изменения, связанные с внедрением в уголовное судопроизводство некоторых цифровых технологий: была законодательно урегулирована возможность применения систем видео-конференц-связи при проведении ряда следственных действий[1] и для участия в судебном разбирательстве подсудимого, потерпевшего, свидетелей[2]; обвиняемому, защитнику, потерпевшему была предоставлена возможность получать копию обвинительного заключения в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью[3]; была предпринята попытка урегулировать порядок использования электронных документов в ходе досудебного и судебного производства[4]. Однако, как справедливо отмечено, все это лишь точечные изменения, носящие «частный, узконаправленный характер и принципиально не решающие вопросы использования современных информационных технологий в уголовном судопроизводстве», в том числе для обеспечения его транспарентности [20, с. 58].

Применительно к обеспечению транспарентности уголовного судопроизводства наибольший интерес представляют проблемы его информатизации как процесса формирования необходимого уровня доступности информации и информационного взаимодействия при осуществлении уголовного судопроизводства, которые тесно взаимосвязаны с цифровой трансформацией уголовно-процессуальной деятельности.

Как уже отмечалось, пока законодатель не выработал единого подхода к сущности этих процессов и способам их обеспечения в уголовном судопроизводстве. В настоящее время это осложняется и ведомственным подходом к осуществлению информатизации и цифровой трансформации уголовно-процессуальной деятельности, порождающим неравномерный уровень этих процессов в различных органах, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, а также недостаточным уровнем компетентности их сотрудников в области использования информационных технологий и систем и их высокой загруженностью.

На наш взгляд, самого пристального внимания законодателя заслуживает мнение, что основным направлением развития цифровизации и цифровой трансформации уголовного судопроизводства может стать создание «цифровой экосистемы, основанной на продвижении и интеграции уже функционирующих, территориально распределенных автоматизированных информационных систем и ресурсов» [20, с. 20], позволяющей осуществлять взаимодействие доступными для населения способами, используя для обмена и передачи данных Единый портал государственных и муниципальных услуг, Систему межведомственного электронного взаимодействия, а также официальные информационные ресурсы государственных органов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность.

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 17.07.2025).

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 17.07.2025).

[3] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 17.07.2025).

[4] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 17.07.2025); О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ // Там же.

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

2. Философский словарь / ред. И. Т. Фролов. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Политиздат, 1991. 560 с.

3. Гунин Д. И. Транспарентность и тайна информации: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 174 с.

4. Ковалева Е. В. Обеспечение транспарентности органов местного самоуправления современной России в процессе информатизации политического управления: дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2010. 222 с.

5. Малько Е. А. Транспарентность правосудия как приоритет российской гражданской процессуальной правовой политики // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 11. С. 2—7.

6. Тарасов А. А. О транспарентности российского правосудия // Библиотека криминалиста. 2012. № 1. С. 109—114.

7. Коробка Л. Е. Факторы, влияющие на развитие принципа транспарентности в экологическом праве // Аграрное и земельное право. 2017. № 10 (154). С. 111—115.

8. Кожушко С. В. Принцип транспарентности бюджетного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2021. 33 с.

9. Тованчова Е. Н. Транспарентность как метод исключения двойных стандартов в анализе социально-политических процессов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 4. С. 239—245.

10. Павленков Р. В., Колосович М. С. Транспарентность деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 120—132.

11. Абросимова Е. Транспарентность правосудия // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 1 (38). С. 142—152.

12. Тарасов А. А. Транспарентность правосудия — важный признак правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4 (34). С. 15—20.

13. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019. 50 с.

14. Аширбекова М. Т. Принципы уголовного судопроизводства: их сущностные черты, свойства и система // Уголовное судопроизводство:

1. The large explanatory dictionary of the Russian language. Comp. and red. by S. A. Kuznetsov. Saint Petersburg: Norint; 2000: 1536. (In Russ.).

2. The philosophical dictionary. Red. by I. T. Frolov. The 6th ed., rev. and add. Moscow: Politizdat; 1991: 1991. (In Russ.).

3. Gunin D. I. Transparency and secrecy of information: theoretical and legal aspect. Dissertation of candidate of juridical sciences. Yekaterinburg; 2008: 174. (In Russ.).

4. Kovaleva Ye. V. Ensuring transparency of local government bodies of modern Russia in the informatization process of political management. Dissertation of candidate of political sciences. Saratov; 2010: 222. (In Russ.).

5. Malko Ye. A. Transparency of justice as a priority of the Russian civil procedural legal policy. Arbitration and civil procedure, 2—7, 2013. (In Russ.).

6. Tarasov A. A. On the transparency of Russian justice. Library of the criminalist, 109—114, 2012. (In Russ.).

7. Korobka L. Ye. Factors influencing the development of the transparency principle in the environmental law. Agrarian and land law, 111—115, 2017. (In Russ.).

8. Kozhushko S. V. The principle of budget law transparency. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2021: 33. (In Russ.).

9. Tovanchova Ye. N. Transparency as a method of eliminating double standards in the socio-political processes' analysis. State and municipal administration. Scientific notes, 239—245, 2014. (In Russ.).

10. Pavlenkov R. V., Kolosovich M. S. Transparency of activities of criminal proceedings authorities. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 120—132, 2024. (In Russ.).

11. Abrosimova Ye. Transparency of justice. Constitutional law: East European review, 142—152, 2002. (In Russ.).

12. Tarasov A. A. Transparency of justice is an important characteristic of a law-governed state. Law-governed state: theory and practice, 15—20, 2013. (In Russ.).

13. Kolosovich M. S. Procedural means of ensuring publicity and secrecy in criminal proceedings: conceptual foundations. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Volgograd; 2019: 50. (In Russ.).

14. Ashirbekova M. T. Principles of criminal proceedings: their essential features, characteristics

современное состояние и основные направления совершенствования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летнему юбилею проф. А. В. Гриненко. Москва: МГИМО МИД России, 2016. С. 69—74.

15. Поляков М. П. Принцип транспарентности в уголовном процессе: мнения и сомнения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 69—76.

16. Манова Н. С., Спесивов Н. В. Защита прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве: эффективность правовой политики и перспективы ее совершенствования // Публичная власть: соотношение судебных и внесудебных способов защиты права: монография / под ред. А. Ю. Соколова. Москва: Ин-т государства и права РАН, 2024. С. 104—118.

17. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 442 с.

18. Манова Н. С., Лавнов М. А., Чурикова А. Ю. Современная уголовная политика, совершенствование уголовного судопроизводства и модель деятельности прокурора: проблемы взаимообусловленности // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 39—53.

19. Чурикова А. Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024. 48 с.

20. Чурикова А. Ю. Информационные технологии в уголовном судопроизводстве / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. С. Мановой, д-ра юрид. наук, проф. С. Е. Чанова. Москва: ДМК Пресс, 2024. 308 с.

and system. In: Criminal proceedings: current state and main directions for improvement. Collection of materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of full prof. A. V. Grinenko. Moscow: MGIMO MID of Russia; 2016: 69—74. (In Russ.).

15. Polyakov M. P. Transparency principle in criminal proceedings: opinions and doubts. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 69—76, 2024. (In Russ.).

16. Manova N. S., Spesivov N. V. Protection of rights and legitimate interests in criminal proceedings: effectiveness of legal policy and prospects for its improvement. In: Public power: correlation between judicial and extra-judicial methods of right protection. Monograph. Red. by A. Yu. Sokolov. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 2024: 104—118. (In Russ.).

17. Polyakov M. P. Criminal procedural interpretation of the results of detective activities. Dissertation of doctor of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2002: 442. (In Russ.).

18. Manova N. S., Lavnov M. A., Churikova A. Yu. Modern criminal policy, criminal proceedings improving and prosecutor's activity model: problems of interconditionality. Legal policy and legal life, 39—53, 2021. (In Russ.).

19. Churikova A. Yu. Using information technologies and systems in criminal proceedings: opportunities, risks, legal regulation. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Saratov; 2024: 48. (In Russ.).

20. Churikova A. Yu. Information technologies in criminal proceedings. Red. by doctor of juridical sciences, full prof. N. S. Manova; doctor of juridical sciences, full prof. S. Ye. Chanov. Moscow: DMK Press; 2024: 308. (In Russ.).

Манова Нина Сергеевна,
заведующий кафедрой уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии,
доктор юридических наук, профессор;
n.manova@mail.ru

Manova Nina Sergeyevna,
head of the department of criminal procedure
of the Saratov State Law Academy,
doctor of juridical sciences, full professor;
n.manova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.05.2025; одобрена после рецензирования 11.05.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 03.05.2025; approved after reviewing 11.05.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.13

ТИПОЛОГИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК НАСУЩНАЯ И МАСШТАБНАЯ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Михаил Петрович Поляков
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, polmihpet@rambler.ru

Аннотация. Понятие, укладывающееся в формулу «отечественный уголовный процесс», имеет большую ценность для науки уголовного процесса. Оно является одновременно догматическим и эвристическим. Эвристический потенциал данного понятия раскрывается в рамках научного направления «Типология отечественного уголовного судопроизводства». Речь идет о применении к понятию отечественного уголовного судопроизводства типологического подхода, который находится в стадии методологического становления и апробации. В статье поднимается вопрос: может ли существовать именно такое научное направление, как типология, и именно отечественного уголовного процесса? По мнению автора, типологический подход в его эвристическом развороте должен привести к заключению, что понятие «отечественный уголовный процесс» может рассматриваться в качестве «типологического понятия». Тип уголовного процесса — понятие не только теоретическое, но и эмпирическое. В контексте этой гипотезы тип уголовного процесса не абстрагируется теоретиками, а рождается, как правило, в отдельной стране, в отдельном отечестве. Данное понятие не просто описывает некий уголовный процесс, а является методом его исследования и проектирования.

Ключевые слова: тип уголовного процесса, типология уголовного процесса, типология отечественного уголовного процесса, состязательность, розыск

Для цитирования: Поляков М. П. Типология отечественного уголовного процесса как насущная и масштабная научная проблема // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 83—90.

TYPOLOGY OF DOMESTIC CRIMINAL PROCEDURE AS AN URGENT AND IMPORTANT SCIENTIFIC ISSUE

Mikhail Petrovich Polyakov
Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhniy Novgorod, Russia, polmihpet@rambler.ru

Abstract. The concept related to the formula "domestic criminal procedure" is of great value for the science of criminal procedure. It is both dogmatic and heuristic. The heuristic potential of this concept is revealed within the scientific field "Typology of domestic criminal court proceedings". This is the application of a typology approach to the concept of domestic criminal court proceedings, which is in the stage of methodological development and testing. The article raises the issue whether there can be such a scientific field as typology, and precisely one of domestic criminal procedure? According to the author's opinion, the typological approach in its heuristic development should lead to the conclusion that the concept of "domestic criminal procedure" can be considered as a "typological concept". The type of criminal procedure is not only a theoretical concept, but also an empirical one. In the context of this hypothesis, the type of criminal proceedings is not abstracted by theorists, but usually appears in a separate country. This concept does not simply describe some criminal procedure, but is a method of its research and design.

Keywords: type of criminal procedure, typology of criminal procedure, typology of domestic criminal procedure, adversarial process, detection

For citation: Polyakov M. P. Typology of domestic criminal procedure as an urgent and important scientific issue. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 83—90, 2025. (In Russ.).

В настоящее время наука уголовного судопроизводства все чаще обращается к понятию, обозначаемому формулой «отечественный уголовный процесс». Вместе с тем попытки детальной теоретической разработки этого понятия пока немногочисленны [1; 2]. Складывается впечатление, что научное сообщество причисляет его к числу понятий, для постижения которых вполне достаточно интуиции и душевного отклика. Поэтому формула «отечественный уголовный процесс» активно ис-

пользуется в разных контекстах, часто без строго определенного смысла, как нечто само собой разумеющееся, и применяется преимущественно в качестве риторической альтернативы словосочетанию «российский уголовный процесс» [3—6].

Тем не менее можно разглядеть научные направления, где данное понятие выходит за рамки «изящной словесности» и обретает методологическую функцию. Так, можно констатировать, что в рамках системных исторических описаний российского судопроизводства понятие «отечественный уголовный процесс» в силу присущих ему «синтетических» свойств является более строгим и предпочтительным иным «географическим» формулам имени уголовного процесса.

Однако «синтезирующий» потенциал, будучи достоинством понятия отечественного уголовного процесса, одновременно делает это понятие парадоксальным. С одной стороны, отечественный уголовный процесс может играть роль исторически нейтрального собирательного понятия, которое без всяких идеологических подтекстов и уклонов способно системно соединить в себе досоветский, советский и постсоветский периоды истории родного нам уголовного судопроизводства. В качестве примера использования понятия в этом ключе можно привести «Курс уголовного процесса». Историческая глава этого научного труда так и называется «Развитие отечественного уголовного процесса». К соответствующей терминологии обращаются и авторы параграфа, посвященного истории досудебного производства («Генезис отечественного предварительного расследования (досовесткий и советский период») [7].

С другой стороны, будучи нейтральным в широком историческом контексте, понятие «отечественный уголовный процесс» в современном тренде формирования уголовно-процессуальной политики получает идеологическое звучание, позволяющее создавать особый политический контекст. Идеологический потенциал данного понятия позволил поставить проблемный вопрос о целесообразности включения формулы «отечественный уголовный процесс» в систему идеологических основ современного уголовного судопроизводства России. А. Н. Конев, детально разбиравшийся с этими основами на монографическом уровне, предпринял удачную попытку представить анализируемое понятие в виде ключевой идеологемы уголовного судопроизводства, которая, по его мнению, особым примиряющим образом связывает другие важнейшие идеологемы, в частности «инквизиционность» и «состязательность». «Идеологемой, не уступающей по идеологическому потенциалу всем вышеназванным и неназванным идеологемам, — пишет он, — является формула „отечественный уголовный процесс“. Подчеркнем, наш главный тезис — почти всем известно и даже привычно имя „отечественный уголовный процесс“, но мало кому приходит мысль, что через это имя может проявить себя важнейшая идеологема» [8, с. 344].

В приведенной цитате заложена установка о существенной идеологической ценности имени «отечественный уголовный процесс». Но только этим, на наш взгляд, аксиологическая функция формулы «отечественный уголовный процесс» не исчерпывается. В своей работе А. Н. Конев углубился в политические нюансы, одарив вниманием «душевные» аспекты этого понятия и в очередной раз подтолкнув нас к мысли о его важности. По его мнению, «анализ особо ярких (в буквальном смысле патриотических) публикаций показывает, что для определенного круга процессуалистов формула „отечественный уголовный процесс“ действительно является не просто фигурой речи, не обычным синонимом российского судопроизводства, а выступает самой настоящей идеологемой, проводником в мир осознанной национальной идеологии уголовного процесса» [8, с. 345].

В русле этих выводов следуют многие процессуалисты. Представителям «патриотического» направления уголовно-процессуальной науки свойственно подчеркнуто душевное отношение к формуле «отечественный уголовный процесс». Сторонники «вестернизации» российского судопроизводства слова «отечественный уголовный процесс» наполняют иными эмоциональными нотами. Важно отметить, что, несмотря на различие атмосферы, складывающейся вокруг этого понятия, никто прямо не высказался насчет того, что данное понятие вредно или неуместно, не обмолвился о том, что оно публицистическое и тем более популистское.

Таким образом, можно говорить о том, что понятие, укладывающееся в формулу «отечественный уголовный процесс», имеет большую ценность для науки уголовного процесса. Осознанию этой ценности способствовала монография А. Н. Конева. С одной стороны, глубокого теоретического осмысления понятия отечественного уголовного процесса в этой работе не представлено. Но, с другой стороны, автор достойно решил не менее важную задачу, выявив и описав специфические черты понятия «отечественный уголов-

ный процесс» в контексте идеологического подхода, чем внес существенный вклад в формирование общего научного понятия отечественного уголовного процесса и его концептуальных основ.

Благодаря указанной монографии и другим работам, наметились «инструментальные» контуры научных возможностей понятия отечественного уголовного процесса. По нашему мнению, оно является и догматическим, и эвристическим, аккумулирует в себе существенные признаки отечественного уголовного судопроизводства, формирует его беспристрастное теоретическое понимание в широком историческом ключе. Одновременно понятие отечественного уголовного процесса выступает катализатором проявления сущностных сторон тех уголовно-процессуальных явлений, в контекст которых оно помещается.

Такая двойственность (вполне может оказаться, что это лишь верхушка методологического плюрализма данного понятия) помогает ученым, пытающимся добраться до сути понятия и раскрыть его новые стороны, прояснить исследовательские горизонты. Становится понятно, что широкое всеобъемлющее понятие отечественного уголовного процесса невозможно захватить одним даже очень мощным и талантливым концептуальным наскоком, не под силу одолеть его загадки в один даже самый искусный исследовательский прием. К «сердцу» этого понятия нужно искать особые подходы, невероятные извилистые пути. И может оказаться, что подобно всем дорогам, не́когда соединявшимся в Риме, все интеллектуальные замахи на формулу «отечественный уголовный процесс» сойдутся в сердцевине этого понятия, которую еще предстоит открыть. Отсюда вытекает однозначная и непререкаемая установка. Всякие попытки качественно, научно и обстоятельно представить хотя бы одну сущностную сторону понятия отечественного уголовного процесса нужно приветствовать интеллектуальными «аплодисментами» и «букетами» научного внимания.

Об удачной попытке разворачивания понятия отечественного уголовного процесса с помощью идеологического подхода мы уже напомнили. Добавим лишь, что данное исследование осуществлялось в атмосфере научного сообщества, именуемого Томинской (Нижегородской) научной школой процессуалистов[1]. Это обстоятельство мы вспомнили не случайно. В рамках нашей научной школы это не единственный и не последний опыт. О еще одной амбициозной исследовательской попытке подобраться к новым оттенкам понятия отечественного уголовного процесса, попытке, которой только предстоит реализоваться и отстоять себя, будет сказано ниже. Попытка эта получила официальное название (утвержденное ученым советом Нижегородской академии МВД России) — «Типология отечественного уголовного судопроизводства». Данным направлением уже не первый год предметно занимается докторант Анна Вячеславовна Ламтева. Буквально так звучит тема ее докторского диссертационного исследования.

В рамках данной темы (я имею счастье быть научным консультантом) разворачивается новое актуальное научное направление, нацеленное на решение крупной научной проблемы, по преимуществу теоретической. Новизна этого направления заключается, прежде всего, в том, что посредством подобной постановки проблемы осознается насущная потребность и, как следствие, обозначается исследовательское дерзновение — представить понятие отечественного уголовного процесса в свете устоявшихся и новых интеллектуальных достижений уголовно-процессуальной типологии. И одновременно посмотреть, как само это понятие эвристически влияет на научный инструментарий, используемый типологией. По сути, речь идет о применении к понятию отечественного уголовного судопроизводства типологического подхода, который сам еще (подобно идеологическому подходу) находится в стадии методологического становления и апробации.

Докторант А. В. Ламтева не один год пребывает в глубоких рассуждениях по этому поводу. У нее имеются свои оригинальные взоры на этот предмет, смелые, красивые, порой не всем понятные. Она по-своему видит данную тематику, видит ярко и оригинально [9—11]. Однако время от времени на нее накатывают разумные сомнения, касающиеся самой формулы — «типология отечественного уголовного процесса». Сомнения эти рождаются тревогами, присущими каждому ответственному соискателю высокой ученой степени: что

Пользуясь авторитетной трибуной Вестника Волгоградской академии МВД России, хочу сообщить, что имя — «Томинская (Нижегородская) школа процессуалистов», вытеснившее в моих работах прежнее название («Нижегородская школа процессуалистов»), — подразумевает далеко не всех процессуалистов, обитающих в Нижнем Новгороде. В нашем городе есть немало «самозанятых» ученых. «Томинская (Нижегородская) школа» — это узкий круг единомышленников (последователей «романтической» линии профессора В. Т. Томина), а не просто землячество остепененных нижегородцев.

тема в ее возможностях и предвкушениях, презентованных научному сообществу в наименовании, не будет полностью раскрыта.

Среди мотивов появления этой статьи было и желание смягчить тревоги моего докторанта и соратника. С одной стороны, целесообразно отпустить исследователя в путешествие к Истине «без руля и ветрил» и насладиться результатами его поиска, удивиться прозорливости закаленного поиском ума. Но, с другой стороны, есть желание выдать искателю хотя бы «контурную карту», завязать «проблемные узелки» на память. Анна Вячеславовна в силу своего исследовательского темперамента, толкающего ее объять необъятное, немного «заплуталась» в дальних исторических предпосылках, увлеклась и очаровалась типологическими разработками предшественников, причем не только соотечественников, но и иноземцев. Типология уголовного процесса — направление увлекательное, чарующее, но не безопасное. Оно способно заморочить и заблудить исследователя, заставить его забыть об исходном замысле, о том, что предметом исследования является не типология вообще, а типология отечественного уголовного процесса.

Радует пока лишь то, что никто открыто не бранит А. В. Ламтеву за эту, на мой взгляд, изумительную тему, не обрушивает ее гипотезы и поисковые чаяния на уровне самого названия — «Типология отечественного уголовного процесса». Вместе с тем Анна Вячеславовна, активно апробирующая результаты своей работы на конференциях, уже столкнулась с высокой температурой критики отдельных положений. Но это были частные вопросы. Само понятие «типология отечественного уголовного процесса» как ядро исследовательской концепции пока на площадки научной критики не выдвигалось. Не будучи уверенным, что данное понятие вызовет всеобщее научное одобрение, постараюсь предвосхитить вопросы «матерых процессуалистов» и высказать несколько соображений в поддержку темы — «Типология отечественного уголовного процесса».

Главный вопрос: может ли вообще существовать подобное научное направление и, соответственно, такой предмет научного любопытства, как типология отечественного уголовного процесса. Именно типология и именно отечественного уголовного процесса?

Судя по тому, что данная тема появилась, утверждена и я выступаю по ней научным консультантом, вопрос этот для меня уже давно является риторическим. Но в разряд риторических он попал не интуитивно. К тому были вполне определенные теоретические предпосылки. И главная предпосылка — это особые идеологические и методологические установки нашей научной школы, особое душевное почтение к понятию «отечественный уголовный процесс».

Мой Учитель профессор В. Т. Томин в итоговой монографии, посвященной принципам уголовного процесса, сделал читателям важнейшее предупреждение: «Прошу обратить внимание на следующее усиленно подчеркиваемое автором обстоятельство: принципы уголовного процесса, о которых говорит автор, — это принципы отечественного уголовного процесса» [12, с. 23]. Таким образом, В. Т. Томин подал нам пример оригинальной исследовательской схемы, согласно которой к сути отечественного уголовного процесса можно особым образом прорваться через принципы. Закономерно предположить, что если путь к сути возможен через принципы уголовного процесса, то почему не попробовать пробраться к нераскрытым тайнам уголовного процесса через каноны типологии?

Вместе с тем меня смущает одно обстоятельство. Во времена моей советской юности школьники любили рассказывать друг другу анекдоты. Так мы формировали особое мышление — анекдотически-притчевое. Так вот, был в ходу анекдот, в котором открывалось нелепое и смешное противоречие. Это анекдот про школьника, спросившего продавца: «Нет ли в продаже чернил для пятого класса и глобуса Горьковской области?». Этот анекдот образно передает мои сомнения, а точнее опасения. Не пригрезится ли кому-нибудь подобное юмористическое противоречие в теме «Типология отечественного уголовного процесса».

С анекдотом все просто: чернил для пятого класса не бывает, ибо чернила есть некий универсальный инструмент, а «глобус области» — это понятие, несоразмерное предмету[1]. Можно ли столь однозначно ответить на вопрос: имеет ли право на существование (с точки зрения логики и практики) такой теоретический конструкт, как типология отечественного уголовного процесса? Не пытаемся ли мы в нашем инновационном порыве «натянуть» отечественный уголовный процесс на классическую типологию, как Горьковскую область на глобус. Попутно возникает вопрос: возможно ли смысловое ограничение универсального интеллектуального инструмента рамками частного предмета с претензией на то, что в рамках такого ограничения у самого этого инструмента появляются новые свойства?

[1] К слову, для подчеркивания этой несоразмерности придумано немало научных шуток. На память приходит фраза «попытка натянуть сову на глобус» или более интеллигентное выражение — «натянуть сапог на Апеннинский полуостров».

Попробуем ответить на эти вопросы, опять же отталкиваясь от «чернил для пятого класса»[1]. Если чернилами в качестве универсального инструмента можно пользоваться в любом классе, значит и учение о типах процесса как общий инструмент применимо к любому виду уголовного процесса, и обобщенному, и конкретному. Типология конкретного отечественного уголовного процесса здесь будет означать его описание в терминах общей типологии. С методологической точки зрения это будет случай применения типологического подхода в рамках догматического метода. Подобный взгляд, полагаем, вопросов и возражений не вызывает.

Однако нас интересует и другая сторона проблемы, суть которой можно отразить вопросе: может ли «типология отечественного уголовного процесса» быть представлена как эвристическое понятие, как новый инструмент познания сущности отечественного (именно отечественного) уголовного процесса. По нашим размышлениям, типологический подход в его эвристическом развороте должен привести, кроме прочего, и к обоснованному заключению, что само понятие «отечественный уголовный процесс» может рассматриваться в качестве «типологического понятия».

Но что означает статус «типологического понятия»? Чтобы подобраться к ответу, мы снова вспомним анекдот и вдохновимся образом «областного глобуса». Понятие «отечественный уголовный процесса» (в статусе «типологического понятия») представляется нам, условно говоря, «планетарным» инструментом. Иными словами — само понятие «отечественный уголовный процесс» может, кроме всех своих иных значений, включать в себя и интерпретацию — специфический тип процесса.

Здесь важно уловить одно обстоятельство. Статус «типологического понятия» присуждается не всякому конкретному уголовному процессу, воплотившемуся во времени и пространстве. Типологический маркер «отечественный уголовный процесс» может быть присужден уголовному процессу не всякого государства. Мы выдвигаем гипотезу — всякий тип уголовного процесса — это изначально форма конкретного отечественного уголовного процесса, однако не всякая форма уголовного процесса порождает тип процесса.

Этими несколько запутанными рассуждениями мы пытаемся подвести читателя к мысли, что сама тема «Типология отечественного уголовного процесса» содержит в себе несколько слоев методологического понимания и, следовательно, в саму эту типологию допустимо вкладывать разный смысл. С нашей стороны имеется полная ясность. Мы твердо стоим на том, что подобная типология имеет право на существование, в том числе в качестве предмета исследования докторского уровня.

На мгновение уподобимся шахматистам, которые способны играть сами с собой, «перевернем доску» и подумаем, какие «железные» аргументы можно выдвинуть против подобной темы? Первый контраргумент может опираться на позицию, согласно которой отечественный уголовный процесс есть сугубо эмпирическое понятие (в этом смысле оно равно понятию конкретного уголовного процесса конкретного государства), поэтому принципиально не может быть исчерпывающим предметом для теоретической типологии, обобщающей абстрактные объекты.

Наш гипотетический оппонент может настаивать на том, что предметом типологического представления является исключительно вся совокупность уголовных процессов, которая этой типологией и упорядочивается. Типология в ее классическом варианте в одном ключе изучает самые обобщенные типы процессов как некую исходную форму, как основополагающий технологический принцип. В рамках этого подхода (классическим мы называем его условно) читателю знакомы такие типы процесса, как состязательный, разыскной и смешанный.

После перечисления этих трех типов процесса, как правило, подается информация о том, что наш отечественный (т. е. российский) уголовный процесс — это процесс именно смешанного типа. Причем данный факт типологической квалификации порой трактуется таким образом, будто наш отечественный (российский) уголовный процесс не просто подходит под лекала какого-то абстрактного уголовного судопроизводства смешанного типа, а является образцом и примером этого типа и даже его первоисточником. Например, А. С. Александров прямо говорит о том, что смешанное судопроизводство — это «изобретенный процессуалистами эвфемизм, призванный прикрывать неприглядную физиономию нашего уголовного процесса и убожество теории, его оправдывающей» [13, с. 6].

[1] Заметим, что в контексте исторической практики анекдот про чернила небезупречен. Советская система образования помнит интересные правила. В некоторых школах ученикам до третьего класса не разрешалось писать шариковыми ручками. Они упражнялись в чистописании чернильными «самописками». Считалось, что шариковые ручки (в силу более сильного нажима) не способствуют становлению у учеников хорошего почерка. Так что «классовая дифференциация чернил» имела место.

Понятно, что данное заявление не может быть истиной в последней инстанции. Обстоятельная критика этой позиции приведена в монографии А. Н. Конева. Для нас же важно посмотреть на это заблуждение с иных позиций. Для нас большее значение имеет следующее обстоятельство. Смешанный тип уголовного процесса имеет и другое, обычно не озвучиваемое название (подобно девичьей фамилии). Дореволюционные авторы прямо говорили о том, что наше уголовное судопроизводство организовано «по французскому, т. е. смешанному типу». Об этом вспоминают и наши современники [14]. Иными словами, смешанный тип уголовного процесса — это изначально вполне себе отечественный уголовный процесс. Отечеством смешанного типа процесса общепризнанно выступала Франция. Позже память о Франции как «матери» смешанного типа уголовного процесса растворилась в более широком типологическом имени — «континентальный уголовный процесс». Но подобное имя появилось лишь в противовес «островному» типу уголовного процесса, равному по объему отечественному уголовному процессу Англии.

Исходя из сказанного, вырисовывается гипотеза, согласно которой тип уголовного процесса — это, с одной стороны, абстрактное научное понятие, с другой — теоретическое понятие, не являющееся сугубо умозрительным, а имеющее реальные эмпирические предпосылки. Поэтому сама формула «тип процесса» — это не только формула осмысления уголовного процесса, его описания, это еще и научная констатация определенного эмпирического витка развития уголовного процесса в его исторической ретроспективе.

А. В. Ламтева выдвигает смелую гипотезу о том, что тип уголовного процесса — понятие не только теоретическое, но и эмпирическое, жизненное. В контексте этой гипотезы тип уголовного процесса не абстрагируется теоретиками. Прежде красивого и умного теоретического осмысления тип уголовного процесса рождается в практике реального судопроизводства. И рождается (это мы особо хотим подчеркнуть), как правило, в отдельной стране, в отдельном отечестве.

Две страны-прародительницы типов уголовного процесса нам доподлинно известны и выше названы. Францию мы связали со смешанным типом процесса. Родиной состязательного типа процесса безоговорочно является Англия. При желании можно вычислить, где родился и оформился разыскной тип процесса. За ним маячит Германия.

Гипотетический оппонент может нам возразить, привести в пример древние страны с их обвинительным типом процесса, который якобы и «вдохновил» Англию, одарил ее изначальной идеей и формой. Однако со своей стороны мы осмелимся предположить, что не было еще в этих странах никакого типичного процесса (равно как и государств как таковых тоже не существовало), т. е. такого эмпирического образования, равного особому типу уголовного процесса. Английское судопроизводство как раз и породило этот жизненный тип, который потом трансформировался в теоретический англосаксонский тип процесса, презентуемый ныне под именем состязательного.

Таким образом, можно говорить о том, что тип уголовного процесса как некий феномен всегда рождается в отдельно взятой стране, привязывается к территории, к какому-то государству. Следовательно, мы выходим на такой методологический уровень, когда отечественный тип процесса — это не только «географическое» понятие, как привязка к процессу конкретного государства, это уже понятие историческое, отражающее путь, объясняющее, как зарождался тот или иной тип уголовного процесса. В то же время это понятие экзистенциальное, сущностное, которое говорит о том, что тип процесса есть понятие живого уголовного процесса, что тип уголовного процесса изобретается человеческим поиском и практикой. И всегда можно найти родину уголовного процесса, отыскать тот конкретный отечественный уголовный процесс, в котором данный тип уголовного процесса собственно и стал типом.

Следовательно, понятие «тип отечественного уголовного процесса» может работать с объектами разного уровня. В одном случае понятие «отечественный уголовный процесс» может быть общим, «космополитическим», не применимым к конкретному государству. В другом — может характеризовать уголовный процесс конкретной страны. В исследовании А. В. Ламтевой две эти линии как раз и пытаются соединиться — общее понятие типологии отечественного уголовного процесса и типология уголовного процесса местного варианта.

В конечном итоге новизна подхода, разрабатываемого А. В. Ламтевой, заключается в том, что само понятие «отечественный уголовный процесс» есть понятие типологическое. Оно не просто описывает некий уголовный процесс. Оно является методом его исследования и проектирования.

Значительный интерес для науки уголовного процесса представляет установка, согласно которой любой уголовный процесс того или иного отечества стремится стать типом уголовного процесса или прототипом для других государств. Сегодня много говорят о вестернизации уголовного судопроизводства, намекая, что наше судопроизводство сильно американизировано. Не давая идеологической оценки этой тенденции, заметим, что здесь мы тоже имеем с типологией отечественного уголовного процесса — типологией нового вида и нового поколения. Разговоры о состязательно-

сти, розыске, приоритете одного типа уголовного процесса над другим — это лишь своеобразное типологическое прикрытие для экспансии американского отечественного уголовного процесса. На самом деле актуальна перестройка уголовного процесса, перестройка другого рода.

Типология отечественного уголовного процесса должна заниматься сепарацией общего и особенного в самом типологическом подходе. Данный подход должен диагностировать и отделять абстрактное, безвредное от конкретного и недоброжелательного. Он должен уметь разглядеть вкрапления чуждых отечественных уголовных процессов, диагностировать их, оценить, одобрить или не одобрить.

Типологический подход должен определить, что делает отечественный уголовный процесса именно типом процесса. Кроме того, задачей данного подхода является интерпретация понятия «тип процесса» в русле таких смыслов, как прототип, пример. Это уже прикладное направление, заключающееся в проектировании определенных институтов, конкретизации принципов и подходов, которые можно и нужно экспортировать в другие виды отечественных уголовных процессов.

Попутно возникает немало идеологических вопросов. Например, считать ли тип отечественного уголовного процесса агрессивным или дружелюбным? Это важный вопрос для научного осмысления. «Страны, которым исторически удалось (причем совершенно заслуженно) стать символом той или иной технологической модели предварительного расследования, — пишет Л. В. Головко, — стремятся использовать данное обстоятельство в интересах своей культурной и политической „экспансии“, что вполне понятно и логично. В такой ситуации реформы уголовной юстиции давно уже стали „фактором геополитики“, а между самими уголовно-процессуальными моделями идет ожесточенная геополитическая борьба» [15, с. 9—16].

Закономерно встают вопросы: нужно ли отечественному типу уголовного процесса развиваться так, чтобы ему под силу была экспансия; нужна ли ему целенаправленная экспансия или вполне достаточно «рекламной» функции; может быть, в рамках типологии отечественного уголовного процесса явит себя в своей теоретической четкости и такое понятие, как суверенный отечественный уголовный процесс?

Все сказанное выше, по нашему убеждению, говорит в пользу того, что научное направление «Типология отечественного уголовного процесса», разрабатываемое Томинской (Нижегордской) школой процессуалистов и конкретно докторантом А. В. Ламтевой, пытается одолеть насущную и масштабную теоретико-прикладную проблему. И результаты этого исследования очень нужны теории и практике отечественного уголовного судопроизводства.

1. Барабаш А. С. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. 27 с.

2. Томин В. Т. Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: принципы отечественного уголовного процесса: лекция-монография. Нижний Новгород: Волго-Вятская акад. гос. службы, 2007. 79 с.

3. Давлетов А. А., Кравчук Л. А. Стадия возбуждения уголовного дела — обязательный этап современного отечественного уголовного процесса // Российский юридический журнал. 2010. № 6 (75). С. 114—120.

4. Головинская И. В. Расширение перечня особых порядков судебного разбирательства в отечественном уголовном процессе: досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 3 (12). С. 56—59.

5. Юнусов А. А., Сафин Р. Р. Перманентное реформирование отечественного уголовного процесса изменило его до неузнаваемости // Следователь. 2008. № 11. С. 11—14.

1. Barabash A. S. The essence of domestic criminal procedure in the light of the Russian national mentality. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Yekaterinburg; 2012: 27. (In Russ.).

2. Tomin V. T. Principles of domestic criminal procedure as a branch of state activity: concept, meaning and system; doctrinal approaches and legislation: principles of domestic criminal procedure. Lecture-monograph. Nizhny Novgorod: the Volgo-Vyatskaya state service academy; 2007: 79. (In Russ.).

3. Davletov A. A., Kravchuk L. A. The stage of initiation of criminal proceedings is an obligatory phase of modern domestic criminal procedure. Russian Legal Journal, 114—120, 2010. (In Russ.).

4. Golovinskaya I. V. Expansion of the list of special procedures of trials in domestic criminal procedure: pre-trial agreement on cooperation. Journal of the Vladimir Law Institute, 56—59, 2009. (In Russ.).

5. Yunusov A. A., Safin P. P. Permanent reform of the domestic criminal procedure has changed it to unrecognizable state. Investigator, 11—14, 2008. (In Russ.).

6. Александров А. И. О задачах и принципах отечественного уголовного процесса: в поисках утраченного // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 3 (278). С. 14—21.

7. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. Москва: Статут, 2017. 1280 с.

8. Конев А. Н. Идеологические основы современного уголовного судопроизводства России: монография / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. М. П. Полякова. Москва: Проспект, 2021. 416 с.

9. Ламтева А. В. Ординарные и экстраординарные судебные стадии как индикатор отечественного типа уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 53—61.

10. Ламтева А. В. Суд присяжных в контексте типологии отечественного уголовного судопроизводства: эволюция, ликвидация или инновация сути // Научный Вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2 (102). С. 252—263.

11. Ламтева А. В. Теория смешанного типа уголовного процесса // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. № 2, Т. 16. С. 113—122.

12. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. Москва: Юрайт, 2009. 376 с.

13. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А. С. Александрова. Москва: Юрлитинформ, 2015. 299 с.

14. Россинский С. Б. Система досудебного производства в уголовном процессе Российской Федерации: нужно ли возвращаться к французской типовой модели? // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2024. Т. 15, вып. 4. С. 1012—1025.

15. Головко Л. В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 9—16.

6. Alexandrov A. I. On the tasks and principles of domestic criminal procedure: in search of the lost. Izvestia of the higher education institutions. Law, 14—21, 2008. (In Russ.).

7. Course of criminal procedure. Red. by doctor of juridical sciences, prof. L. V. Golovko. 2nd ed. Moscow: Statute; 2017: 1280. (In Russ.).

8. Konev A. N. Ideological foundations of the modern criminal court proceedings in Russia. Monograph. Red. by doctor of juridical sciences, prof. M. P. Polakov. Moscow: Prospekt; 2021: 416. (In Russ.).

9. Lamteva A. V. Ordinary and extraordinary judicial stages as an indicator of the domestic type of criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 53—61, 2024. (In Russ.).

10. Lamteva A. V. Jury in the context of typology of domestic criminal proceedings: evolution, elimination or innovation of the essence. Scientific Journal of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V. V. Lukiyanov, 252—263, 2025. (In Russ.).

11. Lamteva A. V. Theory of mixed type of criminal procedure. Journal of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 113—122, 2025. (In Russ.).

12. Tomin V. T. Criminal procedure: topical problems of theory and practice. Moscow: Yurait; 2009: 376. (In Russ.).

13. Doctrinal model of criminal procedural and evidentiary law of the Russian Federation and comments to it. Red. by A. S. Alexandrov. Moscow: Yurlitinform; 2015: 299. (In Russ.).

14. Rossinsky S. B. System of pre-trial proceedings in the criminal procedure of the Russian Federation: whether to return to the French model? Vestnik of Saint Petersburg University, 1012—1025, 2024. (In Russ.).

15. Golovko L. V. Archetypes of pre-trial proceedings, possible prospects for the development of domestic preliminary investigation. Criminal court proceedings, 9—16, 2014. (In Russ.).

Поляков Михаил Петрович,
профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
polmihpet@rambler.ru

Polyakov Mikhail Petrovich,
professor at the department of criminal procedure
of Nizhniy Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
polmihpet@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 01.06.2025; одобрена после рецензирования 08.06.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 01.06.2025; approved after reviewing 08.06.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.131

ФУНКЦИЯ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕЕ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Владимир Юрьевич Стельмах
Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, vlstelmah@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется содержание функции защиты в уголовном судопроизводстве и некоторые аспекты ее выражения. Поскольку функция обвинения (уголовного преследования) начинает реализовываться с момента поступления сообщения о преступлении, функция защиты потенциально присутствует даже в делах, по которым не установлены лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемого. Систематизируются субъекты осуществления функции защиты: обвиняемый (подозреваемый), адвокат, законный представитель. Адвокат, приобретая процессуальный статус защитника, оказывает квалифицированную юридическую помощь. Деятельность защитника носит публично-правовой характер, поскольку законодатель должен создать механизм, не обязывающий защитника содействовать изобличению подсудимого, но самим характером своей деятельности в уголовном процессе стимулировать органы предварительного расследования на установление лиц, реально совершивших преступление. Формулируется предложение об обязательном участии защитника в производстве по каждому уголовному делу. Выделяются признаки защиты, подтверждающие ее публично-правовую природу, в частности недопустимость параллельного адвокатского расследования, не связанного с деятельностью органа предварительного расследования, а также обязанность защитника информировать следователя об обстоятельствах, подтверждающих невиновность или меньшую виновность подзащитного, в том числе в конкретных случаях, когда соответствующие сведения могут быть получены только от обвиняемого (подозреваемого).

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, публичность, состязательность, процессуальные функции, обвинение, уголовное преследование, защита, защитник

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Функция защиты в уголовном судопроизводстве: некоторые современные проблемы ее содержания и форм осуществления // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 91—99.

DEFENSE FUNCTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: SOME CURRENT PROBLEMS OF ITS CONTENT AND IMPLEMENTATION

Vladimir Yuriyevich Stelmakh
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, vlstelmah@mail.ru

Abstract. The article analyzes the content of the defense function in criminal proceedings and some aspects of its manifestation. Since the function of accusation (criminal prosecution) begins to be implemented since the moment of crime reporting, the defense function is potentially present even in cases where the persons to be charged have not been identified. The subjects of the defense function implementing are systematized: the accused (suspect), barrister, lawful representative. A barrister, acquiring the procedural status of a defender, provides qualified legal assistance. The defender's activity has a public-legal nature, since the legislator must design a mechanism not to oblige the defender to contribute to defendant's identification, but by the very nature of his activities in the criminal proceedings to stimulate the preliminary investigation bodies to identify the persons that have actually committed the crime. A proposal on the obligatory defender's participation in the proceedings in each criminal case is formulated. The defense characteristics proving its public-legal nature are identified, in particular, the inadmissibility of a parallel barrister's investigation unrelated to the activities of the preliminary

© Стельмах В. Ю., 2025

investigation body, as well as the duty of the defender to inform the investigator about the circumstances proving the innocence or lesser guilt of the defendant, including specific cases, when relevant information can be obtained from the accused (suspect) only.

Keywords: criminal proceedings, publicity, adversarial character, procedural functions, accusation, criminal prosecution, defense, defender

For citation: Stelmakh V. Yu. Defense function in criminal proceedings: some current problems of its content and implementation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 91—99, 2025. (In Russ.).

Уголовное судопроизводство в Российской Федерации построено по состязательному типу, что получило нормативное закрепление как в ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.), так и в ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ). Исходя из этого, существуют три основные уголовно-процессуальные функции — обвинение (уголовное преследование), защита и разрешение дела, — реализация которых возложена законом на различных участников судопроизводства [1]. Представители обвинения и защиты являются сторонами по делу; сторон всегда две, если есть одна сторона, должна быть и другая; наличие одной стороны обусловливает существование другой. Функция разрешения дела осуществляется судом, не относящимся к сторонам, а создающим условия для реализации ими своих прав.

Следует отметить, что достаточно давно в науке появились утверждения о значительно большем количестве процессуальных функций [2—9]. Такие подходы отчасти справедливы, поскольку ряд видов уголовно-процессуальной деятельности сложно однозначно отнести к какой-либо из трех «классических» функций, однако необходимо признать, что три традиционно выделяемые функции в целом полно отражают все аспекты судопроизводства, а остальные направления вполне можно свести к частным проявлением данных функций.

В науке выказано мнение, что уголовное преследование не равнозначно обвинению, а является процессуальным порядком выдвижения обвинения [10]. Представляется, что по большому счету обвинение и уголовное преследование с точки зрения функции уголовного судопроизводства вполне можно уравнять в значении.

Функция защиты носит вторичный характер. Она объективно не может существовать без функции обвинения. Из этого не следует, что функция защиты менее важна и играет подчиненную, обслуживающую роль относительно уголовного преследования. Это означает только то, что движущей силой судопроизводства является уголовное преследование, а защита производна от него. Теоретически можно представить судопроизводство вообще без функции защиты или, как это было в Средние века, с возложением определенных обязанностей по защите привлекаемого к уголовной ответственности лица на следователя. В принципе уголовно-процессуальная деятельность как таковая могла бы осуществляться и при такой конструкции. Другой вопрос, что на современном этапе развития общества подобный тип судопроизводства неприемлем, поскольку он неминуемо влечет обвинительный уклон, означает игнорирование позиции лица, подвергаемого уголовному преследованию, а отсутствие у органа предварительного расследования эффективного оппонента с большой степенью вероятности приводит к принятию односторонних, необъективных, а значит, незаконных решений.

Вместе с тем без обвинения функция защиты полностью утрачивает смысл, предмет и содержание. Если никто никому не выдвигает обвинение, нет и защиты. Иными словами, если при отсутствии функции защиты уголовное судопроизводство в принципе может существовать, хотя и в крайне несовершенном виде, то отсутствие функции уголовного преследования исключает существование уголовного судопроизводства как такового.

В российской уголовно-процессуальной науке защита в уголовно-процессуальном понимании традиционно трактуется только как защита от уголовного преследования. Оказание юридической помощи потерпевшему, свидетелю, а при необходимости и иным участникам судопроизводства не рассматривается как проявление функции защиты. Нельзя считать проявлением функции защиты участие представителя адвокатской палаты при производстве следственных действий, производимых в отношении адвоката (ст. 450^1 УПК РФ), поскольку представитель адвокатского сообщества не оказывает юридической помощи адвокату,

а обеспечивает соблюдение режима адвокатской тайны.

Функция обвинения (в широком понимании термина «обвинение») начинает реализовываться сразу после поступления информации о преступном событии. Фиксация преступного характера деяния, возбуждение уголовного дела, установление причастных к нему лиц, сбор доказательств — все это проявления функции обвинения. Даже если на момент принятия сообщения о преступлении конкретные виновные лица неизвестны, функция обвинения воплощается всей деятельностью органов предварительного расследования. Следует отметить, что интерпретация функции обвинения в узком смысле, т. е. как наделение лица процессуальным статусом обвиняемого [11], оставляет безответным вопрос о том, чем является деятельность по собиранию доказательств для выдвижения обвинения.

Функция защиты, на первый взгляд, отсутствует до появления в деле подозреваемого или обвиняемого, т. е. до наделения конкретного лица данным процессуальным статусом. Действительно, функция защиты более персонализирована и связана с конкретным лицом, в отношении которого осуществляется деятельность по доказыванию его причастности к преступлению и привлечению к уголовной ответственности. Вместе с тем это не означает, что функция защиты отсутствует в тех случаях, когда по делу не имеется лиц в статусе подозреваемого или обвиняемого. В подобных ситуациях функция защиты существует потенциально, она просто до определенного момента не находит зримого воплощения в виде особенностей конкретных процессуальных действий (например, участие в них защитника) и принятия процессуальных решений.

Содержание функции защиты в общем виде — оппонирование обвинению, т. е. обоснование невиновности или меньшей виновности обвиняемого в сравнении с выдвинутым обвинением [12]. Таким образом, защита в уголовно-процессуальном понимании должна предоставляться всегда, когда существует уголовное преследование. Сущность и виды уголовного преследования — это отдельная сложная проблема, требующая самостоятельного исследования, однако необходимо отметить, что уголовное преследование нельзя сводить только к двум процессуальным формам — подозрению и обвинению. Более правильным представляется широкой подход к интерпретации сущности уголовного преследования, в рамках которого уголовным преследованием является любая деятельность, направленная на фиксацию преступления как такового, установление причастных к совершению преступления лиц, сбор сведений, подтверждающих их виновность, и устранение процессуальных препятствий для привлечения лиц к уголовной ответственности.

Не вдаваясь в дискуссию, которая, повторимся, имеет сложный и многоаспектный характер, выскажем мнение, что отдельные элементы уголовного преследования проявляются в следующих видах деятельности:

а) доследственная проверка сообщения о преступлении [13];

б) лишение лица иммунитета от уголовного преследования (данная процедура носит двойственную — конституционную и уголовно-процессуальную — правовую природу, при этом направлена в конечном итоге на возможность принятия по делу уголовно-процессуальных решений);

в) прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, поскольку в рамках принятия этого решения фиксируется причастность определенных лиц к совершению преступного деяния;

г) производство по применению принудительных мер медицинского характера, когда можно говорить о «бессубъектном» (в уголовно-правовом понимании) уголовном преследовании, поскольку, хотя не происходит привлечения лица к уголовной ответственности, устанавливаются все обстоятельства, входящие в предмет уголовного судопроизводства: дается оценка уголовно-правовой природы совершенного деяния, разрешаются вопросы возмещения вреда потерпевшим лицам и т. п.;

д) прокурорская проверка на предмет выявления вновь открывшихся обстоятельств. Несмотря на то что судебное решение по делу вступило в силу и продолжает исполняться, в ходе данной проверки ведется процессуальная деятельность по подтверждению или опровержению факта, влияющего на признание лица виновным, т. е. направленная на реализацию назначения уголовного судопроизводства;

е) экстрадиционная прокурорская проверка в отношении находящегося в Российской Федерации лица по поступившему запросу о выдаче [14], поскольку в рамках указанной процедуры Российская Федерация, хотя сама и не осуществляет уголовное преследование, однако содействует преследованию, производимому иностранным государством.

Примечательно, что как уголовно-процессуальное, так и иное отраслевое законодательство Российской Федерации предусматривает во всех указанных процедурах участие защитника (или адвоката без присвоения ему процессуального статуса защитника, но с наделением практически аналогичными правомочиями). Функция защиты присутствует в данных ситуациях, поскольку решается вопрос о связи конкретного лица с преступлением и принимается решение, фиксирующее данный факт и предоставляющее правоприменительным органам возможность дальнейших действий по привлечению лица к уголовной ответственности.

Функция защиты характеризуется публично-правовой природой. Несмотря на то что в рамках защитной деятельности осуществляется охрана частных интересов привлекаемого к уголовной ответственности лица, реализация функции защиты направлена на решение публично-правовой задачи, поскольку назначением уголовного судопроизводства является защита прав лиц, пострадавших от преступления, и предотвращение привлечения невиновных к уголовной ответственности. Государство в лице своих правоприменительных органов (прежде всего — прокуратуры и органов предварительного расследования) обязано принять все меры по установлению лица, действительно виновного в совершении преступления, и дачи верной оценки содеянному этим лицом. Уголовное преследование невиновного подрывает авторитет государственной власти и оставляет реального виновного без ответственности, создавая таким образом все условия для совершения им новых преступлений, поэтому недопущение привлечения невиновных к уголовной ответственности (а если это произошло — максимально быстрое прекращение их уголовного преследования) — проявление функции обвинения, а не защиты, и возложена такая задача не на защитника по делу, а на органы предварительного расследования и прокуратуры. Защита призвана уравновесить обвинение на всех этапах осуществления уголовного преследования, поскольку именно такая конструкция позволяет наиболее полно установить обстоятельства совершения преступления и дать правильную квалификацию участникам события.

Можно выделить несколько признаков публичности функции защиты в уголовном судопроизводстве.

Во-первых, обеспечение защиты призвано предотвратить незаконное уголовное преследование. Как было отмечено, это не частная, а публично-правовая задача, направленная на реализацию назначения уголовного судопроизводства. Незаконное уголовное преследование автоматически означает дискредитацию не только конкретного следственного органа, но и всей государственной власти в целом. Защита призвана стать эффективным противовесом уголовному преследованию, который своим оппонированием стимулирует орган расследования более полно и качественно собирать доказательства. Предоставление защитника лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, является обязанностью государства, что достигается рядом закрепленных в уголовно-процессуальном законе механизмов:

а) законом предусмотрены случаи обязательного участия защитника в уголовном деле, когда отказ от защитника не может быть принят следователем, и участие защитника помимо желания обвиняемого не считается нарушением закона. В остальных случаях отказ обвиняемого (подозреваемого) также не обязателен для следователя и суда (за исключением ситуаций отказа от конкретного защитника, неудовлетворительно, по мнению обвиняемого (подозреваемого), выполняющего свои обязанности по оказанию юридической помощи);

б) участие защитника, если обвиняемый или его родственники не достигли договоренности с адвокатом, обеспечивается следователем или судом, а орган адвокатского сообщества обязан предоставить адвоката для участия в деле;

в) оплата труда защитника осуществляется за счет средств федерального бюджета и не может быть возложена на обвиняемого (за исключением случаев приглашения обвиняемым нескольких защитников, что выходит за пределы базовых гарантий обеспечения квалифицированной юридической помощи).

Во-вторых, нормативная конструкция уголовного судопроизводства должна быть выстроена таким образом, чтобы обеспечить выявление действительно виновных лиц и не допустить привлечения к уголовной ответственности невиновных.

Защитник не связан обязанностью содействовать установлению истины по делу [15] в том смысле, что он не должен способствовать изобличению своего подзащитного, если даже адвокат знает о его причастности к преступлению, и не обязан предоставлять полученные им сведения о виновности клиента в орган предварительного расследования. Прямым последствием такого законодательного подхода является запрет допроса адво-

ката, выполнявшего по делу обязанности защитника, о полученной от подзащитного информации, кроме случаев, когда о сообщении этих сведений настаивают обвиняемый и его новый защитник. Возложение на защитника обязанностей по установлению истины по делу так же, как на орган предварительного расследования, полностью нивелировало бы содержание защиты. Однако защитник своим участием, содержанием осуществляемых действий фактически способствует выявлению реальных обстоятельств совершения преступления:

а) защитник призван исключить самооговор обвиняемого, если для него очевидно, что уголовное преследование не опирается на установленные факты, а признание защищаемого им лица носит поверхностный и неконкретный характер;

б) защитник обращает внимание на недостаточность сведений, на основании которых принимаются процессуальные решения о привлечении лица к уголовной ответственности;

в) защитник заявляет ходатайства по восполнению пробелов в доказательствах, подтверждающих виновность подзащитного, когда полагает, что привлечение к уголовной ответственности не основывается на полученных доказательствах и не подтверждается ими.

В научной литературе иногда утверждается, что защитник является не противником, а «союзником» органа предварительного расследования [16]. К этому мнению примыкает позиция о сотрудничестве с расследованием как одной из форм защиты [17]. В целом с такой позицией можно согласиться, но в том смысле, что активное участие защитника, хотя и является в определенном смысле противодействием расследованию, но не носит незаконного характера, а, по сути, стимулирует качественную работу следователя, повышает уровень доказывания обстоятельств совершения преступления, что, безусловно, объективно идет расследованию на пользу, а не во вред. Переход защитника «на сторону следователя» в том понимании, что адвокат склоняет подзащитного к признанию вины без наличия доказательств, недопустим.

Защитник, осуществляя публично-правовую деятельность, не вправе использовать незаконные методы, а законодатель не может стимулировать их применение путем принятия неконкретных и допускающих различное толкование норм. Не должно разрешаться оказание воздействия на участников уголовного судопроизводства в целях побуждения их к изменению показаний, недопустимо рассматривать в качестве защиты неявку защитника на процессуальные действия, чтобы путем их срыва затянуть сроки расследования.

В-третьих, защитник не вправе отказаться от принятой на себя защиты лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Это не означает, что обвиняемый (подозреваемый) вправе выбрать себе любого адвоката, и последний обязан только в силу желания обвиняемого (подозреваемого) принимать участие в деле в качестве защитника соответствующего лица. Речь идет о ситуациях, когда адвокат уже вступил в производство по делу, что подтверждается ордером, врученным следователю. Вместе с тем в науке высказано мнение, что невыполнение клиентом договоренностей по оплате труда адвоката может влечь односторонний отказ данного адвоката от защиты соответствующего лица [18]. Однако для таких выводов нет оснований. Необходимо учитывать, что договорной характер правоотношений, присущий заключению соглашения обвиняемого и адвоката, уступает публично-правовому характеру функции защиты, поэтому отказ адвоката от выполнения обязанностей защитника исключительно по финансовым соображениям недопустим.

В-четвертых, один защитник не вправе осуществлять по одному делу защиту нескольких обвиняемых (подозреваемых), если их интересы противоречат друг другу. Публично-правовой аспект данного правила выражается в том, что для законодателя защита каждого привлекаемого к уголовной ответственности лица важна в одинаковой степени. Если бы один адвокат осуществлял одновременно защиту лиц с разными интересами, создавалась бы высокая степень риска, что защита одного лица стала бы для адвоката более приоритетной, а сведения, полученные от второго обвиняемого (подозреваемого), использовались бы фактически против него, в интересах первого подзащитного.

Формулировка закона о противоречии интересов весьма неконкретна. В практической деятельности целесообразно в принципе исключить защиту одним адвокатом нескольких обвиняемых (подозреваемых) по одному уголовному делу, поскольку противоречие интересов может проявиться в любой по-разному оцениваемой детали. Если по каким-либо причинам один адвокат был защитником нескольких обвиняемых (подозреваемых) (в частности, до соединения нескольких дел в одно производство), он подлежит отводу, причем полностью, а не только у одного обвиняемого (подозреваемого). Продолжение адвокатом осуществления

защиты одного из привлекаемых к уголовной ответственности лиц (например, того, с кем хронологически первым достигнута договоренность) приведет к тому, что полученная от другого обвиняемого (подозреваемого) информация, в том числе высказанная в доверительном порядке, фактически будет использоваться против него, что недопустимо как с юридической, так и с морально-этической точек зрения.

Субъектами, осуществляющими защиту в уголовном судопроизводстве по делам публичного и частно-публичного обвинения, являются:

1. Лицо, привлекаемое к уголовной ответственности. Право на собственную защиту принадлежит обвиняемому (подозреваемому) имманентно в силу его правового положения и осуществляемого в отношении него уголовного преследования. Все закрепленные в ст. 46, 47 УПК РФ правомочия в своей совокупности, по сути, составляют содержание права на защиту.

Такая защита, как правило, не вполне эффективна в силу отсутствия у лица необходимых знаний и опыта. Это не означает, что необходимо лишить обвиняемого (подозреваемого) данного права, а свидетельствует об обязательности предоставления ему квалифицированной юридической помощи.

2. Адвокат, осуществляющий защиту на профессиональном уровне [19]. Это позволяет обеспечить гарантированный Конституцией Российской Федерации квалифицированный характер юридической помощи. В связи с изложенным, а также с публично-правовым содержанием функции защиты, выглядит несовершенной конструкция уголовно-процессуального закона об обязательном участии защитника. Как известно, в ст. 51 УПК РФ зафиксировано общее правило — участие защитника во всех случаях, кроме тех, когда обвиняемый (подозреваемый) отказался от этого, а также ряд конкретных ситуаций, в которых отказ от защитника не может быть принят следователем и судом. Представляется более правильным установить обязательное участие защитника по всем уголовным делам. Организационные возможности современной адвокатуры вполне позволяют осуществить такой шаг, при этом будет решена проблема непредоставления в некоторых случаях обвиняемому (подозреваемому) квалифицированной юридической помощи, которая изначально заложена действующей формулировкой уголовно-процессуального закона. Необходимо исходить из того, что участие защитника само по себе ни при каких условиях не может нарушить прав обвиняемого (подозреваемого). Нарушить их может только некачественная защита, оказываемая конкретным адвокатом, и решить эту проблему можно заменой защитника, но не полным отказом от его участия в деле.

3. Законный представитель, деятельность которого можно охарактеризовать как «родственная защита». С одной стороны, законный представитель, как правило, не располагает достаточной компетентностью для полноценного осуществления защиты в уголовно-процессуальном понимании. С другой — законный представитель оценивает деятельность органа предварительного расследования на эмоциональном уровне, оказывая своеобразную «родственную» поддержку, и кроме того, в состоянии обратить внимание на явные, очевидные нарушения, например оказание давления на обвиняемого, предложения признать свою вину, подтвердить показания других лиц без сообщения конкретных обстоятельств совершения деяния.

По делам частного обвинения допускается участие в качестве защитника любого указанного обвиняемым лица, поскольку по данной категории дел не производится предварительное расследование и не участвует прокурор, в том числе в статусе государственного обвинителя [20; 21].

Активность защитника не следует изначально расценивать как конфликт с органом предварительного расследования [22]. Защитник вполне может придерживаться той же версии, что и следователь, если подзащитный подтверждает соответствующие факты, а у защитника, исходя из конкретной ситуации по делу, нет сомнений в возможности самооговора.

Полномочия защитника должны обеспечить эффективность реализации функции защиты, реальное оппонирование уголовному преследованию. Предоставляемые законом защитнику полномочия не могут «зеркально» дублировать полномочия следователя, поскольку защитник призван оппонировать стороне обвинения, а не производить расследование по делу в полном объеме, т. е. собирать все доказательства.

Во-первых, нет необходимости в законодательном разрешении самостоятельного адвокатского расследования, поскольку в его рамках адвокат будет неизбежно заниматься не защитой своего клиента, а изобличением другого лица в совершении преступления, что противоречит сущности функции защиты.

Во-вторых, не может на нормативном уровне закрепляться или подразумеваться противодей-

ствие расследованию, выходящее за пределы оппонирования, например выражающееся в срыве следственных действий путем неявки защитника.

В-третьих, не должно поощряться согласие защитника с признанием вины своим подзащитным без достаточных доказательств. Абсолютно несостоятельна позиция, в соответствии с которой допускается и даже поощряется «запутывание» защитником предварительного расследования путем согласования с подзащитным признания вины в деянии, которое обвиняемый на самом деле не совершал, с тем чтобы путем представления доказательств непосредственно в суде добиться оправдания обвиняемого. Действуя таким образом, защитник ставит подзащитного в крайне рискованное положение.

В-четвертых, в некоторых случаях именно защитник обязан принять меры по доказыванию некоторых обстоятельств. Имеются в виду обстоятельства неочевидного характера, не усматриваемые из собранных материалов уголовного дела, при этом подтверждающие невиновность или меньшую виновность лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Иными словами, из собранной совокупности доказательств те или иные обстоятельства могут в принципе не усматриваться, и следователь узнает о них только от обвиняемого (подозреваемого) (например, алиби). Если эти обстоятельства могут подтвердить невиновность или меньшую виновность лица, привлекаемого к уголовной ответственности, именно защитник должен довести соответствующую информацию до следователя и, по смыслу закона, принять меры по официальной фиксации данной информации. Это не противоречит базовым положениям презумпции невиновности, согласно которым лицо изначально считается невиновным и не обязано доказывать собственную невиновность, поскольку речь идет о факторах, которые предварительное следствие не может учесть по объективным причинам. В такой ситуации долгом защитника, прямо вытекающим из содержания осуществляемой им процессуальной функции, является сбор информации об обстоятельствах, оправдывающих подзащитного.

Вместе с тем речь не идет о полной инверсии доказывания, поскольку невозможно переложение на защитника обязанности по выявлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, и тем более по их процессуальной фиксации. Такая деятельность в любом случае остается в исключительной компетенции следователя. Защитник при этом призван сообщить о соответствующих фактах и предоставить имеющиеся у него материалы, подтверждающие реальность данных обстоятельств.

1. Бозров В. М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть: монография. Екатеринбург: Уральск. гос. юрид. акад. 2012. 96 с.

2. Антонов И. А. Реализация следователем профилактической функции уголовно-процессуального права: проблемы правоприменительной практики // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 107—110.

3. Берова Д. М. Понятие и система функций в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2010. № 4. С. 225—229.

4. Жук О. Д. Система уголовно-процессуальных функций в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Закон и право. 2015. № 10. С. 15—21.

5. Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальные функции: монография. Ижевск: Детектив-Информ, 2002. 240 с.

6. Латыпов В. С. Содействие как самостоятельная и необходимая уголовно-процессуальная функция // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 4. С. 150—155.

1. Bozrov V. M. Bases of the theory of criminal procedure functions. General section. Monograph. Yekaterinburg: Ural State Law Academy; 2012: 96. (In Russ.).

2. Antonov I. A. Application of the preventive function in criminal procedure law by an investigator: issues of law enforcement practice. Economic security journal, 107—110, 2021. (In Russ.).

3. Berova D. M. The concept and system of functions in criminal proceedings. Society and law, 225—229, 2010. (In Russ.).

4. Zhuk O. D. System of criminal procedure functions in Russian criminal proceedings. Legality and law, 15—21, 2015. (In Russ.).

5. Zinatullin Z. Z., Zinatullin T. Z. Criminal procedure functions. Monograph. Izhevsk: Detective-Inform; 2002: 240. (In Russ.).

6. Latypov V. S. Assistance as an autonomous and essential criminal procedure function. Topical issues of state and society to provide human and civil rights and freedoms, 150—155, 2018. (In Russ.).

7. Mikhailova T. N. The formation of the concept of criminal procedure functions in Russian

7. Михайлова Т. Н. Развитие концепции уголовно-процессуальных функций в отечественной доктрине уголовного процесса // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 138—149.

8. Степаненко Д. А., Лавдаренко Л. И. Является ли судебный контроль уголовно-процессуальной функцией? // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 5 (24). С. 72—76.

9. Туров С. Ю. Сущность и социальная ценность возмещения причиненного преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2012. № 4. С. 156—159.

10. Мазюк Р. В. О значении понятия «уголовное преследование» в системе уголовно-процессуальных функций // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 1 (5). С. 158—162.

11. Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальные функции: современные проблемы // Судебная власть и уголовный процесс. 2022. № 1. С. 38—43.

12. Доросинская А. М. Понятие защиты как уголовно-процессуальной функции в российском уголовном процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (750), № 2. С. 299—305.

13. Зайцева Е. А. Уголовно-процессуальный статус участников проверки сообщений о преступлении и их процессуальная активность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 2 (17). С. 50—53.

14. Колосович О. С. Экстрадиционное производство и обеспечение прав и законных интересов его участников: сравнительно-правовой анализ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 88—93.

15. Подольный Н. А. Истина в деятельности адвоката при осуществлении им защиты в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2010. № 1. С. 21—23.

16. Баянов А. И., Гармаев Ю. П., Назаров А. Д. Линия защиты — средство реализации позиции защиты в досудебном производстве по уголовному делу // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». 2022. Т. 15, № 8. С. 1194—1203.

17. Бородинова Т. Г. Сторона защиты и ее функция в судебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. Москва: Рос. акад. правосудия, 2010. 208 с.

criminal procedure theory. Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences, 138—149, 2020. (In Russ.).

8. Stepanenko D. A., Lavdarenko L. I. Is judicial control a criminal procedure function? Science and education: agriculture and economics; business; law and management, 72—76, 2021. (In Russ.).

9. Turov S. Yu. The essence and social value of compensation for crime damage as a criminal procedure function. The Journal of the Udmurt University. Economics and law series, 156—159, 2012. (In Russ.).

10. Mazyuk R. V. To the issue of the "prosecution" concept in the system of criminal procedure functions. Journal of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia, 158—162, 2010. (In Russ.).

11. Zinatullin T. Z. Criminal procedure functions: current problems. Judiciary and criminal procedure, 38—43, 2022. (In Russ.).

12. Dorosynskaya A. M. Conception of defence as a criminal procedure function in Russian criminal procedure. Scientific notes of the Crimea Federal University named after V. I. Vernandsky. Legal sciences, 299—305, 2023. (In Russ.).

13. Zaitseva Ye. A. Ciminal procedure status of participants to check crime reports and their procedural activity. Science Vector of the Togliatti State University. Legal sciences series, 50—53, 2014. (In Russ.).

14. Kolosovich O. S. Extradition procedure and providing rights and legal interests of its participants: comparative and legal analysis. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 88—93, 2023. (In Russ.).

15. Podolniy N. A. The truth in a barrister's activity when defending in the criminal proceedings. Barrister's practice, 21—23, 2010. (In Russ.).

16. Bayanov A. I., Garmayev Yu. P., Nazarov A. D. Line of defence as a means of stating the defence position in pre-trial criminal proceedings. Journal of the Siberian Federal University. Humanities series, 1194—1203, 2022. (In Russ.).

17. Borodinova T. G. The defence party and its function in the criminal proceedings stages of the trial. Monograph. Moscow: Russian Academy of Justice; 2010: 208. (In Russ.).

18. Rudich V. V. Ban for a barrister to refuse to defend stated by Part 7 Art. 49 of the Criminal Procedure Court of the Russian Federation: law enforcement issues. Juridical journal of Samara university, 104—116, 2020. (In Russ.).

19. Khoriyakov S. N. The balance of prosecution and defence in Russian criminal proceedings.

18. Рудич В. В. Запрет на отказ адвоката от принятой на себя защиты, установленный ч. 7 ст. 49 УПК РФ: проблемы правоприменения // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 6 (3). С. 104—116.

19. Хорьяков С. Н. Соотношение обвинения и защиты в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2 (24). С. 126—130.

20. Титов П. М. Некоторые проблемы законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 62—64.

21. Титов П. М. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Российский юридический журнал. 2019. № 4 (127). С. 69—77.

22. Левченко О. В., Марина Е. А. Теоретические проблемы тактики защиты при реализации принципа состязательности сторон по уголовному делу // Закон и право. 2022. № 4. С. 155—159.

Journal of the Investigative Committee Academy of the Russian Federation, 126—130, 2020. (In Russ.).

20. Titov P. M. Some issues of legislative regulation in criminal proceedings in cases of private accusation. Russian justice, 62—64, 2019. (In Russ.).

21. Titov P. M. Some issues of criminal proceedings in cases of private accusation. Russian legal journal, 69—77, 2019. (In Russ.).

22. Levchenko O. V., Marina Ye. A. Theoretical issues of the defence tactics when applying the adversarial principle in a criminal case. Legality and law, 155—159, 2022. (In Russ.).

Стельмах Владимир Юрьевич,
профессор кафедры судебной деятельности
и уголовного процесса имени П. М. Давыдова
Уральского государственного
юридического университета
имени В. Ф. Яковлева,
доктор юридических наук, доцент;
vlstelmah@mail.ru

Stelmakh Vladimir Yuriyevich,
professor at the department of judicial activity
and criminal procedure
named after P. M. Davydov
of the Ural State Law University
named after V. F. Yakovlev,
doctor of juridical sciences, docent;
vlstelmah@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.07.2025; одобрена после рецензирования 23.07.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 15.07.2025; approved after reviewing 23.07.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.1

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЗЫСКАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖЕК В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ольга Викторовна Химичева*, Игорь Борисович Тутынин**

* Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, olga-him@mail.ru

** Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, Москва, Россия, tutig@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы обеспечения взыскания процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве. Исследование фокусируется на анализе применения наложения ареста на имущество как средства обеспечения взыскания данных издержек.

Авторы проводят комплексный анализ действующего уголовно-процессуального законодательства и выявляют существующие пробелы в правовом регулировании оснований и порядка применения данной меры процессуального принуждения. Особое внимание уделяется вопросам определения фактических оснований для наложения ареста на имущество в целях обеспечения взыскания процессуальных издержек.

Исследуются практические проблемы реализации указанного института, включая сложности с исчислением издержек, трудности с их взысканием и недостаточную эффективность применяемых мер обеспечения. На основе проведенного анализа авторы предлагают конкретные пути решения выявленных проблем и совершенствования правоприменительной практики.

Научная новизна исследования заключается в разработке теоретических положений и практических рекомендаций по совершенствованию механизма обеспечения взыскания процессуальных издержек в уголовном процессе, а его результаты могут быть использованы в правотворческой деятельности, учебном процессе и практической работе органов уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: обеспечение взыскания процессуальных издержек, наложение ареста на имущество, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Химичева О. В., Тутынин И. Б. Обеспечение взыскания процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 100—108.

ENFORCEMENT OF PROCEEDING COSTS IN CRIMINAL JUSTICE

Olga Victorovna Khimicheva*, Igor Borisovich Tutynin**

* Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, olga-him@mail.ru

** Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow, Russia, tutig@rambler.ru

Abstract. The article considers current aspects of enforcement of proceeding costs in criminal justice. The study focuses on the analysis to arrest property as a means to enforce these costs.

The authors analyze the current criminal procedure legislation thoroughly and identify existing gaps in the legal regulation of the grounds and application of this procedural enforcement measure. Particular attention is paid to determine the factual basis to arrest property in order to enforce the procedural costs.

The authors analyze practical issues of implementing mentioned institution, including problems with costing, difficulties when enforcing them and applied measures, which are not efficient enough. Based on this analysis, the authors suggest some specific means to solve the identified problems and improve law enforcement practice.

The scientific originality of the research is to develop some theoretical concepts and practical advice for improving the mechanism to enforce proceeding costs in criminal proceedings, and its results can be used in law-making activities, educational process and in practice of bodies of criminal proceedings.

Keywords: enforcement of proceeding costs, arrest of property, criminal proceedings

© Химичева О. В., Тутынин И. Б., 2025

For citation: Khimicheva O. V., Tutynin I. B. Enforcement of proceeding costs in criminal justice. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 100—108, 2025. (In Russ.).

В силу публичного характера уголовного судопроизводства государство выделяет на осуществление этой деятельности значительные ресурсы — человеческие, финансовые, административные, политические и др. Еще со времен Устава уголовного судопроизводства 1864 г. такого рода расходы делят на судоустройственные и судопроизводственные. Судоустройственные расходы — на организацию уголовного процесса, функционирование органов уголовного правосудия (зарплату судей, прокуроров, следователей, дознавателей, обеспечение работы канцелярии, почтовых услуг, транспортных расходов, содержание зданий и пр.) — нельзя смешивать судопроизводственными, связанными с уголовно-процессуальной деятельностью по конкретному делу. И если первые — безусловное бремя государства, то вторые могут быть возмещены не только из государственного бюджета, но и за счет участников процесса. Причем обе группы многочисленны и разнообразны.

Перечень конкретных случаев судопроизводственных расходов в законодательстве со временем постоянно только возрастает. Детализация нормативного регулирования таких затрат в законе обусловлена необходимостью правовой определенности, должна неизбежно увеличивать их абсолютные и относительные показатели правоприменения.

Указанные расходы исчисляются в денежном выражении, имеют конкретные размерные характеристики, подчиняются законам математики, экономики, с учетом административной составляющей, и на основе сочетания не только публичных, но и частноправовых начал. Из этого следует, что государство несет расходы, связанные с применением публичного права (уголовного судопроизводства), но природа восстановления первоначального имущественного состояния имеет значительное диспозитивное наполнение, влияющее на реализацию соответствующих правоотношений.

Но, как бы то ни было, вне зависимости от природы отрасли права (публичное / частное) имущественные интересы должны соблюдаться, т. е. восстанавливаться такое положение, которое существовало до момента возбуждения уголовного дела. Иначе государство лишается возможности распоряжаться значительными имущественными ресурсами для удовлетворения наиболее значимых потребностей, а общество и обычные граждане теряют уважение к государственной системе, осуждая несправедливость функционирования правоохранительных механизмов.

Уголовное преследование по делам частно-публичного и публичного обвинения — это деятельность, направленная на защиту государственных и общественных интересов. Государство обязано обеспечивать общественный порядок и безопасность, даже если это требует значительных финансовых вложений с последующим их подсчетом и возможным возмещением.

Как указано ранее, помимо возмещения рассматриваемых расходов из государственного бюджета, это возможно за счет участников уголовного судопроизводства, которые могут добровольно исполнить такую обязанность. Но добровольно сделать это суждено не каждому: ведь подвергаться неблагоприятным имущественным последствиям, когда человек лишается своего имущества, передаваемого в счет возмещения процессуальных издержек, хочется далеко не каждому. Люди, более чем вероятно, будут создавать препятствия для реализации указанного восстановительного предназначения рассматриваемого института, отказываясь добровольно оплатить стоимость назначенных судом процессуальных издержек, вплоть до сокрытия своего имущества от взора представителей государства — органов дознания и предварительного следствия, а после вступления приговора по уголовному делу в законную силу — от органов принудительного исполнения.

В связи с этим возникает необходимость обеспечения взыскания процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве, которое до настоящего момента в полной мере не разработано. Лишь в последние годы появились научные исследования, в которых на фундаментальном и прикладном уровнях изучен данный процессуальный институт [1; 2]. Вместе с тем ряд вопросов обеспечения взыскания процессуальных издержек так и остался без ответа.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) институт процессуальных издержек достаточно обстоятельно регламентирован, хотя и не всегда полно, всесторонне и непротиворечиво. К числу проблем правового регулирования можно отнести, в частности, множественность терминологии (взыскание, возмещение, распределение и др.), возможность и особенности возмещения расходов, понесенных потерпевшим,

на оплату услуг представителя, а также оплату расходов на хранение вещественных доказательств. Следует также обратить внимание на использование положений, которые позволяют освободить осужденного от возмещения процессуальных расходов и мн. др. Это порождает противоречивые подходы судов к возмещению и взысканию процессуальных издержек, на что обращают внимание исследователи этого вопроса [2].

Еще более проблематично возмещение процессуальных издержек на предварительном расследовании. Даже если следователь (дознаватель) выполнил установление закона, подсчитал понесенные расходы, предусмотренные ст. 131 УПК РФ, он не всегда совершает соответствующие обеспечительные процессуальные действия.

Процессуальные издержки — институт права, который не является первостепенным и в каком-то смысле «родным» для уголовного процесса. Подтверждением тому, конечно же, является практика его применения, особенно в досудебном производстве, стремящаяся к нулю. В литературе отмечается, что при изучении материалов уголовных дел случаев указания в итоговых процессуальных документах предварительного расследования, как правило, не обнаружено [3]. Проведенное в 2024 г. Н. В. Драничниковой диссертационное исследование показало, что в настоящее время процессуальные издержки не покрывают все расходы участников уголовного процесса. Из-за этого значительные суммы денег, потраченных на судебное разбирательство, не возвращаются в федеральный бюджет [1, с. 13]. Не случайно Пленуму Верховного Суда Российской Федерации в п. 10 постановления «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» от 19 декабря 2013 г. № 42 (далее — Постановление № 42) пришлось напоминать, что установления ч. 5 ст. 220, ч. 3.1 ст. 225, ч. 1 ст. 226.1 УПК РФ обязывают к обвинительному заключению, обвинительному акту или обвинительному постановлению прилагать справку о процессуальных издержках. В решении указано, что по поступившему в суд уголовному делу необходимо проверять, выполнены ли органами предварительного расследования указанные требования[1].

Как отмечено выше, на предварительном расследовании процессуальные издержки по закону должны устанавливаться при производстве по уголовному делу, но случаев применения рассматриваемого института немного. Тем не менее в реальности вряд ли процессуальные издержки отсутствуют. Их не фиксируют, не указывают, не подсчитывают, не обеспечивают исполнение приговора в части их взыскания.

Среди причин игнорирования правоприменителями обязанности обеспечивать исполнение приговора в части имущественных взысканий, и именно в связи с наличием по делу процессуальных издержек, можно предположить множество факторов, среди которых укажем лишь некоторые:

— в ст. 131 и 132 УПК РФ не до конца прописана процедура взыскания процессуальных издержек. Например, большинство (59,3 %) практиков считают, что проблемы, связанные с наложением ареста на имущество для обеспечения возмещения процессуальных издержек, обусловлены неоднозначным толкованием законодательной формулировки «другие имущественные взыскания» [1, с 115, 254];

— нацеленность уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования на решение так называемого основного вопроса уголовного дела — доказать виновность лица в совершении преступления, а все остальные вопросы градируются и разрешаются по остаточному принципу, по усмотрению правоприменителя индивидуально для каждого конкретного случая. Вместе с тем «непростота» исчисления и тем более сложность обеспечения взыскания процессуальных издержек, особенно на предварительном расследовании, не особенно беспокоят следователей и дознавателей. Тем более Верховный Суд Российской Федерации предоставил индульгенцию, указав в абз. 3 п. 10 Постановления № 42, а также в абз. 4 п. 8 постановления «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» от 17 декабря 2024 г. № 39[2], что, если в материалах уголовного дела,

[1] О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 (ред. от 15.12.2022) // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 27.06.2025).

[2] О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г.

которое поступило в суд, нет информации о процессуальных расходах, это не значит, что дело нужно возвращать прокурору;

— сложность калькуляции. Множество нормативных актов, регулирующих правила исчисления стоимостных показателей процессуальных издержек, создают путаницу и неоднозначные ситуации. Большинство из этих актов имеют подзаконный характер;

— есть сомнения, что процессуальные издержки взыщут, ведь исход дела, включая вероятность обвинительного приговора, не ясен на стадии предварительного расследования;

— правоприменители перегружены работой и не считают важным обеспечить исполнение приговора в этой части. Следователю и дознавателю «удобнее» не утруждать себя сложной, специфичной, отчасти неблагодарной работой. Они либо «закрывают глаза», не замечая наличия расходов на уголовное судопроизводство, либо при первой возможности камуфлируют правовые обстоятельства;

— список процессуальных издержек, указанных в законе, не ограничен. Пункт 9 части 2 статьи 131 УПК РФ включает «иные расходы», связанные с уголовным судопроизводством. Этот перечень открыт для толкования, так как термин «иные расходы» допускает разные интерпретации.

К таким расходам относят затраты потерпевшего на участие в предварительном расследовании и суде, если они не связаны с личным присутствием. Например, это расходы на адвоката. Кроме того, сюда входят затраты родственников умершего на эксгумацию и последующее захоронение, как указано в ч. 5 ст. 178 УПК РФ. Это и расходы на проведение следственных действий, не связанных с экспертизами. Например, затраты на следственный эксперимент, включая возмещение стоимости поврежденных или уничтоженных предметов, или расходы на статистов для опознания, за исключением обвиняемых[1].

В комментарии к УПК РФ под редакцией В. М. Лебедева отмечается, что нужно возмещать стоимость вещей, которые были повреждены или уничтожены во время экспертиз [4].

В другом комментарии к УПК РФ авторы обсуждают возможность включения в сумму процессуальных издержек расходов:

1) на сбор и представление доказательств. Речь идет о затратах подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков и их представителей, включая назначенных государством адвокатов. Это касается действий в рамках уголовного дела, согласно чч. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ;

2) на возмещение стоимости поврежденного в ходе расследования имущества. Повреждение может быть вызвано действиями органов дознания, следствия, прокурора или суда. Причем неважно, были ли эти действия законными. Например, это касается имущества, поврежденного при обыске в порядке, установленном ч. 5 ст. 165 УПК РФ [5].

А. В. Смирнов указывает, что процессуальные расходы включают:

1. Оплату услуг юристов, не являющихся адвокатами, или адвокатов, с которыми заключено соглашение (п. 3 ст. 42, ст. 45 УПК РФ).

2. Расходы на копирование материалов дела (п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ).

3. Затраты на обеспечение ухода за детьми и иждивенцами подозреваемого или обвиняемого, а также на охрану его имущества (ст. 160 УПК РФ) [6].

Предлагается расширить перечень процессуальных издержек, добавив расходы на розыск скрывшихся подозреваемых и обвиняемых. Необходимо также учесть затраты на привод лиц, указанных в ч. 1 ст. 113 УПК РФ. Кроме того, важно включить выплаты гражданам, специалистам и адвокатам, участвующим в гласных оперативно-разыскных мероприятиях.

Эти выплаты предлагают считать имеющими ту же правовую природу, что и те, которые предусмотрены пп. 1—4 ч. 2 ст. 131 УПК РФ и относятся к процессуальным издержкам [7].

В научных работах указывается, что расходы на судопроизводство покрываются не только участникам уголовного процесса, как это предусмотрено гл. 6—8 УПК РФ, но и другим лицам, вовлеченным в процесс и понесшим затраты в связи с выполнением своих обязанностей. Например,

№ 39 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 27.06.2025).

[1] См. п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.09.1973 № 8 «О судебной практике по применению законодательства о взыскании судебных издержек по уголовным делам», п. 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 18.03.1963 № 4 «Об устранении недостатков в практике взыскания судебных издержек по уголовным делам» (с изм. от 21.03.1968, 16.01.1986, 30.11.1990) (Информ.-правовой портал «Гарант». URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 27.06.2025)).

речь идет о педагогах и психологах, которые участвуют в допросах несовершеннолетних, а также о тех, кому передают на хранение вещественные доказательства [8].

В пункте 2 Постановления № 42 указано, что список процессуальных издержек в п. 9 ч. 2 ст. 131 УПК РФ не является исчерпывающим. Поэтому рекомендуется включать в состав иных расходов, которые связаны с уголовным делом, затраты на сбор и исследование доказательств, предусмотренные УПК РФ. К таким расходам относятся, например, затраты на привлечение педагога, психолога и других специалистов для следственных действий.

Суд может учесть подтвержденные документами траты других заинтересованных лиц на любой стадии уголовного процесса, если они были необходимы и обоснованы.

4. Все расходы по уголовному делу, указанные в ст. 131 УПК РФ, еще не определены окончательно. Взыскание этих издержек возможно как за счет осужденных, так и за счет федерального бюджета, если уголовное дело прекращено по основаниям, не оправдывающим реабилитацию. Поэтому всегда есть риск ошибиться и выбрать не того участника, на которого наложат имущественные ограничения.

5. Другое.

Первостепенным правовым средством обеспечения исполнения приговора в части имущественных взысканий является наложение ареста на имущество (ст. 115—116 УПК РФ). Цель его применения, определенная частью 1 ст. 115 УПК РФ, предусматривает «иные имущественные взыскания», не раскрывая этого понятия. В публикациях учеными допускается, что это могут быть и процессуальные издержки [4; 9].

По данным опроса практических сотрудников, проведенного одним из исследователей проблемы наложения ареста на имущество, выяснилось, что под категорией «других имущественных взысканий» процессуальные издержки понимают 69,7 % опрошенных следователей и дознавателей и 78,5 % сотрудников прокуратуры и судей [10].

Авторы настоящей статьи придерживаются точки зрения о том, что считать процессуальные издержки разновидностью указанных имущественных взысканий есть все основания [11].

Отметим, что применение наложения ареста на имущество в целях обеспечения взыскания процессуальных издержек не является исключительно современным российским опытом. Во многих государствах, образованных на постсоветском пространстве, установлены схожие цели данной обеспечительной меры. К примеру, целью наложения ареста на имущество, в числе прочих, определено обеспечение: взыскания иных имущественных платежей (ч. 2 ст. 116 УПК Республики Таджикистан[1]); других имущественных взысканий (ч. 1 ст. 132 УПК Республики Беларусь[2], ч. 1 ст. 161 УПК Республики Казахстан[3]). В некоторых государствах наложение ареста на имущество прямо предусмотрено для обеспечения компенсации судебных издержек (ст. 202—203 УПК Республики Молдова[4]).

Действительно, отнесение к иным имущественным взысканиям, которые обеспечиваются применением наложения ареста на имущество, взыскания процессуальных издержек [12; 13] вполне обоснованно.

Во-первых, обеспечение возмещения расходов в связи с производством по уголовному делу является, по справедливому мнению профессора Л. Н. Масленниковой, одной из производных задач уголовного судопроизводства [14].

Во-вторых, и в ст. 115 «Наложение ареста на имущество», и в ст. 132 «Процессуальные издержки» УПК РФ используется термин «взыскание». Он означает, что кого-либо необходимо «заставить уплатить, подвергнуть наказанию, привлечь к ответственности» [15, с. 70]. Таким образом, как и положено в случае имущественных взысканий, взыскание процессуальных издержек по характеру является публично-правовой мерой, а по своей природе — юридической ответственностью.

В-третьих, взыскание процессуальных издержек как цель наложения ареста на имущество

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. (с изм. и доп. по сост. на 03.01.2024). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 13.06.2025).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (с изм. и доп. по сост. на 17.02.2025). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958&doc_id2=30414958#activate_doc=2&pos=156;-99&pos2=2168;-106 (дата обращения: 13.06.2025).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по сост. на 24.05.2025). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&pos=3256;-33#pos=3256;-33 (дата обращения: 13.06.2025).

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (с изм. и доп. по сост. на 13.03.2025). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729#pos=3322;-56 (дата обращения: 13.06.2025).

имеет восстановительно-штрафной и предупредительный характер. Каждый совершивший преступление должен сознавать, что его неотвратимо ожидает не только уголовное наказание, но и возмещение процессуальных издержек на восстановление нарушенного им положения.

В-четвертых, закон выделяет в отдельную категорию вопросы, которые должны быть указаны в резолютивной части приговора — итогового решения по уголовному делу. Среди них — решение о распределении процессуальных издержек (ч. 1 ст. 309 УПК РФ).

В-пятых, возмещение процессуальных издержек проходит те же этапы, что и другие имущественные взыскания, и осуществляется в рамках четко определенной процедуры. Уполномоченное лицо или орган должны привести в исполнение судебное решение в отношении участника процесса. Примечательно, что наложение ареста на имущество может применяться в отношении одних и тех же участников уголовного судопроизводства как для обеспечения взыскания процессуальных издержек, так и для обеспечения других имущественных взысканий, предусмотренных приговором.

В-шестых, важно учитывать критерии разумности и соразмерности. Это значит, что правовые действия должны соответствовать их последствиям, выполненная работа — оплате, а нанесенный вред — возмещению. Необходимо избегать удовлетворения необоснованно завышенных требований участников уголовного процесса. В то же время следует учитывать такие критерии, как действительность, необходимость, оправданность и обоснованность.

В-седьмых, своевременность наложения ареста на имущество имеет важное значение для всех видов имущественных взысканий, в том числе для обеспечения взыскания процессуальных издержек.

Однако исследователи отмечают, что из-за слабой материально-технической оснащенности службы судебных приставов (органов принудительного исполнения), перегрузки и недостаточной компетентности самих судебных приставов [16; 17] возможность исполнения приговора в части всех имущественных взысканий, в том числе взыскания процессуальных издержек, при отсутствии подготовительных действий на досудебных стадиях сводится к минимуму. Как известно, самое хорошее решение, если оно не исполняется, «теряет всякий смысл и превращается в клочок бумаги» [18, с. 76].

Представляется, что одним из препятствий для надлежащей практики реализации положений уголовно-процессуального законодательства о взыскании процессуальных издержек, в том числе посредством применения мер уголовно-процессуального принуждения, является стремление правоприменителей избежать применения сложного уголовно-процессуального института. Одним из вариантов такого поведения является несвоевременное разъяснение, а чаще и вовсе неразъяснение права лица на возмещение понесенных им процессуальных издержек по уголовному делу, а также перспективы возможного их обеспечения посредством применения принудительных уголовно-процессуальных мер.

Учитывая кажущуюся незначительность вопроса о процессуальных издержках, удобнее отступить от требований ч. 1 ст. 11 УПК РФ об обязанности должностных лиц, ответственных за производство по уголовному делу, разъяснить участникам их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав. Такие нарушения многие авторы относят к числу типичных [8; 19]. Правоприменителю легче забыть об этой обязанности, не упоминать о якобы чуждом уголовному судопроизводству институте, либо сделать это, но со значительным опозданием.

Данная проблема настолько существенна, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 4(2) Постановления № 42 указал о том, что в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 11 УПК РФ суд обязан разъяснить участникам судебного разбирательства, а также иным заинтересованным лицам, которые могут понести расходы, связанные с исполнением возлагаемых на них процессуальных обязанностей (например, лицам, которым передается на хранение имущество, признанное вещественным доказательством), право обратиться с ходатайством (заявлением) о возмещении данных расходов и порядок реализации этого права. Очевидно, что эту обязанность неукоснительно должны соблюдать и должностные лица, осуществляющие досудебное уголовное производство.

Вопросы возникают и при реализации самой обеспечительной меры взыскания процессуальных издержек наложения ареста на имущество. Одним из них является неопределенность оснований и условий применения наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части взыскания процессуальных издержек.

До сих пор остается нерешенной проблема определения в нормативных актах общих фактиче-

ских оснований наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве. Например, среди таковых можно выделить наличие данных о конкретных действиях в виде сокрытия имущества, либо данных о потенциальной возможности это сделать, либо всего лишь достаточность данных о присутствии по делу имущественных взысканий, либо данных о возможности обнаружения имущества, которое по приговору суда, возможно, будет взыскано.

По нашему убеждению, суть фактического основания определяется правовой природой соответствующего взыскания. Чем больше она обладает свойствами публичного права, тем более категорична должна быть обусловленность правоограничения.

Среди всех имущественных взысканий, обеспечиваемых применением ареста имущества по уголовному делу, процессуальные издержки «ближе» к гражданскому иску, чем к возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104^1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Поэтому следует учитывать особенности публичного института процессуальных издержек, имеющего некоторые гражданско-правовые свойства, и применять наложение ареста на имущество при наличии данных о процессуальных издержах. Вместе с тем могут и должны учитываться количественные показатели понесенных расходов, а также субъект, который инициировал события, приведшие к возникновению процессуальных издержек, и др.

Безусловно, обеспечение исполнения приговора в части взыскания процессуальных издержек допустимо не всегда (не по всем случаям наличия процессуальных издержек). Обязательно учитываются требования закона, предусмотренные чч. 4—9 ст. 132 УПК РФ, освобождающие от взыскания издержек осужденного (когда подозреваемый или обвиняемый заявил об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен и защитник участвовал в уголовном деле по назначению[1]; в случае реабилитации лица; в случае имущественной несостоятельности лица, с которого издержки должны быть взысканы; при рассмотрении уголовных дел о применении принудительных мер медицинского характера в соответствии с положениями гл. 51 УПК РФ; в случаях рассмотрения жалобы на решение о выдаче лица в порядке, предусмотренном ст. 463 УПК РФ, а также рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства, предусмотренном гл. 40 и 40^1 и ст. 226^9 УПК РФ, в том числе при обжаловании вынесенного в таком порядке судебного решения в суде апелляционной, кассационной или надзорной инстанции) (см. Постановление № 42).

Полагаем, вопросам обеспечения взыскания процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве еще предстоит найти надлежащее теоретическое обоснование, нормативную регламентацию и создать устойчивую правоприменительную практику. В то же время следует учитывать особые качества рассматриваемого института как публично-правового, но с выраженным цивилистическим наполнением.

1. Драничникова Н. В. Институт процессуальных издержек в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2024. 28 с.

2. Зеленин С. Р. Институт процессуальных издержек в российском уголовном процессе: формирование, развитие и проблемы правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. 32 с.

1. Dranichnikova N. V. Institution of procedural costs in the system of criminal procedure law and law enforcement practice. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Chelyabinsk; 2024: 28. (In Russ.).

2. Zelenin S. R. Institution of procedural costs in the Russian criminal procedure: formation, development and issues of law enforcement. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2024: 32. (In Russ.).

[1] Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 15-096-20 по делу Фролова и Макушкиной // Обзор судебной практики ВС РФ за первый квартал 1997 г. Бюллетень ВС РФ. 1997. № 8. С. 12.

3. Шарипова А. Р. Уголовно-процессуальные издержки и судебные расходы в гражданском, арбитражном и административном процессах: применимые аналогии // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 106—120.

4. Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / под общ. ред. В. М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Спарк, 2000. 830 с.

5. Комментарий к УПК РФ / под общ. ред. В. В. Мозякова. Москва: Экзамен XXI, 2002. 862 с.

6. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к УПК РФ / под общ. ред. А. В. Смирнова. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Питер, 2003. 845 с.

7. Чуркин А. В. Процессуальные издержки как стимул для добросовестного пользования процессуальными правами // Lex russica. 2017. № 4. С. 74—88.

8. Зеленин С. Р. Новые разъяснения Пленума ВС РФ о процессуальных издержках по уголовным делам // Уголовный процесс. 2023. № 2.

9. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части имущественных взысканий, не связанных с обеспечением гражданского иска, штрафа или возможной конфискации имущества // Российский следователь. 2018. № 3. С. 39—43.

10. Назарова М. Д. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при наложении ареста на имущество: дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2024. 254 с.

11. Тутынин И. Б. Правовое регулирование и практика применения наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве России: монография. Москва: МосУ МВД России, 2009. 238 с.

12. Луговец Н. В. Задержание подозреваемого и иные меры процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 27 с.

13. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: КНОРУС, 2007. 704 с.

14. Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2000. 555 с.

15. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва, 1986. 797 с.

3. Sharipova A. R. Criminal costs and court expenses in civil, arbitral and administrative proceedings: applicable (relevant) analogies. Journal of Russian Law, 106—120, 2022. (In Russ.).

4. Scientific and practical commentary to the Criminal Procedure Code of the RSFSR. Gen. red. by V. M. Lebedev. 3rd ed., rev. and add. Moscow: Spark; 2000: 830. (In Russ.).

5. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Gen. red. by V. V. Mozyakov. Moscow: Ekzamen XXI; 2002: 862. (In Russ.).

6. Smirnov A. V., Kalinovsky K. B. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Red. by A. V. Smirnova. 2nd ed., rev. and add. Saint Petersburg: Piter; 2003: 845. (In Russ.).

7. Churkin A. V. Procedural costs as a motivation to exercise procedural rights conscientiously. Lex russica, 74—88, 2017. (in Russ.).

8. Zelenin S. R. New explanations of the Plenum of the Supreme Council of the Russian Federation on procedural costs in criminal cases. Criminal procedure, 2023. (In Russ.).

9. Bulatov B. B., Dezhnev A. S. Grounds to arrest property for the enforcement of the sentence in the part of property penalties not related to securing of the civil lawsuit, fine or possible seizure of property. Russian investigator, 39—43, 2018. (In Russ.).

10. Nazarova M. D. Ensuring the rights and legal interests of participants in criminal justice when arresting property. Dissertation of candidate of juridical sciences. Orel; 2024: 254. (In Russ.).

11. Tutyinin I. B. Legal regulation and practice to arrest property in criminal justice of Russia. Monograph. Moscow: Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; 2009. 238. (In Russ.).

12. Lugovets N. V. Detention of a suspect and other coercive procedural measures. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov; 2004: 27. (In Russ.).

13. Smirnov A. V., Kalinovsky K. B. Criminal proceeding. Textbook. Gen. red. by prof. A. V. Smirnov. 3rd ed., rev. and add. Moscow: KNORUS; 2007: 704. (In Russ.).

14. Maslennikova L. N. Public and dispositive principles in criminal proceedings of Russia. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2000: 555. (In Russ.).

15. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. Red. by N. Yu. Shvedova. Moscow; 1986: 797. (In Russ.).

16. Малешин Д. Я. Суд в процессе исполнения судебных постановлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002. 23 с.

17. Ткачева Н. Н. Проблемы исполнения определений об обеспечении иска // Адвокатская практика. 2004. № 5. С. 35—40.

18. Клейман А. Ф. Гражданский процесс: учебник. Москва, 1937. 120 с.

19. Бурганов Р. С., Эркаева С. А., Бикмиев Р. Г. Типичные ошибки при рассмотрении вопросов о взыскании процессуальных издержек // Уголовный процесс. 2023. № 9. С. 36—43.

16. Maleshin D. Ya. Court in the process of the enforcement of judicial orders. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2002: 23. (In Russ.).

17. Tkacheva N. N. Problems in the enforcement of lawsuit. Barrister's practice, 35—40, 2004. (In Russ.).

18. Kleiman A. F. Civil procedure. Textbook. Moscow; 1937: 120. (In Russ.).

19. Burganov R. S., Erkayeva S. A., Bikmiev R. G. Common mistakes in the consideration of issues on enforcement of proceeding costs. Criminal procedure, 36—43, 2023. (In Russ.).

Химичева Ольга Викторовна,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации;
olga-him@mail.ru

Тутынин Игорь Борисович,
профессор кафедры уголовного процесса
Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации
имени А. Я. Сухарева,
доктор юридических наук, доцент;
tutig@rambler.ru

Khimicheva Olga Victorovna,
head of the department of criminal procedure
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor,
honored specialist of the higher school
of the Russian Federation;
olga-him@mail.ru

Tutynin Igor Borisovich,
professor at the department
of criminal procedure
of the Sukharev Moscow academy
of the Investigative Committee,
doctor of juridical sciences, docent;
tutig@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 02.07.2025; одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 02.07.2025; approved after reviewing 10.07.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.98

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ В КАЧЕСТВЕ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО СРЕДСТВА

Ольга Борисовна Дронова
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, nio-va@rambler.ru

Аннотация. Беспилотные воздушные суда стали неотъемлемым техническим средством, стоящим на вооружении многих структур правоохранительных органов, обеспечивающим решение различных видов оперативно-служебных задач. В статье представлен авторский системный подход к выбору, подготовке, непосредственной эксплуатации и оформлению результатов применения беспилотных воздушных судов в процессе поисково-познавательной, поисково-удостоверительной, поисково-спасательной, разведывательной, учетно-регистрационной, исследовательской, обеспечительной и иных видов деятельности, составляющих функциональные задачи органов внутренних дел.

Автором рассмотрена сущность каждого из элементов, входящих в систему эксплуатации беспилотного воздушного судна: «вид беспилотного воздушного судна, его стационарная и мобильная нагрузка»; «внешний экипаж беспилотного воздушного судна»; «среда и природно-климатические условия эксплуатации беспилотного воздушного судна»; «цель, задачи, алгоритм применения беспилотного воздушного судна»; «результаты применения беспилотного воздушного судна». Выявленная автором корреляционная зависимость элементов друг от друга обусловила формирование полноценного представления об особенностях криминалистического обеспечения выявления, раскрытия, расследования и профилактики преступлений посредством использования рассматриваемого вида технико-криминалистического средства.

Ключевые слова: беспилотное воздушное судно, стационарная и мобильная нагрузка, внешний пилот, оператор, оперативно-служебные задачи, технико-криминалистическое средство

Для цитирования: Дронова О. Б. Системный подход к использованию беспилотных воздушных судов в качестве технико-криминалистического средства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 109—116.

A SYSTEMATIC APPROACH TO APPLY UNMANNED AERIAL VEHICLES AS FORENSIC EQUIPMENT

Olga Borisovna Dronova
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, nio-va@rambler.ru

Abstract. Unmanned aerial vehicles have become an integral technical tool applied by many law enforcement agencies and provided for solving various types of detective-oriented tasks. The article deals with the author's systematic approach to select, prepare, directly operate and register the results of applying unmanned aerial vehicles while conducting searching and cognitive, searching and testimonial, searching and life-saving activities, as well as intelligence, registration, research, support and other ones that constitute the functional tasks of the internal affairs bodies.

The author examines the essence of each of the elements involved in the system of operating an unmanned aerial vehicle: "a type of unmanned aerial vehicle, its stationary and mobile workload"; "an external pilot of an unmanned aerial vehicle"; "environment as well as natural and climatic conditions of operating an unmanned aerial vehicle"; "goal, tasks, algorithm to apply an unmanned aerial vehicle"; "results to apply an unmanned aerial vehicle".

The author of the article determines the correlation dependence of the elements on each other; the latter ensures the formation of complete understanding the specifics of forensic support to identify, solve, investigate and prevent crimes by means of applying the mentioned type of forensic equipment.

© Дронова О. Б., 2025

Keywords: unmanned aerial vehicle, stationary and mobile workload, external pilot, an operator, detective-oriented tasks, forensic equipment

For citation: Dronova O. B. A systematic approach to apply unmanned aerial vehicles as forensic equipment. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 109—116, 2025. (In Russ.).

Современный подход к технико-криминалистическому обеспечению деятельности правоохранительных органов заключается в непрерывном мониторинге, рациональном выборе и надлежащей апробации наиболее эффективных технических средств, программно-аппаратных комплексов и программных продуктов, применение которых призвано способствовать реализации основных функций органов внутренних дел. Разнообразие видов инновационных технических средств, ставящихся на вооружение конкретных подразделений, коррелирует с целями и задачами, которые должны реализовываться сотрудниками органов внутренних дел с учетом их полномочий и компетенций.

Изучение современного инструментария, обеспечивающего выполнение разных видов оперативно-служебных задач правоохранительных органов, показало преобладание унифицированных средств, приспособленных для реализации поисково-познавательной, удостоверительной, оперативной, разыскной, обеспечительной и иных видов деятельности. Вместе с тем отмечается, что масштабная цифровизация, выступившая основным фактором кардинальной модернизации и разработки принципиально новой техники, обусловила потребность в трансформации подготовки специалистов, осуществляющих ее эксплуатацию. Данное обстоятельство наглядно подчеркивает целесообразность применения системного подхода к использованию конкретных технико-криминалистических средств в ходе решения оперативно-служебных задач органов внутренних дел, учитывающего функциональные возможности технического средства, условия его эксплуатации, компетентностные требования к субъекту использования, организационные и тактические особенности применения, порядок оформления и представления результатов.

В рамках настоящей статьи будет рассмотрен системный подход к эксплуатации беспилотных воздушных судов (далее — БВС) как высоковостребованных технических средств, стоящих на вооружении различных государственных структур и ведомств, уполномоченных на их целевое применение. В частности, в Министерстве внутренних дел Российской Федерации данными инновационными средствами оснащены подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, государственной автодорожной инспекции, миграционные, экспертно-криминалистические и иные структуры, реализующие разыскную, поисково-познавательную, обеспечительную и иные виды деятельности.

В настоящее время, с учетом сложной геополитической обстановки, правила оформления разрешительной документации на полет БВС, порядок и условия его эксплуатации, требования к квалификации авиационного персонала и иные вопросы регламентируются нормативными правовыми актами, большинство из которых имеют бланкетный характер. Кроме того, следует признать, что традиционные подходы судебной фотографии и видеозаписи как отраслевых инструментов криминалистической техники не в полной мере могут быть интегрированы в методическое сопровождение эксплуатации БВС. Данные обстоятельства обусловливают необходимость разработки и интеграции в деятельность правоохранительных органов системного подхода к процессу эксплуатации данных технико-криминалистических средств.

Изучение регламентов, содержащих предписания относительно правовых, организационно-тактических и методических аспектов эксплуатации беспилотных технических средств, позволило выделить структуру взаимосвязанных элементов системы эксплуатации БВС. В соответствии с определением Воздушного кодекса Российской Федерации[1] (далее — Воздушный кодекс РФ) к рассматриваемым объектам относятся «воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот)». В данной дефиниции предусмотрено: функциональное предназначение — полет; возможности воздействия на системы БВС — управляемый, контролируемый; субъект управления и его дислокация — внешний пилот, находящийся вне борта судна.

Порядок организации использования данных объектов в качестве технико-криминалистических средств содержится в ведомственных нормативных

[1] Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744/ (дата обращения: 11.07.2025).

правовых актах[1], включающих перечень функциональных задач, реализуемых посредством применения БВС в конкретных условиях; назначение, тактико-технические характеристики БВС, конструктивные свойства которых востребованы при решении оперативно-служебных задач; требования к летной натренированности авиационного персонала и алгоритм его привлечения к проведению плановых и экстренных мероприятий. Получаемый в ходе эксплуатации БВС результат, представленный в иллюстрационной, картографической и иной формах, подлежит приобщению к материалам мероприятия, при проведении которого он был получен. Вариативность его последующего использования зависит от целей и условий эксплуатации беспилотной техники.

Применяя системный подход к процессу эксплуатации БВС в качестве технико-криминалистического средства, можно выделить следующие взаимосвязанные элементы: вид БВС, его стационарная и мобильная нагрузка — внешний экипаж БВС — среда и природно-климатические условия эксплуатации БВС — цель, задачи, алгоритм применения БВС — результаты применения БВС.

В настоящее время использование беспилотных технических средств достаточно часто становится объектом исследования [1—3]. Однако в работах теоретического и прикладного характера не нашли отражения вопросы системного подхода к процессу эксплуатации конструктивных и технологических свойств БВС в процессе технико-криминалистического обеспечения выявления, раскрытия, расследования и профилактики преступлений.

В связи с этим целесообразно уделить внимание каждому из них, с учетом ранее опубликованных материалов автора по указанной тематике.

Вид БВС, его стационарная и мобильная нагрузка неоднократно изучались исследователями в сфере технических [4; 5], военных [6; 7] и уголовно-правовых наук [8; 9]. Среди различных подходов к классификации рассматриваемых беспилотных средств отметим юридический и технический. Первый находит отражение в Воздушном кодексе РФ, нормативно-технической документации (в частности, ГОСТе Р 57258-2016[2]) и дифференцирует БВС с учетом их весовой категории и функционального назначения. Второй ориентирован на летные характеристики конструкции; назначение; уровень автономности; тип старта, характеристики (дальность, высоту), продолжительность полета и иные критерии.

Каждое БВС, обеспечивающее решение задач правоохранительных органов, оснащено комплексом встроенных в бортовую часть воздушного судна элементов *стационарной нагрузки*: техническими и программно-аппаратными средствами, микроэлектроникой. Их основное функциональное назначение заключается в обеспечении стабилизированного полета, а также получении сведений, заданных оператором. К числу таких элементов относят системы навигации воздушного судна; автоматического возврата и посадки аппаратов; автопилотирования; фото- и видеоаппаратуру; тепловизионные, сканирующие, измерительные и иные приборы.

К категории *мобильной нагрузки* относится взаимозаменяемая техническая аппаратура, устанавливаемая на БВС с учетом его конструкции, задач и условий эксплуатации, обеспечивающая решение конкретных оперативно-служебных задач (громкоговоритель; системы сброса грузов; прожекторы; модемы; системы применения специальных средств и т. д.), а также получение и передачу в режиме реального времени оперативной и криминалистически значимой информации.

Рациональный выбор вида и оснащения БВС осуществляет **внешний экипаж БВС** (внешний пилот, оператор) по согласованию с инициатором использования данного технико-криминалистического средства с учетом решаемых задач. Требования, предъявляемые к авиационному персоналу, регламенты переподготовки, проверки и поддержания летной натренированности внешних пилотов и операторов, виды допусков и иные вопросы отражены в ведомственных нормативных актах[3].

---

[1] Напр.: Об утверждении Инструкции по организации использования робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 26 декабря 2024 г. № 955 // СТРАС «Юрист». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей; Об утверждении Курса поддержания летной натренированности авиационного персонала МВД России на беспилотных воздушных судах: приказ МВД России от 29 декабря 2022 г. № 1111 // Там же.

[2] ГОСТ Р 57258-2016. Системы Беспилотные Авиационные. Термины и Определения = Unmanned aircraft systems. Terms and definitions. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200141433 (дата обращения: 11.02.2025).

[3] Напр.: Об утверждении Курса поддержания летной натренированности авиационного персонала МВД России на беспилотных воздушных судах: приказ МВД России № 1111 от 29 декабря 2022 г. URL:

Профессиональные компетенции авиационного персонала предусматривают знание правовых основ использования воздушного пространства Российской Федерации; ориентирование в вопросах авиационной метеорологии и основах навигации; владение летно-техническими и тактико-техническими характеристиками БВС, поступающими в территориальные подразделения МВД России; обладание ситуационными навыками мануального управления и визуального контроля судна, приемами и алгоритмом выполнения поставленных задач и т. д.

Члены внешнего экипажа, уполномоченные на применение и эксплуатацию БВС, могут быть сотрудниками (сотрудником) как подразделения, выступившего инициатором использования беспилотного средства при проведении конкретного мероприятия, так и региональных центров информационных технологий, связи и защиты информации (далее — ИТСиЗИ). В последнем случае они привлекаются в качестве специалистов в соответствии с установленным порядком (в плановом или экстренном режиме) для реализации конструктивных свойств беспилотных средств, стоящих на вооружении данного подразделения.

Внешний пилот и оператор, применяющие конкретный вид беспилотного средства при реализации оперативно-служебных задач, поставленных инициатором, должны учитывать аэродинамические и метеорологические аспекты эксплуатации БВС. Это предусматривает необходимость детальной оценки **среды** (естественных и искусственно созданных) **и природно-климатических** (действующих и прогнозных) **условий**, в которых будет происходить взлет, движение и посадка судна.

Возможность полета БВС и эффективность его управляемости находятся в корреляционной зависимости от погодных условий (температуры, вида и объема осадков, скорости и направления ветра и т. д.), элементов окружающего ландшафта местности, наличия на ней высотных, близко расположенных друг к другу объектов инфраструктуры. Кроме того, авиационному персоналу необходимо учитывать возможность оказания целенаправленного радиолокационного воздействия на системы управления и навигации беспилотного средства.

Совокупность неблагоприятных условий, оказывающих негативное воздействие на эксплуатацию БВС, может быть условно дифференцирована на две группы факторов.

1. Естественные факторы:

— антропогенные особенности рельефа местности (горы, провалы, карьеры, овраги и т. д.), формирующие предпосылки утраты связи оператора с БВС, блокировки систем навигации;

— неблагоприятные явления погоды или их сочетание, отраженные в сводках METAR и SPECI (ветер, превышающий 15 м/с; пыльные, песчаные бури; низкая облачность, туман; гроза; вид и состояние осадков (снег, замерзающий дождь, ливень); экстремально высокие (более +40°С) и низкие (ниже —10°С) температуры и т. д.), не позволяющие эксплуатировать БВС;

— неблагоприятная (связанная с суточной или сезонной миграцией) орнитологическая обстановка.

2. Искусственные факторы:

— нахождение в зоне полета объектов промышленной, энергетической и иной инфраструктуры (гидроэлектростанции, электроподстанции и т. д.), эксплуатация которых формирует электромагнитные поля, способные повлиять на управляемость БВС;

— оказание целевого воздействия на отдельные элементы БВС *электромагнитными* (подавление каналов управления и передачи данных БВС, средств спутниковой радионавигации (GPS, ГЛОНАСС, Galileo, BeiDou и др.)) или *лазерными* (термомеханическое разрушение, расплавление, испарение) средствами;

— поражение электронных приборов БВС посредством *оптического* (ослепление), *акустического* (подавление автономной навигационной системы посредством вывода из рабочего состояния гироскопических датчиков) и *механического* (огневое поражение, таран, обездвижение путем метания объемных сетей, нитей или лент из высокопрочных материалов, использование клейких (вязких) и горючих аэрозолей, которые могут размещаться как на «земле» в виде ручных (портативных), мобильных и стационарных установок, так и на БВС-перехватчиках) [10] целевого воздействия, приводящего к тотальному разрушению или снижению технических функциональных возможностей элементов стационарной и мобильной нагрузки.

---

https://вси.мвд.рф/Universitet/правовое-информирование/приказы-мвд-россии (дата обращения: 26.02.2025); Об утверждении Федеральных авиационных правил «Предоставление метеорологической информации для обеспечения полетов воздушных судов»: приказ Министерства транспорта Российской Федерации № 60 от 3 марта 2014 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.06.2025).

Естественные факторы могут носить и константный, и временный (долгосрочный или краткосрочный) территориальный характер и предусматривают необходимость своевременного получения сведений об элементах обстановки в зоне планируемой эксплуатации БВС и корректировки технических приемов решения оперативно-служебных задач. В отличие от них искусственные факторы часто имеют сложно прогнозируемый характер, что существенно затрудняет планирование и реализацию деятельности внешнего экипажа.

Рассмотрение возможностей использования конкретных видов беспилотных средств, оснащенных элементами стационарной и мобильной нагрузки, в условиях сложившейся обстановки необходимо строить с учетом **цели и задач** эксплуатации рассматриваемого технико-криминалистического средства, предусматривающих необходимость применения типизированного **алгоритма** действий внешнего экипажа БВС.

Цель использования БВС предусматривает реализацию их конструктивных свойств в интересах правоохранительных органов в целом, а также территориальных органов МВД России, их структурных подразделений и иных организаций и подразделений, созданных для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел Российской Федерации, в частности.

Изучение материалов следственной, оперативной и экспертной практики позволяют констатировать, что БВС в качестве технико-криминалистического средства применяется для повышения эффективности поисково-познавательной, поисково-удостоверительной, поисково-спасательной, разведывательной, учетно-регистрационной, исследовательской, обеспечительной и иных видов деятельности правоохранительных органов.

К числу *задач*, решаемых сотрудниками различных подразделений органов внутренних дел посредством использования БВС, можно отнести:

1) реализацию *организационно-административных и профилактических* функций, предусматривающих в рамках плановых полетов получение данных об обстановке на значимых объектах инфраструктуры в целях обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности зданий, сооружений, участков местности, а также фиксацию действий самих сотрудников правоохранительных органов при выполнении ими должностных полномочий;

2) *контроль безопасности дорожного движения* в процессе плановых патрулирований участков автодорог, не охваченных комплексом «Безопасный город», а также документирование обстоятельств дорожных происшествий;

3) *обеспечение общественного порядка* в местах проведения массовых спортивных и культурно-досуговых мероприятий. Плановые пролеты БВС по заданным маршрутам гарантируют получение в режиме реального времени информации о правонарушениях и лицах, участвовавших в них, с локализацией участков, требующих оперативного направления патрулей сотрудников полиции;

4) проведение *поисково-спасательных мероприятий*, в ходе которых должно быть осуществлено оперативное обследование территории, имеющей значительную протяженность, сопряженное с опасностью передвижений людей;

5) организацию *оперативных мероприятий*, в процессе которых обеспечивается сопровождение оперативно-профилактических мероприятий («Путина», «Мак», «Допинг», «Оружие», «Мигрант» и т. д.); оперативно-разыскных мероприятий, предусматривающих распознание и идентификацию объектов оперативной заинтересованности, установление территориально-временных параметров их передвижения, места сокрытия похищенного имущества и т. д.;

6) осуществление *поисково-познавательных мероприятий*, в ходе которых предусмотрена возможность полноценной фиксации обстановки криминального события с получением точных координат локализации и взаимного расположения основных элементов вещной обстановки места происшествия, что обеспечивает в том числе последующую возможность построения 3D-модели и работы с ней.

Выполнение оперативно-служебных задач в рамках осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел, подразумевает использование типизированного *алгоритма* действий инициатора проведения мероприятий, предусматривающих необходимость эксплуатации конструктивных свойств БВС совместно с привлекаемым авиационным персоналом:

— принятие решения о целесообразности (безальтернативности) использования рассматриваемого технико-криминалистического средства в ходе проведения целевых мероприятий;

— если техническое оснащение подразделения инициатора использования БВС предусматривает наличие указанной аппаратуры и в состав отдела (отделения) входит сотрудник, управомоченный в установленном порядке на применение беспилотной техники, то производится оформление полетного задания. Если нет, то инициатором оформ-

ляется заявка в подразделение ИТСиЗИ и с его руководителем согласовывается время и место проведения мероприятия;

— выбор БВС, конструктивные свойства которого должны обеспечить оптимальное решение оперативно-служебной задачи;

— доставка БВС к месту проведения запланированного мероприятия, развертывание средств комплекса; установка аккумуляторных батарей; проверка работоспособности БВС, пульта управления;

— уточнение авиационным персоналом актуальных данных относительно метеорологической, орнитологической и радиоэлектронной обстановки для принятия решения о возможности и тактике применения БВС;

— согласование с инициатором проведения мероприятия, предусматривающего эксплуатацию БВС, способов и приемов достижения цели и решения оперативно-служебных задач;

— установка выбранных с учетом задач эксплуатации БВС элементов мобильной нагрузки;

— определение исходных, промежуточных и конечных точек полета дрона;

— формирование карты полета, указание (при необходимости) отдельных координат маршрута полета;

— взлет, первичный обзор общей территории применения, полет по заданному маршруту с учетом выбранных приемов фиксации;

— контроль трансляции фиксируемой БВС обстановки на пульте оператора, запись трансляции на флеш-накопитель дрона;

— корректировка в ручном режиме (при необходимости) траектории, направлений, высоты полета, угла наклона камеры на подвесе;

— принятие решения о возвращении беспилотного аппарата в исходную точку;

— посадка технического средства;

— копирование данных с флеш-накопителя БВС на диск и его приобщение к материалам мероприятия;

— упаковка и транспортировка технико-криминалистического средства в расположение базового подразделения;

— оформление документации о применении БВС.

Заключительный элемент системы эксплуатации БВС, рассматриваемый в качестве технико-криминалистического средства, предполагает надлежащее оформление **результатов применения БВС**, отражающих получение искомых информационных данных и фиксирующих сведения об эффективности применения данного средства при проведении конкретного мероприятия.

Первый вид фиксации предусматривает отражение в документах, оформляемых по результатам проведения плановых или целевых мероприятий, информации о технических характеристиках использовавшихся средств, элементах их оснащения, субъекте эксплуатации, а также полученных данных, имеющих личностный, геолокационный, фактографический или иной характер. Диск с результатами аэрофотосъемки должен приобщаться к основным документам (протоколам, рапортам и т. д.). В последующем полученные фото- и видеоматериалы могут стать основой для построения ортофотопланов посредством применения методов фотограмметрии. Современный геоинформационный продукт позволяет составить представление о зафиксированной обстановке и ее отдельных элементах с возможностью получения по построенной трехмерной модели результатов линейных и угловых измерений.

Второй вариант отражения результатов эксплуатации БВС предусматривает составление инициатором привлечения сотрудника ИТСиЗИ отзыва об эффективности выполнения полетного задания. Кроме того, в личную летную книжку внешнего пилота (оператора) БВС должна быть внесена соответствующая запись о проведенном полете.

Таким образом, совокупность взаимосвязанных элементов «вид БВС, его стационарная и мобильная нагрузка — внешний экипаж БВС — среда и природно-климатические условия эксплуатации БВС — цель, задачи, алгоритм применения БВС — результаты применения БВС» обеспечивает получение полноценного представления о корреляционных зависимостях каждого элемента системы эксплуатации БВС как технико-криминалистического средства.

Совокупность сведений об элементах рассматриваемой системы имеет теоретическую и практическую значимость, заключающуюся в расширении отраслевых направлений криминалистической техники, обеспечивающих повышение эффективности проведения отдельных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, а также последующее использование полученных результатов при расследовании преступлений.

Сущность и содержание каждого элемента рассмотренной системы позволяет продемонстрировать их корреляционную зависимость друг от друга и получить полноценное представление об особенностях криминалистического обеспечения выявления, раскрытия, расследования и профилактики преступлений посредством использования рассматриваемого вида беспилотных средств.

1. Савельева М. В. Беспилотный летательный аппарат как специальное технико-криминалистическое средство и объект криминалистического исследования // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 235—241.

2. Сидоренко О. В. Подготовка сотрудников экспертно-криминалистических подразделений МВД России как фактор повышения эффективности технико-криминалистического сопровождения расследования преступлений, совершенных с использованием беспилотных воздушных Судов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 111—118.

3. Бордачев А. Ю. Тактические особенности применения БПЛА сотрудниками полиции // Закон и власть. 2023. № 4. С. 51—57.

4. Евтушенко Е. В., Володин Е. В. Анализ существующих типов беспилотных летательных аппаратов и перспектив их развития // Интеллектуальные системы, управление и мехатроника — 2017: материалы III Всерос. науч.-техн. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов / под ред. А. Т. Барабанова. Севастополь: СГУ, 2017. С. 299—305.

5. Беспилотная авиация: терминология, классификация, современное состояние / В. С. Фетисов, Л. М. Неугодникова, В. В. Адамовский, Р. А. Красноперов. Уфа: ФОТОН, 2014. 217 с.

6. Бабушкин Г., Дудь А., Клименко К. Оружие современности. Из истории развития и боевого применения беспилотных летательных аппаратов // Армейский сборник. 2019. № 9. С. 32—37.

7. Митюшин Д. А. Сравнительный анализ тактико-технических требований к военным и полицейским комплексам с беспилотными летательными аппаратами // Специальная техника. 2011. № 2. С. 31—36.

8. Морозов А. В. Виды беспилотных воздушных судов, применяемых в качестве средств и орудий совершения диверсионно-террористических атак // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (80). С. 91—98.

9. Дронова О. Б., Килинкарова Е. С. Нагрузка беспилотных летательных аппаратов как средства криминалистической техники: основные понятия и виды // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 93—102.

10. Николаев Н. В., Ильин В. В., Некрасов М. И. Актуальные вопросы противодействия совре-

1. Saveliyeva M. V. An unmanned aerial vehicle as a special equipment and an object of forensic examination. Tomsk State University Journal, 235—241, 2020. (In Russ.).

2. Sidorenko O. V. Training of officers of forensic units of the Ministry of the Interior of Russia as a factor to increase the efficiency of technical and forensic support to investigate crimes committed by applying unmanned aerial vehicles. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 111—118, 2025. (In Russ.).

3. Bordachyev A. Yu. Tactical specifics of applying unmanned aerial vehicles by police officers. Law and Power, 51—57, 2023. (In Russ.).

4. Yevtushenko Ye. V., Volodin Ye. V. Analysis of existing types of unmanned aerial vehicles and prospects for their development. In: Intelligent systems, control and mechatronics — 2017. Materials of III All-Russian scientific and technical conference of young scientists, graduate students and students. Red. by A. T. Barabanov. Sevastopol: The State University of Sevastopol; 2017: 299—305. (In Russ.).

5. Fetisov V. S., Neugodnikova L. M., Adamovsky V. V., Krasnopyerov R. A. Unmanned aviation: terminology, classification, current state. Ufa: FOTON; 2014: 217. (In Russ.).

6. Babushkin G., Dud A., Klimenko K. Weapons of our time. From the history of the development and combat using unmanned aerial vehicles. Army collection of works, 32—37, 2019. (In Russ.).

7. Mityushin D. A. Comparative analysis of tactical and technical requirements for the military and police complexes equipped with unmanned aerial vehicles. Special equipment, 31—36, 2011. (In Russ.).

8. Morozov A. V. Types of unmanned aerial vehicles applied as means and weapons to commit sabotage and terrorist attacks. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 91—98, 2025. (In Russ.).

9. Dronova O. B., Kilinkarova Ye. S. Unmanned aerial vehicle workload as a means of forensic technology: basic concepts and types. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 93—102, 2023. (In Russ.).

10. Nickolayev N. V., Ilyin V. V., Nekrasov M. I. Topical issues to counteract modern autonomous unmanned aerial vehicles and FPV drones. Security issues, 2024. Available from: URL:

менным автономным беспилотным летательным аппаратам и FPV-дронам // Вопросы безопасности. 2024. № 1. URL: https://nbpublish.com'llbrary_read_article.ptp?id=68860 (дата обращения: 29.05.2025).

https://nbpublish.com'llbrary_read_article.ptp?id=68860. Accessed: 29 May 2025. (In Russ.).

Дронова Ольга Борисовна,
профессор кафедры
криминалистической техники
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации;
nio-va@rambler.ru

Dronova Olga Borisovna,
professor at the department
of forensic technology
of the educational and scientific complex
of forensic activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor,
honored lawyer of the Russian Federation;
nio-va@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 20.05.2025; одобрена после рецензирования 29.05.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 20.05.2025; approved after reviewing 29.05.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.102

ПРЕДАНИЕ ГЛАСНОСТИ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ, В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

Николай Владимирович Павличенко
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания Российской Федерации, Москва, Россия, pavlichenko.pro@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает термин «предание гласности сведений, составляющих государственную тайну, в оперативно-разыскной деятельности» с этимологической и практической точек зрения. Для уяснения сущности предания гласности изучаются соприкосновенные термины «рассекречивание», «разглашение» и «передача сведений ограниченного распространения», которые, по мнению автора, находятся в родо-видовом подчинении указанному термину. Это позволяет нам говорить о том, что предание гласности сведений, составляющих государственную тайну, в оперативно-разыскной деятельности представляет собой процесс распространения защищаемой оперативно-разыскными органами информации путем предусмотренных законом процедур рассекречивания и передачи информации ограниченного распространения и, помимо этого, посредством разглашения. Автор предлагает внести изменения в ряд нормативных правовых актов, которые будут способствовать правовой регламентации предания гласности информации, формируемой при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

Предлагаемая автором иерархия терминов требует нового подхода к изложению ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ, учитывающего умысел на предоставление сведений, составляющих государственную тайну, третьим лицам.

Ключевые слова: гласность, негласность, оперативно-розыскная деятельность, предание гласности, рассекречивание, разглашение

Для цитирования: Павличенко Н. В. Предание гласности сведений, составляющих государственную тайну, в оперативно-разыскной деятельности: сущность и содержание // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 117—124.

GIVING PUBLICITY TO INFORMATION CONSTITUTING A STATE SECRET IN DETECTIVE ACTIVITIES: ESSENCE AND CONTENT

Nickolai Vladimirovich Pavlichenko
Research institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, pavlichenko.pro@mail.ru

Abstract. The author examines the term "giving publicity to information constituting a state secret in detective activities" from the etymological and practical points of view. In order to clarify the essence of giving publicity, the related terms "declassification", "divulgation" and "transfer of information of limited distribution" are examined, which, in the author's opinion, are in sort and type subordination to the specified term. This fact gives us an opportunity to say that giving publicity to information constituting a state secret in detective activities is a process to spread information protected by detective agencies through the procedures of declassification and transfer of information of limited spread provided by law and, in addition, through divulgation. The author proposes to amend a number of normative legal acts that will facilitate the legal regulation of giving publicity to information generated during the implementation of detective activities. The hierarchy of terms proposed by the author requires a new approach to the presentation of Art. 12 of the Federal Law "On Detective Activities" of August 12, 1995 No. 144-FZ, which takes into account the intent to provide information constituting a state secret to third parties.

© Павличенко Н. В., 2025

Keywords: publicity, secrecy (non-publicity), detective activities, giving publicity, declassification, divulgation
For citation: Pavlichenko N. V. Giving publicity to information constituting a state secret in detective activities: essence and content. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 117—124, 2025. (In Russ.).

Сотрудники оперативных подразделений ежедневно сталкиваются с информацией, оборот которой ограничен и строго регламентирован предписаниями различного уровня — от законодательства до ведомственных приказов. По сути, наличие негласной, тайной и ограниченной в обороте информации делает оперативно-разыскную деятельность собственно оперативно-разыскной. Полагаем, что именно негласность в первую очередь выступает тем свойством оперативно-разыскной деятельности, которое отличает ее от любых других видов деятельности правоохранительной направленности.

Этот вывод мы делаем не только потому, что негласность как основная составляющая фигурирует в норме-дефиниции ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — Закон об ОРД), но и потому, что этот термин используется еще в 15 нормах, составляющих основу рассматриваемого нормативного правового акта. В связи с этим в определении Конституционного суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О справедливо отмечается, что оперативно-разыскная деятельность объективно невозможна без значительной степени секретности. Прежде всего это касается сведений о лицах, участвующих в ней или способствующих ей[1].

На соблюдение и сохранение тайны обращают наше внимание ряд статей Закона об ОРД, где говорится, что сведения об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-разыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-разыскной деятельности, о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, а также об организации и о тактике проведения оперативно-разыскных мероприятий составляют государственную тайну (ст. 12 Закона об ОРД).

Вместе с тем для достижения задач оперативно-разыскной деятельности «закрытая» от окружающих информация, как «статическое состояние системы, скрываемой от определенных лиц» [1, с. 112] в ряде случаев должна перейти в другой статус и быть открыта для ознакомления. В первую очередь это относится к субъектам уголовного процесса (суду (судье), прокурору, осуществляющему надзор за законностью оперативно-разыскной деятельности, следователю и органу дознания). Кроме того, это необходимо и для решения сугубо оперативно-тактических задач оперативно-разыскных органов.

Интересно, что для снятия статуса негласности с той или иной оперативно-разыскной информации законодатель использует два термина: «рассекречивание» и «предание гласности». В то же время термин «рассекречивание» в оперативно-разыскном законе используется для всей совокупности «закрытой информации» (ч. 1 ст. 12 Закона об ОРД), а термин «предание гласности» — применительно к сведениям о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе (ч. 2 ст. 12 Закона об ОРД).

Нам представляется, что подобная позиция законодателя спорна. Для пояснения своей точки зрения проведем лексический анализ используемого термина «предание гласности», так как в нашем представлении он является более общим и поглощает иные термины, описывающие процесс перехода конфиденциальной информации от одного субъекта к другому.

Достаточно часто значение предания гласности в обыденном понимании ассоциируется с такими лексическими единицами, как «озвучить что-либо» или «огласить что-либо», которые нередко используются как синонимы. Так, согласно «Большому толковому словарю правильной русской речи», озвучить (огласить) что-либо можно путем «доведения до всеобщего сведения, предания гласности» [2], при этом сам термин «предание гласности», состоящий из двух слов, может трак-

[1] По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой: определение Конституционного суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О // Российская газета. 1998. 11 авг.

товаться как «способ сделать (подвергнуть действию) [3, с. 569] информацию доступной для всеобщего ознакомления или обсуждения [3, с. 128]». Иными словами, предать гласности информацию, полученную в рамках оперативно-разыскной деятельности, значит сделать ее доступной для тех лиц, которые к ней не допущены. В то же время объем и содержание информации, степень ее секретности значения не имеют.

С учетом изложенного можно предварительно констатировать, что законодатель в Законе об ОРД значительно сузил применение данной терминологической единицы исключительно до разглашения сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе (ч. 2 ст. 12 Закона об ОРД).

Иной, расширительный подход к понятию «предание гласности» наблюдаем в уголовно-процессуальном законодательстве, где говорится, что данные предварительного расследования (любые данные) могут быть **преданы гласности** лишь с разрешения следователя, дознавателя (ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)). Подобный подход присутствует и в уголовном праве, где объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 311 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), состоит в предании гласности сведений о мерах безопасности, в результате чего они становятся известными хотя бы одному постороннему лицу.

Исходя из этого предлагаем предание гласности рассматривать как родовой термин, и соответственно, предать гласности сведения, сформированные в рамках оперативно-разыскной деятельности, можно на законных основаниях с использованием легитимных процедур, которые предусмотрены в ч. 1 ст. 12 Закона об ОРД, т. е. путем **рассекречивания**, а также ч. 2 ст. 12 Закона об ОРД, применительно к оговоренной категории лиц — с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотренных федеральными законами. И в том и другом случае необходимо руководствоваться ст. 13 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», где под рассекречиванием понимается «снятие ранее введенных в предусмотренном настоящим законом порядке ограничений на распространение сведений, *составляющих государственную тайну* (курсив наш. — *Н. П.*), и на доступ к их носителям». В части второй этой же статьи указываются основания для рассекречивания. Основное из них — изменение объективных обстоятельств, вследствие которого дальнейшая защита сведений, составляющих государственную тайну, является нецелесообразной[1].

Вместе с тем предать гласности сведения, составляющие государственную тайну, возможно путем «злоупотребления тайной» [4], а именно путем совершения организационно-тактических ошибок и непрофессиональных действий обладателей этой тайны, что может привести к незаконному ознакомлению с этими сведениями третьими лицами.

Обозначенные выше ошибки и непрофессиональные действия могут выражаться по аналогии с формами вины в *легкомыслии*, когда обладатель негласных сведений предвидел возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывал на предотвращение этих последствий, или *небрежности*, когда он же не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия. Все эти действия лиц, обладающих негласными сведениями, следует характеризовать как разглашение оперативно-разыскных сведений и при необходимости привлекать к уголовной (квалифицировать по ст. 284 УК РФ), административной, гражданско-правовой или дисциплинарной ответственности в соответствии с действующим законодательством в зависимости от ущерба причиненного неправомерными действиями.

Как видим, появляется еще один термин — «разглашение», который имеет негативную окраску и связан с обнародованием защищаемых сведений оперативно-разыскными органами без надлежащих правовых процедур, предусмотренных нормативными правовыми актами. Эта позиция находит свое воплощение и в других нормативных правовых предписаниях. В частности, о **разглашении** государственной тайны в негативном ключе говорится в ст. 21.2 и 22 Закона РФ «О государственной тайне». В такой же негативной окраске в ст. 161 УПК РФ говорится о **разглашении** данных предварительного расследования следо-

[1] О государственной тайне: закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-I // Рос. газ.. 1993. 21 сент.

вателем или дознавателем, если это противоречит интересам предварительного расследования и связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Кроме того, акцентируется внимание на том, что разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается. Совокупность статей уголовного закона описывает негативные действия субъекта преступления посредством разглашения тех или иных сведений: ст. 283 «Разглашение государственной тайны», ст. 310 «Разглашение данных предварительного расследования», ст. 311 «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса» и ряд других.

Необходимо отметить, что подобный подход законодателя не только касается сведений, составляющих государственную тайну, но и, как свидетельствует оперативно-разыскной закон в ст. 12.1, сведений ограниченного распространения, содержащихся в запросах, направляемых гражданам и организациям в процессе осуществления оперативно-разыскной деятельности, которые также не подлежат разглашению.

Таким образом, разглашение информации, сформированной в оперативно-разыскной сфере, — это несанкционированное (незаконное) ознакомление с любой защищаемой информацией лицами, которые к ней не допущены, без надлежащих правовых процедур, предусмотренных нормативными правовыми актами. И в этом мы согласны с А. И. Тамбовцевым, что данное несанкционированное ознакомление с функциональной точки зрения может заключаться в неких поведенческих вербальных и невербальных — устных, письменных, объектных, знаковых, жестовых, публикационных и пр. — способах раскрытия каких-либо сведений, информации в любой ее форме, и в активной, и в пассивной [5].

На основании сказанного нам представляется, что законодатель использует три термина для нормативного регламентирования процесса предоставления третьим лицам информации, образуемой в процессе оперативно-разыскной деятельности и охраняемой сотрудниками оперативно-разыскных органов в целях эффективного решения стоящих перед ними задач: «предание гласности», «рассекречивание» и «разглашение».

Однако полагаем, что в представленной триаде терминов не хватает еще одного, описывающего процесс перехода информации ограниченного распространения от ее владельца к третьим лицам. Так, согласно Закону об ОРД и Закону РФ «О государственной тайне» к государственной и иной тайне, сформированной в процессе реализации оперативно-разыскной деятельности, могут быть допущены:

1. Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации в пределах полномочий, определяемых Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами (ст. 20 Закона об ОРД).

2. В рамках прокурорского надзора (ст. 21 Закона об ОРД) генеральный прокурор Российской Федерации и уполномоченные им прокуроры.

Согласно действующим нормативным правовым актам им предоставляются оперативно-служебные документы, материалы о проведении оперативно-разыскных мероприятий, учетно-регистрационные документы, ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения оперативно-разыскных мероприятий. Информация же о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих содействие этим органам на конфиденциальной основе, им может быть представлена при соблюдении процедуры, изложенной в ст. 12 Закона об ОРД.

3. В рамках ведомственного контроля к сведениям, составляющим государственную тайну, допущены руководители органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, которые согласно ст. 22 Закона об ОРД несут персональную ответственность за соблюдение законности при организации и проведении оперативно-разыскных мероприятий.

4. В рамках санкционирования оперативно-разыскных мероприятий информацией ограниченного распространения обладает соответствующий судья, который в рамках судебного контроля рассматривает материалы об ограничении конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, на неприкосновенность жилища при проведении оперативно-разыскных мероприятий (ч. 1 ст. 9 Закона об ОРД). Кроме того, судья допущен к рассмотрению дел на стадии судебного разбирательства, где анализируются закрытые ведомственные нормативные правовые акты и их правоприменение, а также участ-

вуют субъекты, информация о которых ограничена для широкой общественности.

5. В рамках оперативно-служебной деятельности возможна передача сведений, составляющих государственную тайну, осуществляемая органами государственной власти, предприятиями, учреждениями и организациями, не состоящими в отношениях подчиненности и не выполняющими совместных работ, с санкции органа государственной власти, в распоряжении которого находятся эти сведения (ст. 16 Закона РФ «О государственной тайне»), а также другим государствам или международным организациям при наличии экспертного заключения межведомственной комиссии по защите государственной тайны о возможности передачи этих сведений (ст. 18 Закона РФ «О государственной тайне»).

В представленных выше случаях информация передается субъекту, уполномоченному ознакомиться с ней, во-первых, в рамках нормативных правовых процедур и, во-вторых, исключительно для решения поставленных перед ним задач. В первом случае — осуществление президентского, парламентского и иного контроля, во втором — прокурорского надзора, в третьем — ведомственного контроля, в четвертом — судебного контроля, в пятом — для решения задач оперативно-служебной деятельности.

Иными словами, информация от субъекта, обладающего государственной тайной, передается другому субъекту, имеющему соответствующие нормативно закрепленные права, обладающему соответствующей формой допуска и использующему предоставляемую ему информацию, исключительно в рамках представленных ему полномочий. Подобная *передача информации ограниченного распространения* не подпадает под вышеперечисленные термины «рассекречивание» и «разглашение», так как в первом случае не происходит снятия ранее введенных ограничений на распространение сведений, *составляющих государственную тайну*, и на доступ к их носителям[1], а во втором — передача информации ограниченного распространения осуществляется на законных основаниях лицам, которые к ней допущены, с применением надлежащих правовых процедур, предусмотренных нормативными правовыми актами. Полагаем, что вышеизложенные доводы аргументированно обосновали наличие еще одной формы предания гласности сведений, составляющих государственную тайну, — передачи информации ограниченного распространения.

Анализ оперативно-разыскной практики и текста действующего оперативно-разыскного закона свидетельствует о том, что передача информации ограниченного распространения осуществляется еще одной категории лиц — лицам, оказывающим конфиденциальное содействие оперативно-разыскным органам. Согласно ст. 17 Закона об ОРД в рамках конфиденциального содействия информация ограниченного распространения может быть представлена лицам, привлекаемым к подготовке или проведению оперативно-разыскных мероприятий. Достаточно сказать, что сам факт содействия оперативно-разыскным органам, информация о силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-разыскной деятельности подпадает под перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденный Указом Президента России от 30 ноября 1995 г. № 1203[2]. Именно по этой причине нормативно определено, что эти лица обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Вместе с тем в Законе РФ «О государственной тайне» лица, оказывающие содействие оперативно-разыскным органам, в качестве субъекта, которому могут быть представлены сведения, отнесенные законодательством к государственной тайне, не фигурируют. Если это так, то передача подобных сведений от оперативно-разыскного органа к лицу, оказывающему ему содействие, подпадает в рамках наших рассуждений к категории разглашения государственной тайны. Возникает противоречие между потребностью оперативно-разыскной практики и отсутствием нормативных предписаний, регламентирующих процедуру передачи обсуждаемых сведений.

Ранее мы предлагали комплексное решение этой проблемы [6] путем внедрения упрощенной процедуры допуска к государственной тайне лиц, оказывающих содействие оперативно-разыскным органам, как это предусмотрено для определенных лиц, занимающих должности, перечисленные в ст. 21.1 Закона РФ «О государственной тайне», и возможностью признания законодателем правовых отношений между лицом, оказывающим со-

[1] О государственной тайне: закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-I.

[2] Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне: указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 // Рос. газ. 1995. 27 дек.

действие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, и самими этими органами в качестве трудовых [7]. Наша идея нашла свое частичное воплощение в рекомендациях по сближению и гармонизации законов государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере оперативно-разыскной деятельности (далее — Рекомендации)[1] от 26 ноября 2015 г. № 8-14, где говорится, что целесообразно законодательно легализовать сложившуюся практику передачи конфидентам в целях решения задач оперативно-разыскной деятельности сведений, составляющих государственную тайну. Предлагается следующая редакция соответствующей нормы: «Лица, конфиденциально сотрудничающие по контракту с органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, могут по решению данного органа допускаться к сведениям, составляющим государственную тайну в сфере оперативно-разыскной деятельности, в объеме, необходимом для исполнения своих обязанностей. Порядок допуска данных лиц к сведениям, составляющим государственную тайну, определяется органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность».

Целиком и полностью соглашаясь с подобным предложением, следует отметить два обстоятельства.

Во-первых, порядок допуска данных лиц к сведениям, составляющим государственную тайну, не может определяться органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. Именно поэтому предложенная норма об упрощенной процедуре допуска к государственной тайне лиц, оказывающих содействие оперативно-разыскным органам, должна найти свое воплощение не в оперативно-разыскном законодательстве (а именно оно стало предметом совершенствования в рамках заседания Парламентской Ассамблеи ОДКБ от 26 ноября 2015 г. № 8-14), а в Законе РФ «О государственной тайне», где в ч. 1 ст. 21.1 уже имеются категории лиц, допущенных к государственной тайне на так называемой ситуативной основе: адвокаты, участвующие в судопроизводстве по делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, а также граждане Российской Федерации, являющиеся участниками уголовного судопроизводства по делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, и не замещающие должностей, предусматривающих допуск к государственной тайне на постоянной основе.

Допуск этих лиц к государственной тайне предоставляется на ограниченное время — на период их участия в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. Полагаем, что и лица, оказывающие содействие, при реализации подобной нормы в Законе РФ «О государственной тайне» должны быть допущены к государственной тайне на период оказания содействия оперативно-разыскному органу.

Во-вторых, предложение об упрощенном допуске конфидентов к государственной тайне в Рекомендациях ограничивается исключительно лицами, оказывающими конфиденциальное сотрудничество, которое в этих же Рекомендациях определяется как «предусмотренная и охраняемая законом конфиденциальная добровольная возмездная деятельность совершеннолетнего дееспособного лица по выполнению им условий контракта, заключенного с ним органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, в целях решения ее задач»[2]. Подобное субъектное ограничение позволяет сделать вывод, что лица, оказывающие конфиденциальное содействие (без выполнения контрактных обязательств), не должны быть допущены к государственной тайне, что противоречит логике законодателя и оперативно-разыскной практике. Сложно не согласиться с тем, что невозможно соблюдать конфиденциальность содействия, не будучи допущенным к государственной тайне. Это две взаимоисключающие категории.

Полагаем, необходимо срочно зафиксировать в рамках правового поля уже существующую конструкцию передачи сведений ограниченного распространения от оперативно-разыскного органа к лицу, оказывающему ему содействие. Нормы, фиксирующие возможность упрощенного допуска конфидентов к государственной тайне, должны быть сосредоточены не в оперативно-разыскном законодательстве, а в Законе РФ «О государственной тайне» и детализированы в постановлении Правительства Российской Федерации «Об утверждении

[1] Рекомендации по сближению и гармонизации законов государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере оперативно-разыскной деятельности от 26 ноября 2015 г. № 8-14. URL: https://paodkb.org/documents/rekomendatsii-po-sblizheniyu-i-garmonizatsii-zakonov-gosudarstv (дата обращения: 23.06.2025).

[2] Рекомендации по сближению и гармонизации законов государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере оперативно-разыскной деятельности от 26 ноября 2015 г. № 8-14.

Правил допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне» от 7 февраля 2024 г.[1]

Подводя итог рассуждений категориального аппарата, описывающего процесс предания гласности сведений, составляющих государственную тайну, следует констатировать, что термин «предание гласности» шире трех терминов «рассекречивание», «разглашение» и «передача информации ограниченного распространения», при этом включает их в себя как естественные составляющие и находится с ними в родо-видовом подчинении. Это позволяет нам говорить, что предание гласности сведений, составляющих государственную тайну, в оперативно-разыскной деятельности представляет собой процесс распространения защищаемой оперативно-разыскными органами информации путем предусмотренных законом процедур в виде рассекречивания и передачи информации ограниченного распространения и, помимо этих процедур, путем разглашения. Предлагаемая автором иерархия терминов требует нового подхода к изложению ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», учитывающего умысел на предоставление сведений, составляющих государственную тайну, третьим лицам.

1. Павличенко Н. В. Предпосылки формирования частной теории негласности раскрытия и расследования преступлений // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 2. С. 109—116.

2. Скворцова Л. И. Большой толковый словарь правильной русской речи. Санкт-Петербург: Диля, 2006. 1136 с.

3. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов. 8-е изд., стер. Москва: Сов. энцикл., 1970. 900 с.

4. Маслов А. Е. Злоупотребление тайной // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2023. № 1. С. 207—213.

5. Тамбовцев А.И. Содержательно-правовой анализ понятия «предание гласности» в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4. С. 112—118.

6. Павличенко Н. В., Поправко А. С. Обеспечение государственной тайны в работе с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1 (24). С. 92—97.

7. Луговик С. В., Павличенко Н. В. Природа правоотношений между конфидентами и органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность // Оперативник (сыщик). 2011. № 1. С. 12—17.

1. Pavlichenko N. V. Prerequisites to form a private theory of secrecy in the detection and investigation of crimes. Legal Paradigm, 109—116, 2017. (In Russ.).

2. Skvortsova L. I. The great dictionary of correct Russian speech. Saint Petersburg: Dilya; 2006: 1136. (In Russ.).

3. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian Language: approx. 53,000 words. 8th ed., ster. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1970: 900. (In Russ.).

4. Maslov A. Ye. Secrecy abuse. Bulletin of the Voronezh State University. Series "Law", 207—213, 2023. (In Russ.).

5. Tambovtsev A. I. Substantive and legal analysis of the concept of "giving publicity" in detective activities. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 112—118, 2024. (In Russ.).

6. Pavlichenko N. V., Popravko A. S. Ensuring state secrets, while working with persons providing confidential assistance. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 92—97, 2013. (In Russ.).

7. Lugovik S. V., Pavlichenko N. V. The nature of legal relations among confidants and detective activities bodies. Detective, 12—17, 2011. (In Russ.).

[1] Об утверждении Правил допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне: постановление Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2024 г. // СЗ РФ. 2027. № 7. Ст. 973.

Павличенко Николай Владимирович,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказания
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации;
pavlichenko.pro@mail.ru

Pavlichenko Nickolai Vladimirovich,
chief research scholar of the Research institute
of the Federal Penitentiary Service
of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, full professor,
honored lawyer of the Russian Federation;
pavlichenko.pro@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 06.05.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.1

ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ, ПОДГОТОВЛЕННЫХ УЧЕНЫМИ ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Оксана Сергеевна Колосович
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, 1019810198@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье представлен сравнительный анализ научных трудов ученых Волгоградской академии МВД России, посвященных теоретико-правовым вопросам интеграции оперативно-разыскной деятельности в уголовное судопроизводство.

Исследование трудов М. С. Колосович убеждает в том, что ею проведен комплексный компаративистский анализ, посвященный проблеме интеграции негласных методов расследования в уголовное судопроизводство, а сделанные выводы создают перспективы для реформирования российского законодательства. Элементы негласности уже включены в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, а зарубежному опыту присущи две основные модели интеграции: прямое дублирование/перемещение норм об оперативно-разыскных мероприятиях из оперативно-разыскного закона в уголовно-процессуальный и создание нового института — негласных следственных действий.

Труды М. А. Шматова представляют собой комплексное исследование теоретических и методологических основ оперативно-разыскной деятельности как самостоятельной юридической науки, взаимосвязанной с уголовным процессом и иными уголовно-правовыми науками. Им было определено место теории оперативно-разыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук, исторические этапы ее становления, правовые основы. Наиболее тесная связь с уголовным процессом выявлена в вопросе использования результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании.

Следуя вектору развития логики исследований, заданному М. С. Колосович и М. А. Шматовым, автор обосновывает вывод о появлении комплексной отрасли международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: интеграция оперативно-разыскной деятельности в уголовное судопроизводство; международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве; ученые Волгоградской академии МВД России, М. С. Колосович, М. А. Шматов

Для цитирования: Колосович О. С. Влияние интеграции оперативно-разыскной деятельности в уголовное судопроизводство на эффективность международного сотрудничества правоохранительных органов: анализ материалов, подготовленных учеными Волгоградской академии МВД России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 125—132.

INFLUENCE OF INTEGRATION OF DETECTIVE ACTIVITY INTO CRIMINAL PROCEEDINGS ON THE EFFICIENCY OF INTERNATIONAL COOPERATION OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES: ANALYSIS OF MATERIALS BY THE ACADEMICIANS OF THE VOLGOGRAD ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Oksana Sergeyevna Kolosovich
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, 1019810198@mail.ru

© Колосович О. С., 2025

Abstract. The given article deals with a comparative analysis of the scientific works by the academicians of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia that are devoted to the theoretical and legal issues related to integrating detective activity into criminal proceedings.

The study of works by M. S. Kolosovich proves her having made a comprehensive comparative analysis related to the problem of integrating non-publicity investigation methods into criminal proceedings. Her conclusions make prospects for reforming the Russian legislation. The elements of non-publicity are already present in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, whereas two main models of integration characterize the foreign experience: direct duplication / transferring the norms on detective measures from the detective law into the criminal procedural law; as well as the establishment of a new institution, that is, institution of non-publicity investigative actions.

The scientific works by M. A. Shmatov deal with a comprehensive study of the theoretical and methodological foundations of detective activity as an independent legal science interconnected with criminal procedure and other criminal-legal sciences. The author determined the place of theory of detective activity in the system of criminal and legal sciences, the historical stages of its formation and the legal foundations. The closest connection is revealed with the criminal process, while using the results of detective activities in proving.

Following the vector of research development set by M. S. Kolosovich and M. A. Shmatov, the author of the article justifies the emergence of a complex branch of "international cooperation in criminal proceedings".

Keywords: integration of detective activity into criminal proceedings, international cooperation in criminal proceedings, academicians of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, M. S. Kolosovich, M. A. Shmatov.

For citation: Kolosovich O. S. Influence of integration of detective activity into criminal proceedings on the efficiency of international cooperation of law enforcement agencies: analysis of materials by the academicians of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 125—132, 2025. (In Russ.).

Оперативно-разыскная деятельность ориентирована на достижение назначения уголовного судопроизводства. Это подтверждается рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), а результаты оперативно-разыскной деятельности играют важную роль в процессе доказывания (ст. 89 УПК РФ). Кроме того, в ст. 5 УПК РФ в целях унификации терминологии дано определение результатов оперативно-разыскной деятельности (п. 36.1), разыскных мер (п. 38)[1]; предусмотрено следующее: меры по розыску подозреваемых и обвиняемых (ст. 210); применение мер безопасности к участникам уголовного судопроизводства (ч. 8 ст. 208); полномочие следователя давать поручения органу дознания о проведении оперативно-разыскных мероприятий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ); производство органом дознания неотложных следственных действий (ст. 157); производство контроля и записи переговоров (ст. 186) и иные процессуальные действия.

Кроме того, досудебное соглашение о сотрудничестве осуществляется не без участия оперативных подразделений, результаты конфиденциальной деятельности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, учитываются следователем и судом.

Предусмотрено проведение проверочных действий (процессуальных и/или оперативно-разыскных) до возбуждения уголовного дела (ч. 1 и ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ). Зачастую принятие решения о возбуждении уголовного дела обусловлено реализацией материалов, полученных в ходе негласной деятельности.

После приостановления предварительного следствия, в том числе в связи с тем, что подозреваемый или обвиняемый скрылся от органов предварительного расследования, производство следственных действий не допускается, однако запрет на проведение иных действий отсутствует (ст. 208, 209 УПК РФ).

Это, несомненно, свидетельствует о попытке отечественного законодателя комплексно подойти к регулированию оперативно-разыскной деятельности в контексте уголовного судопроизводства.

Кроме того, согласно теории оперативно-разыскной деятельности успех раскрытия и расследования преступлений зависит от эффективности взаимодействия следственных и оперативных подразделений.

[1] Разыскные меры — «меры, принимаемые дознавателем, следователем, а также органом дознания по поручению дознавателя или следователя для установления лица, подозреваемого в совершении преступления» (п. 38 ст. 5 УПК РФ).

В контексте сказанного следует упомянуть о сложившемся мнении относительно необходимости появления в УПК РФ главы, содержащей положения об оперативно-разыскной деятельности и использовании ее результатов в уголовном судопроизводстве. Более подробно вопросы о запрете направления международных запросов о производстве следственных действий по приостановленному уголовному делу нами [1] и другими учеными [2] уже рассмотрены, поэтому сейчас мы хотим остановиться на других аспектах.

Представляется необходимым говорить о значимости проведенных учеными Волгоградской академии МВД России М. С. Колосович и М. А. Шматовым фундаментальных исследований в области взаимопроникновения оперативно-разыскной деятельности и уголовного судопроизводства.

Так, в стенах Волгоградской академии МВД России доктором юридических наук, профессором М. С. Колосович была подготовлена монография «Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны уголовного судопроизводства» [3] и другие труды [4, 5]. Названная монография представляет собой глубокое историко-правовое исследование, посвященное эволюции принципов гласности и тайны в российском уголовном процессе. Наиболее интересна центральная идея работы — анализ процесса интеграции оперативно-разыскной деятельности в уголовный процесс, осуществляемой посредством производства негласных действий.

М. С. Колосович отмечает, что негласные методы расследования применялись еще в Древней Руси. Например, в 1071 г. по княжескому велению воеводой Яном Вышатичем направлялись тайные агенты для разоблачения волхвов-смердов. Однако нормативное закрепление негласная деятельность получила значительно позже — в период становления централизованного государства.

В XVI—XVII вв. формируются специализированные органы политического сыска: Приказ тайных дел, Преображенский приказ, Тайная канцелярия, Тайная экспедиция. Расследование государственных преступлений осуществлялось полностью в закрытом режиме. Это положило начало институционализации негласных методов в системе правосудия.

Автор подчеркивает, что в Соборном уложении 1649 г. и последующих нормативных актах (Воинский устав Петра I, Уложение о наказаниях 1845 г.) постепенно формировалась правовая база для проведения негласных действий. Однако долгое время они оставались вне процессуального поля и регулировались административными актами.

Только в XIX в., с созданием Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и — позднее — органов жандармерии, негласная деятельность стала системной и целенаправленной. При этом ее результаты часто использовались в судебных процессах, хотя и без прямого процессуального оформления.

Судебной реформой 1864 г. гласность, устность и состязательность определялись как основы процесса. Однако это не исключало использование результатов негласной деятельности. Напротив, именно в этот период начинает формироваться практика использования агентурных данных и иных негласных сведений в доказывании. М. С. Колосович обращает внимание на двойственность позиции государства: с одной стороны — провозглашение открытости суда, с другой — сохранение и усиление тайных методов расследования, особенно по политическим и государственным преступлениям.

В монографии М. С. Колосович подробно исследуется постепенная интеграция негласных действий в уголовный процесс, осуществляющаяся посредством формализации проведения следственных и иных процессуальных действий с возможностью использования полученных результатов в доказывании. Предложено расширение полномочий следователя и дознавателя с предоставлением им права осуществления контроля за получением и использованием результатов оперативно-разыскной деятельности.

Особое внимание уделяет автор советскому периоду развития отечественного права, когда негласные методы широко использовались в рамках «особых производств» внесудебными органами (ВЧК, НКВД).

В то же время ученым выявляются серьезные проблемы, вызванные недостаточной регламентацией использования результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании и отсутствием четких критериев допустимости таких доказательств.

М. С. Колосович отмечает, что в современном уголовном процессе России негласные действия получили процессуальное оформление, к примеру, в рамках контроля и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ), наложения ареста на почтово-телеграфные отправления (ст. 185 УПК РФ), получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

Представляется логичным предложение М. С. Колосович о закреплении правил преобразования результатов оперативно-разыскной деятельности в доказательства для обеспечения баланса между гласностью и тайной в уголовном процессе.

Таким образом, монография М. С. Колосович создает представление о том, что производство негласных действий при интеграции оперативно-разыскной деятельности в уголовный процесс имеет глубокие исторические корни и сложный путь развития — от внепроцессуальных практик до частичной процессуализации.

Зарубежный опыт указывает на общую тенденцию к глубокому проникновению негласной деятельности в уголовно-процессуальную деятельность. На основе анализа правовой системы Германии, Латвии, Китая, Молдовы, Украины, Эстонии, Казахстана и других стран автор выделяет две основные модели интеграции: 1) прямое дублирование / перемещение норм об оперативно-разыскных мерах из оперативно-разыскного закона в УПК (опыт Молдовы, Эстонии); 2) создание нового института — «негласных действий» — как системы принципиально новых процессуальных действий, инициируемых следователем, но производимых оперативными подразделениями (опыт Германии, Украины, Казахстана).

В монографии М. А. Шматова «Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук» [6] выделяются следующие основные направления исследования:

— теория оперативно-разыскной деятельности как самостоятельная юридическая наука и ее место в системе уголовно-правовых дисциплин;

— историко-правовой анализ становления и развития теории оперативно-разыскной деятельности в Российском государстве;

— вопросы интеграции теории оперативно-разыскной деятельности в уголовный процесс и криминалистику, включая вопросы использования результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании;

— методологические и науковедческие основы теории оперативно-разыскной деятельности, включая проблемы интеграции и дифференциации научного знания;

— правовое регулирование оперативно-разыскной деятельности, в том числе анализ оперативно-разыскного и уголовно-процессуального законодательства и предложения по их оптимизации.

Особое место в работе занимает исследование процессов интеграции теории оперативно-разыскной деятельности в систему уголовно-правовых наук.

М. А. Шматовым обосновано, что теория оперативно-разыскной деятельности представляет собой полноценную юридическую науку, а не прикладную или вспомогательную учебную дисциплину, имеет собственный предмет, методологию и систему понятий, что позволяет ей занимать место в системе уголовно-правовых наук наряду с уголовным правом, уголовным процессом и криминалистикой.

Автор произвел исторический анализ развития теории оперативно-разыскной деятельности в России, выделил пять исторических этапов, начиная с XVI в. (Разбойный приказ) и заканчивая принятием Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в 1995 г.[1], подчеркнув преемственность между дореволюционным сыском и современной оперативно-разыскной деятельностью.

Ключевой идеей исследования и важнейшим научным достижением автора является вывод о самостоятельности в юридической науке теории оперативно-разыскной деятельности и тенденциях к интеграции ее в уголовный процесс.

Теория оперативно-разыскной деятельности рассматривается М. А. Шматовым как «необходимое звено» в системе наук, обеспечивающее комплексный подход в борьбе с преступностью. Им выявлена гармоничная взаимосвязь теории оперативно-разыскной деятельности с уголовным процессом, криминалистикой, уголовным правом, при наличии которой теория оперативно-разыскной деятельности сохранила свою специфику.

Во взаимосвязи с уголовным процессом наиболее важным аспектом является возможность использования результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании.

Важнейшим тезисом, выдвинутым М. А. Шматовым, становится легитимность использования в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности. Автор критикует существующие ограничения в этом вопросе и предлагает механизмы процессуального закрепления результатов оперативно-разыскной деятельности, включая

[1] См.: Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 17.04.2025).

возможность их непосредственного рассмотрения в качестве доказательств.

В своем исследовании М. А. Шматов применяет системный подход, обращается к методу историзма, предпринимает сравнительно-правовой и социологический анализ при изучении теории оперативно-разыскной деятельности. Им подчеркивается важность междисциплинарных исследований и необходимость развития методологии теории оперативно-разыскной деятельности как науки.

Ученый поддержал инициативу о принятии Оперативно-розыскного кодекса, который, по его мнению, смог бы детально регулировать проведение оперативно-разыскных мероприятий, предложил внести изменения в УПК РФ, способствующие оптимизации правового регулирования взаимодействия сотрудников следственных и оперативных подразделений.

Таким образом, впервые в отечественной науке был проведен комплексный анализ теории оперативно-разыскной деятельности как элемента системы уголовно-правовых наук. Разработанная концепция интеграции оперативно-разыскной деятельности в уголовный процесс способствовала преодолению ведомственных и методологических барьеров. Была обоснована научная самостоятельность и практическая ценность ее развития. Результаты работы послужили фундаментом для дальнейших исследований и реформирования отечественной правовой базы в сфере оперативно-разыскной деятельности и уголовного процесса.

Исследуя проблемы правового регулирования оперативно-разыскной деятельности, В. В. Николюк определил как важнейшее направление работы необходимость пересмотра полномочий оперативных подразделений и форм их взаимодействия с органами предварительного расследования, расширения их полномочий в уголовном судопроизводстве на досудебных стадиях[1].

Наряду с общими проблемами правового регулирования оперативно-разыскной деятельности назрели проблемы, относящиеся исключительно к международному сотрудничеству. Среди них — оперативное исполнение запросов о правовой помощи [7].

В выступлении начальник юридического управления Росфинмониторинга О. Н. Тисен указала на сложившуюся практику направления по электронной почте следователями, а зачастую и сотрудниками оперативных подразделений запроса в криптобиржи и обменники о предоставлении полного пакета сведений о владельцах криптокошельков, о криптовалютных транзакциях. Получение аналогичной информации, используемой в доказывании[2], осуществляется с применением сервиса «Прозрачный блокчейн» Росфинмониторинга.

Анализ статистических данных об отказах в удовлетворении международных запросов за 2023 г. выявляет наиболее репрезентативные показатели. Так, «отказано в исполнении 66 запросов о правовой помощи, из них 34 — по политическим мотивам», «отказано в удовлетворении 114 российских запросов о выдаче лиц для уголовного преследования и исполнения приговора, из них 38 — по политическим мотивам»[3].

Это сформировало практику получения необходимой информации и документов с помощью сотрудников оперативных подразделений, в том числе посредством неформальных отношений с сотрудниками территориальных правоохранительных органов иностранных государств.

Кроме того, внутригосударственное право ряда государств ближнего и дальнего зарубежья функционирует в рамках иной правовой парадигмы, в соответствии с которой для осуществления оперативно-разыскных мероприятий применяются специализированные методы расследования, регламентированные уголовно-процессуальным законодательством. Повышению эффективности международного сотрудничества по уголовным делам должен способствовать обоснованный в научной литературе переход отечественного законодателя к правовому регулированию оперативно-разыскной деятельности в соответствии с указанной парадигмой.

На постсоветском пространстве данная парадигма была принята отдельными государствами. Подобное регулирование существует в законодательстве Европейского союза. Наиболее удачно эти положения с двухрежимным механизмом

[1] Выступление В. В. Николюка на Международной научно-практической конференции «Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения» (г. Омск, Омская академия МВД России, 16.02.2024).

[2] Выступление О. Н. Тисен на Луганском международном юридическом форуме «Особенности противодействия гибридным угрозам в отношении Российской Федерации» (г. Луганск, Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации, 15.05.2024).

[3] См.: Новости // Генеральная Прокуратура РФ: офиц. сайт. URL: epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=93620995 (дата обращения: 26.04.2024).

правового регулирования международного сотрудничества имплементированы германским законодателем.

Важно отметить, что правовое регулирование межгосударственных отношений международным договором носит уникальный характер, поскольку его участники сами могут устанавливать обязательные правила [8, с. 21], регулирующие конкретные правоотношения в области международного сотрудничества. Важнейшие международные договоры о правовой помощи учитывают данную парадигму.

Подтверждением этого может служить Кишиневская конвенция 2002 г.[1], содержащая положения об оказании правовой помощи «путем выполнения процессуальных и иных действий», а также осуществлении оперативно-разыскных мероприятий в рамках расследования преступлений (ст. 6). Кроме того, документ регулирует создание и работу совместных следственно-оперативных групп (ст. 63).

В статье 20 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности[2] закреплены положения о применении специальных методов расследования, включая использование контролируемых поставок.

Обмен информацией, полученной в ходе оперативно-разыскной деятельности, включая поступившую из негласных источников, предусматривается различными соглашениями, к примеру, Соглашением о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с налоговыми преступлениями[3]. При этом соглашения предусматривают исполнение запросов не только по уголовным делам, но и по делам оперативного учета (ст. 2 Соглашения о взаимодействии министерств внутренних дел независимых государств в сфере борьбы с преступностью)[4].

Анализ международных актов в рассматриваемой области позволяет нам говорить о тесной связи оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Несомненно, достижение назначения уголовного судопроизводства обусловлено не только результативностью уголовно-процессуальной деятельности, но и эффективностью и законностью оперативно-разыскной деятельности.

Важно подчеркнуть, что в настоящее время значимость оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве, особенно в контексте формирования доказательной базы, существенно возросла. В рамках международного сотрудничества данные виды деятельности настолько интегрированы, что А. Г. Волеводз определил оперативно-разыскную деятельность как неотъемлемую составляющую международного уголовного судопроизводства[5].

Между тем эффективность и оперативность международного взаимодействия в значительной степени зависят от комплексного подхода отечественного уголовно-процессуального и оперативно-разыскного законодателя к оптимизации правового регулирования международного сотрудничества.

Все изложенное позволяет нам говорить о наличии сформировавшейся комплексной отрасли международного сотрудничества, включающей оперативно-разыскной аспект этой деятельности на международном уровне, а также во внутригосударственном праве России и других государств, поэтому вместо термина «международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» было бы правильно применять термин «международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве».

Фундаментальные исследования М. С. Колосович и М. А. Шматова позволили выявить специфику правового регулирования международного

---

[1] См.: Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 7 октября 2002 г.) // СЗ РФ. 24 июля 2023 г. № 30. Ст. 5501. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 17.04.2025).

[3] См.: Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с налоговыми преступлениями (заключено в г. Тбилиси 03.06.2005) // Бюллетень международных договоров. 2008. № 3. С. 47—51. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] См.: Соглашение о взаимодействии министерств внутренних дел независимых государств в сфере борьбы с преступностью (заключено в г. Алма-Ате 24.04.1992): сб. междунар. соглашений МВД Российской Федерации. М.: СПАРК, 1996. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Выступление А. Г. Волеводза на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью» (г. Москва, МосУ МВД России, 16.11.2023).

сотрудничества в сферах оперативно-разыскной деятельности и уголовного судопроизводства, а также сделать вывод о формировании новой комплексной отрасли — международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве.

1. Колосович О. С. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при применении норм института приостановления производства по уголовному делу и осуществлении международного сотрудничества // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 51—58.

2. Подшибякин А. С. Система положений об оперативно-розыскной деятельности в УПК РФ — проблема или умолчание законодателя // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2008. № 5. С. 154—156.

3. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны уголовного судопроизводства: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2018. 580 с.

4. Колосович М. С., Чхвимиани Э. Ж. Правовая регламентация международного сотрудничества правоохранительных органов при осуществлении оперативно-разыскной деятельности и использовании ее результатов: современное состояние и перспективы развития // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 2 (29). С. 80—89.

5. Колосович М. С., Колосович О. С. Контроль и запись переговоров — следственно-оперативное мероприятие? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 3 (14). С. 130—134.

6. Колосович М. С. Негласная деятельность по уголовному делу // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2 (63). С. 138—145.

7. Шматов М. А. Теория оперативно-разыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук. Волгоград: ВА МВД России, 2001. 228 с.

8. Галенская Л. Н. Правовое регулирование транснациональных отношений. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. 316 с.

Колосович Оксана Сергеевна,
докторант научно-исследовательского отдела Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
1019810198@mail.ru

1. Kolosovich O. S. Ensuring the rights and legitimate interests of the participants in criminal proceedings while applying the norms of the institution of suspension of proceedings in a criminal case and implementing international cooperation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 51—58, 2022. (In Russ.).

2. Podshibyakin A. S. The system of provisions on detective activity in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: is it a problem or silence of the legislator. "Black holes" in the Russian legislation, 154—156, 2008. (In Russ.).

3. Kolosovich M. S. Procedural means of ensuring publicity and secrecy of criminal proceedings. Monograph. Volgograd: The Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2018: 580. (In Russ.).

4. Kolosovich M. S., Chkhvimiani E. Zh. Legal regulation of international cooperation of law enforcement agencies while implementing detective activity and using its results: current state and development prospects. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 80—89, 2014. (In Russ.).

5. Kolosovich M. S., Kolosovich O. S. Monitoring and recording negotiations: is it an investigative measure? Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 130—134, 2010. (In Russ.).

6. Kolosovich M. S. Non-publicity activity on a criminal case. Topical problems of Russian law, 138—145, 2016. (In Russ.).

7. Shmatov M. A. Theory of detective activity in the system of criminal and legal sciences. Volgograd: The Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2001: 228. (In Russ.).

8. Galenskaya L. N. Legal regulation of transnational relations. Saint Petersburg: Publishing house of Saint Petersburg University; 2022: 316. (In Russ.).

Kolosovich Oksana Sergeyevna,
postdoctoral student of the research department of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
1019810198@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.07.2025; одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 01.07.2025; approved after reviewing 10.07.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.102-05

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ НАУКЕ

Юлия Владиславовна Контемирова
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, contemirova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена человеку, оказавшему решающее влияние на формирование характера и мировоззрения многих людей, — Михаилу Андреевичу Шматову. Его знали как опытного и уважаемого ученого, который все свои глубокие профессиональные знания и организационный талант, не жалея сил, энергии и времени, вкладывал в работу. Благодаря высокой эрудиции, незаурядным личным качествам, умению взаимодействовать с людьми, интеллигентности и педагогическому мастерству, он снискал всеобщее уважение и непререкаемый авторитет среди коллег, курсантов и слушателей. Михаил Андреевич принадлежал к числу тех, кто сочетал в себе огромный опыт и по-настоящему творческое, душевное отношение к делу, которому служил. Он внес большой вклад в оперативно-разыскную науку, в том числе как основатель одной из ее научных школ. Его имя по праву входит в современные учебники по теории оперативно-разыскной деятельности. Многие его воспитанники занимают руководящие должности в Волгоградской академии МВД России, Московской академии Следственного комитета Российской Федерации и т. д.

Ключевые слова: сотрудник милиции, ученый, научный деятель, профессор, научная школа
Для цитирования: Контемирова Ю. В. Жизнь, посвященная науке // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). 133—139.

LIFE DEDICATED TO SCIENCE

Yulia Vladislavovna Kontemirova
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, contemirova@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to Mikhail Andreyevich Shmatov, a man who has had a decisive influence on the characters and worldviews of many people. He was known as an experienced and respected scientist who put his deep professional knowledge and organizational talent to his work, sparing no effort, energy or time. Thanks to his high erudition, outstanding personal qualities, ability to interact with people, intelligence, and teaching skills, he earned universal respect and indisputable authority among colleagues, cadets, and students. Mikhail Andreyevich was one of those persons who combined vast experience with a truly creative, soulful approach to the work he had served. He made a significant contribution to detective activities science as the founder of one of its scientific schools. His name is rightfully included in modern textbooks on the theory of detective activities. Many of his students occupy leadership positions at the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, etc.

Keywords: police (militia) officer, scientist, researcher, professor, scientific school
For citation: Kontemirova Yu. V. Life dedicated to science. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 133—139, 2025. (In Russ.).

К плеяде известных ученых Волгоградской академии МВД России, безусловно, относится Михаил Андреевич Шматов, который за годы работы в вузе, передавая свои знания и богатый жизненный опыт курсантам и слушателям, внес весомый вклад в обучение и воспитание будущих сотрудников органов внутренних дел.

Михаил Андреевич Шматов родился 17 января 1939 г. в Воронежской области. Это было трудное для страны время: происходило становление промышленности, сельского хозяйства, образования и многих других сфер деятельности нового совет-

ского государства. Великая Отечественная война тоже стала тяжелым испытанием, проверкой материальных и духовных сил советского народа. Тяготы суровых военных лет не обошли стороной и детей. Михаил Андреевич в тот период был маленьким ребенком, но до самой смерти хранил воспоминания о голоде и бомбежках, непосильном, совсем не детском труде и ожидании отца с фронта.

Службу М. А. Шматов проходил в бронетанковых войсках в г. Долинске Сахалинской области, а свой трудовой путь начал в 18 лет кочегаром Калужского паровозного депо. В советское время труд кочегаров приравнивался к работе шахтеров, сталеваров и другим тяжелым профессиям. К кочегарам предъявлялись высокие требования: крепкое здоровье, сила, выносливость, умение работать в команде, психологическая устойчивость. На кочегаров возлагались и дополнительные обязанности. Например, юный Михаил смазывал буксы, набирал масло и воду, подгребал уголь из тендера в лоток, подсыпал его в стокерную машину.

Несмотря на то что Михаил Андреевич был простым рабочим, он всегда стремился к получению новых знаний и вскоре овладел профессией электромонтажника. За два года прошел путь от электромонтажника Калужского филиала Московского монтажного управления № 2 до начальника электростанции.

В то же время Михаил Андреевич всегда знал, что есть такая профессия, от которой во многом зависят безопасность и спокойствие государства и его народа. Поэтому в 60-е гг. он стал сотрудником милиции и долгие годы с честью служил своей стране. В 1963—1974 гг. работал на различных должностях в следственно-оперативных аппаратах ГУВД Сахалинской и Волгоградской областей. Оперуполномоченный уголовного розыска и следователь, старший следователь и инспектор инспекции по личному составу. Кажется, не такой уж и большой послужной список, но бесценен приобретенный за эти годы опыт: работы с людьми, организации расследования и раскрытия преступлений, выявления правонарушений, планирования и контроля за исполнением решений и т. д.

При прохождении службы в отделах милиции пришло понимание того, как надо учиться профессии и, самое главное, как учить «милицейскому делу». Это и привело М. А. Шматова сначала во Всесоюзный юридический заочный институт в 1970 г., а затем, в 1974 г., в Высшую следственную школу МВД СССР на должность преподавателя кафедры криминалистики, затем старшего преподавателя и доцента.

В 1986 г. М. А. Шматов возглавил кафедру оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел и специальной техники ВСШ МВД СССР.

Работая в вузе, Михаил Андреевич убедился, что научно-педагогическая деятельность включает не только подготовку квалифицированных специалистов, но и постоянное самосовершенствование в соответствии с развитием науки и педагогических технологий. Учебно-методическая и научно-исследовательская работа стала для него возможностью повысить профессиональный уровень и приобрести новый опыт, участвуя в создании теоретической и научной базы для подготовки сотрудников органов внтуренних дел.

С 1977 по 1981 г. М. А. Шматов обучался в аспирантуре Саратовского юридического института имени Д. И. Курского. В 1982 г. под руководством профессора Ф. В. Глазырина он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Расследование насильственных завладений государственными и общественными денежными средствами, совершенных организованной группой лиц». В июле 2000 г. защитил докторскую диссертацию «Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук». И уже через год ему было присвоено ученое звание «профессор».

Михаил Андреевич Шматов — это ученый, который смог развить свои научные идеи посредством использования новых техник и методик, вне-

дрения результатов проектной, инновационной и научно-исследовательской деятельности. Сферой его научных интересов были методологические и теоретические проблемы оперативно-разыскной деятельности и т. д. Он провел обстоятельный комплексный анализ дифференцированных и интеграционных процессов оперативно-разыскной теории в системе уголовно-правовых наук.

Профессор М. А. Шматов также искал пути решения проблем уголовного судопроизводства с помощью уголовно-процессуальных, криминалистических и оперативно-разыскных средств и методов. Показал взаимосвязь и соотношение уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности в решении уголовно-процессуальных задач при раскрытии и расследовании преступлений. Впервые обозначил проблему использования научного знания различных отраслей в развитии теории оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел.

В итоге М. А. Шматов основал одну из научных школ Волгоградской академии МВД России — «Исследование оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования».

Михаил Андреевич Шматов — автор более 150 научно-методических трудов по проблемам криминалистики, уголовного процесса, оперативно-разыскной деятельности. Наиболее значимыми являются: монографии — «Правовые основы и теоретические проблемы оперативно-розыскной деятельности» (Волгоград, 1999); «Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук» (Волгоград, 2001); главы в учебных изданиях — «Расследование разбойных нападений» (Расследование преступлений: руководство для следователей. М., 1997), «Оперативно-розыскная деятельность и ее роль в решении задач предварительного следствия» (Уголовный процесс: учебник. Волгоград, 2002) и др.

Михаил Андреевич всегда был нацелен на преодоление трудностей и достижение высоких результатов, умел планировать свою работу и строго руководствоваться планом. Целеустремленность, организованность, требовательность к себе и другим не раз помогали в сложных ситуациях. Незаурядные организаторские способности и большой жизненный опыт помогли ему в Нагорном Карабахе управлять батальоном численностью 300 человек и в условиях чрезвычайного положения, объявленного в связи с массовыми антиобщественными проявлениями, мобилизовать личный состав на выполнение правительственной задачи — охраны жизни и спокойствия граждан. Кроме этого, батальон охранял и сопровождал правительственные делегации, прибывающие в г. Степанакерт на переговоры.

За безупречную службу в органах внутренних дел, личный вклад в подготовку квалифицированных специалистов и достижения в научной деятельности М. А. Шматов награжден медалями «50 лет советской милиции» и «Ветеран труда». Указом Президента России ему присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», приказом МВД России — звание «Заслуженный работник МВД Российской Федерации». Он также удостоен почетного знака города-героя Волгограда «За верность Отечеству» и ордена Красной Звезды Афганистана.

Имя Михаила Андреевича Шматова занесено в «Энциклопедию криминалистики в лицах» [1] и в энциклопедический словарь биографий «Видные ученые-юристы XX века» [2]. На его труды ссылаются многие авторитетные ученые: Е. С. Дубоносов [3, с. 71], К. К. Горяинов, В. С. Овчинский, Г. К. Синилов, А. Ю. Шумилов [4, с. 28]. Нередко высказывания Михаила Андреевича становились афоризмами [5, с. 127]. К примеру:

Человечество пока еще не выработало (и вряд ли когда-нибудь выработает) более адекватные и эффективные методы борьбы с преступностью, чем оперативно-разыскная деятельность…

Именно оперативно-разыскные мероприятия придают расследованию действенность и результативность.

В 2001 г. М. А. Шматов вошел в состав диссертационного совета Волгоградской академии МВД России. Впоследствии он являлся членом трех диссертационных советов, действующих при Волгоградской академии МВД России и Ростовском юридическом институте МВД России. Под его руководством защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук 25 молодых ученых, которые стали преподавателями образовательных организаций системы МВД. Он выступил научным консультантом пяти соискателей ученой степени доктора юридических наук. Один из них, к примеру, ректор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева доктор юридических наук, доцент генерал-майор юстиции А. А. Бессонов. И он отзывается о своем научном консультанте так: «Глубокоуважаемый Михаил Андреевич Шматов, мой учитель, проявил большую заинтересованность к проводимому мной исследованию в рамках подготовки докторской диссертации «Частная теория криминалистической характеристики преступлений», так как в сферу научных интересов профессора Михаила Андреевича входили вопросы общей теории криминалистики, криминалистической тактики и методики. Начиная с 2010 г., он уделял внимание методике расследования преступлений, совершенных мигрантами, несовершеннолетними, а также криминальных деяний экстремистской и террористической направленности. Эти вопросы по сей день являются актуальными для криминалистической науки и практики противодействия современной преступности».

Сам же Михаил Андреевич нередко говорил, что наука и педагогика не могут нормально развиваться, если нет преемственности, и гордился достижениями своих воспитанников, посвятивших себя научной и практической деятельности.

Михаил Андреевич взаимодействовал со многими достойными людьми — профессионалами своего дела, достигшими высоких результатов в службе, для которых профессор был образцом настоящего ученого. В рамках подготовки данной статьи удалось пообщаться с некоторыми из них, чтобы поделиться воспоминаниями об их совместной работе.

«Кафедра оперативно-разыскной деятельности и специальной техники всегда комплектовалась профессионалами из уголовного розыска и других оперативных подразделений, но в плане научных изысканий у практических сотрудников дела шли не так успешно. Писать оперативные сотрудники никогда не любили. Талант Михаила Андреевича как организатора, педагога заключался в том, что он мог убедить сотрудников в целесообразности перейти из территориальных органов внутренних дел на преподавательскую работу, в необходимости заниматься научной деятельностью, обрисовать перспективы служебного роста, а затем способствовать успешной работе на кафедре, давать старт дальнейшему их продвижению по служебной лестнице. В 1998 г. М. А. Шматов пригласил меня на работу в академию, и я ему благодарен за это. В достаточно зрелом возрасте, показывая пример „кафедральной молодежи“, Михаил Андреевич написал и успешно защитил докторскую диссертацию, добился, чтобы все без исключения преподаватели кафедры стали кандидатами наук. Тогда на кафедре даже родилась такая шутка: „Я тебе как ученый ученому скажу!“», — вспоминает заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, почетный профессор Волгоградской академии МВД России полковник полиции в отставке ***Юрий Семенович Чичерин***.

«Мне довелось работать на кафедре оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России в должности преподавателя, когда М. А. Шматов активно комплектовал личный состав своего подразделения опытными практическими сотрудниками. Через кафедру прошли такие профессионалы уголовного розыска, как В. Г. Бирюлькин, С. М. Табунщиков, Ю. П. Тацкий, Н. Н. Писаренко, А. П. Коровкин, М. В. Гайбович и многие другие. Еще кафедра в этот период гордились тем, что ее выходцы становились крупными руководителями образовательной системы МВД России. На повышение по должности с кафедры ушли Б. П. Смагоринский, В. Т. Контемиров, В. Л. Райков, Ю. С. Чичерин, С. Д. Назаров. Под впечатлением от этих достижений я написал „Визитную карточку в стихах“: „Всю академию надолго удивил подбором перспективных штатов — начальник кафедры спецдисциплин Михаил Андреевич Шматов!“. Михаил Андреевич навеки останется в нашей памяти, потому что каждому из нас он отдал частичку своей доброжелательной, отзывчивой и очень порядочной души», — вспоминает заслуженный юрист Российской Федерации, профессор генерал-майор милиции в отставке ***Сергей Дмитриевич Назаров***.

«В 1995 г., будучи в должности заместителя начальника Волгоградского юридического института МВД России по научной работе, я находился в командировке в г. Астрахани вместе с начальником кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Михаилом Андреевичем Шматовым. Обратно в г. Волгоград мы ехали на машине под покровом ночи. Ночь стала временем для разговоров. Мы говорили о жизни, науке, внешних и внутренних процессах в системе органов внутренних дел. Иногда за несколько часов можно узнать человека лучше, чем за долгие годы кратковременного общения. Михаил Андреевич на тот момент обладал огромным жизненным и профессиональным опытом и задумывался о подготовке докторской диссертации, рассматривая меня в качестве научного консультанта. Для меня это было неожиданностью, так как я впервые разговаривал с потенциальным учеником, который был на 9 лет старше меня. Обычно все мои ученики, кандидаты и доктора наук, были гораздо младше. Учитывая значительный практический опыт следственной работы Михаила Андреевича, я предложил ему такую тему: «Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук». Через пять лет Михаил Андреевич защитил в нашем диссертационном совете диссертацию и получил ученую степень доктора юридических наук. Хотелось бы особо отметить, что его исследование было первым и единственным в теории оперативно-разыскной деятельности, в котором без использования секретных сведений рассматривались разные аспекты оперативной работы применительно к системе уголовно-правовых наук.

Я рад, что жизнь нас столкнула 30 лет назад и в последующем именно он руководил кафедрой оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел и специальной техники Высшей следственной школы МВД СССР, потом Волгоградского юридического института МВД России. Более сильной кафедры в ВСШ и ВЮИ в то время не было. Даже среди вузов системы МВД СССР и Российской Федерации в целом эта кафедра под руководством Михаила Андреевича выделялась. Конференции, совещания, семинары проводились регулярно, съезжались представители других вузов системы МВД, иных организаций, а личный состав кафедры в тот момент достиг 100-процентной остепененности. Все преподаватели были кандидатами юридических наук, и это заслуга, в первую очередь, начальника кафедры – Михаила Андреевича Шматова.

С чувством глубокого уважения я относился к Михаилу Андреевичу до последних дней его жизни. Его трагическая кончина стала для всех нас невосполнимой утратой. Дата и время прощания с ним совпали с заседанием диссертационного совета, членом которого он являлся. Из-за необходимости прямой трансляции и анонсирования на сайте ВАК защиты диссертации в назначенное время возникли определенные трудности. Однако их удалось преодолеть. Руководство академии предоставило транспорт для возможности проститься с прекрасным и уважаемым человеком, полковником милиции в отставке, доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Российской Федерации Михаилом Андреевичем Шматовым. Особенно символично было то, что в последний путь его проводили не только родные, близкие, сослуживцы, ученики, но и члены диссертационного совета — его единомышленники, служители науки, прибывшие изначально с другой целью», — вспоминает заслуженный деятель науки Российской Федерации профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел доктор юридических наук, профессор генерал-майор милиции в отставке ***Борис Павлович Смагоринский***.

Уход из жизни профессора М. А. Шматова — большая потеря для российской науки. Высочайший профессионализм, внутренняя сила, человечность и душевная щедрость снискали ему заслуженное уважение коллег и учеников.

Михаил Андреевич говорил: «Мой взгляд со стороны позволяет оценить себя как человека, умеющего планировать свой труд и строго руководствоваться планом, с четкой ориентацией на достижение высоких результатов. Я способен приспосабливаться к трудностям, быть эмоциональным и чувствительным. Считаю, что педагогический, научный и управленческий стаж, стремление передать свои научные познания, жизненный опыт, состояние здоровья и физические силы позволяют мне не терять надежды на дальнейшую профессиональную пригодность». Он 50 лет оставался в профессии, занимаясь научной и педагогической деятельностью.

Жизненный и профессиональный путь известного ученого, прекрасного педагога, замечательного человека М. А. Шматова для многих служит примером трудолюбия, порядочности, достойного отношения к окружающим, заботы о близких. Близкие всегда поддерживали Михаила Андреевича, были единомышленниками, разделяющими его страсть к науке и образованию, а он в свою очередь гордился своей семьей, которая была для него источником вдохновения.

В семейном кругу Михаил Андреевич находил умиротворение и силы для новых свершений. Семья профессора Шматова — это настоящая крепость, где царят взаимопонимание и уважение и каждый вносит свой вклад в общее благополучие и процветание. В династии Шматовых поддерживается традиция преемственности поколений. Подтверждением этого является длительный срок профессиональной деятельности супруги Михаила Андреевича Тамары Ивановны, которая и по сей день продолжает работать в библиотеке академии; многолетняя служба в органах внутренних дел сына, Виталия Михайловича, кандидата юридических наук, доцента, полковника полиции в отставке, большая часть которой прошла в стенах альма-матер. И, наконец, выбор профессии полицейского внуком Михаилом, в настоящее время успешно завершающим обучение в Волгоградской академии МВД России, который уверенно заявляет: «Дед, не переживай — я не подведу!».

Михаил Андреевич Шматов был человеком, удивительным образом сочетающим в себе высокий интеллект, неустанное стремление к саморазвитию и умение передать накопленный опыт своим последователям, требовательность к себе, доброту и любовь к людям. Его авторитетная научная позиция отражена в сотнях источниках, а его имя останется в сердцах близких и единомышленников на долгие годы.

1. Энциклопедия криминалистики в лицах / под ред. В. Ю. Шепитько. Харьков: Апостиль, 2014. 399 с.

2. Видные ученые-юристы России (Вторая половина XX века): энцикл. словарь биографий: по сост. на 1 авг. 2004 г. / Рос. акад. правосудия; под ред. В. М. Сырых. Москва: Рос. акад. правосудия, 2006. 547 с.

3. Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2014. 442 с. Серия: Бакалавр. Базовый курс.

4. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова, А. Ю. Шумилова. Москва: ИНФРА-М, 2004. XIV. 848 с.

5. Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2018. 306 с.

1. Encyclopedia of forensic science in persons. Red. by V. Yu. Shepitko. Kharkov: Apostil; 2014: 399. (In Russ.).

2. Prominent Russian legal scholars (Second half of the XX century). Encyclopedic dictionary of biographies (acting date: August 1, 2004). Russian Academy of Justice; red. by V. M. Syrykh. Moscow: Russian Academy of Justice; 2006: 547. (In Russ.).

3. Dubonosov Ye. S. Detective activities. Textbook for universities. 4th ed., rev. and add. Series: Bachelor. Basic Course. Moscow: Yurait; 2014: 442. (In Russ.).

4. Detective activities. Textbook. 2nd ed., rev. and add. Red. by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky, G. K. Sinilov (et al.). Moscow: INFRA-M; 2004: 848. (In Russ.).

5. Markushin A. G. Detective activities. Textbook and practical training for universities. 4th ed., rev. and add. Moscow: Yurait; 2018: 306. (In Russ.).

Контемирова Юлия Владиславовна,
доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
contemirova@yandex.ru

Kontemirova Yulia Vladislavovna,
associate professor at the department
of detective activities and special equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
contemirova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 03.07.2025; одобрена после рецензирования 09.07.2025.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 03.07.2025; approved after reviewing 09.07.2025.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.13

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ТРУДОВ УЧЕНЫХ ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Екатерина Андреевна Олейник
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, yekaterina.oleynik.96@mail.ru

Аннотация. В рамках исследования актуальных проблем уголовного судопроизводства вопросы обеспечения безопасности его участников приобретают особую значимость. Волгоградская академия МВД России как ведущий научный и образовательный центр в области правоохранительной деятельности вносит значительный вклад в разработку теоретических и практических аспектов рассматриваемой проблемы.

Исследование базируется на методологии системного подхода, что позволяет изучить соотношение различных сторон правового регулирования и практической реализации мер защиты.

В настоящей статье представлен сравнительный анализ научных трудов, посвященных вопросам безопасности участников уголовного судопроизводства. Авторы работ — ученые Волгоградской академии МВД России. Целью предпринятого исследования стало выявление ключевых тенденций развития научных исследований в обозначенной области.

Анализ показал, что авторы уделяют значительное внимание вопросам государственной защиты и безопасности участников уголовного судопроизводства, включая свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, рассматривают различные аспекты данной проблемы — от нормативно-правового регулирования, организационно-правовых и тактико-психологических аспектов до подготовки практических рекомендаций по повышению эффективности мер защиты.

Ключевые слова: безопасность участников уголовного судопроизводства, государственная защита, конфиденциальность, ученые Волгоградской академии МВД России, Е. И. Замылин, В. В. Намнясева, М. С. Колосович, О. С. Колосович, П. П. Смольяков

Для цитирования: Олейник Е. А. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: анализ научных трудов ученых Волгоградской академии МВД России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 140—145.

PROVIDING SECURITY FOR THE CRIMINAL PROCEEDINGS PARTICIPANTS: ANALYSIS OF SCIENTIFIC PAPERS BY SCIENTISTS OF THE VOLGOGRAD ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Yekaterina Andreyevna Oleinik
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, yekaterina.oleynik.96@mail.ru

Abstract. In the study of topical problems of criminal proceedings, special attention is paid to the issues of providing security for its participants. The Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia as a leading scientific and educational center in the sphere of law enforcement makes a significant contribution to the development of theoretical and practical aspects of the problem under consideration.

The research is based on the methodology of systematic approach, which makes it possible to study the interaction of various actors of legal regulation and the practical implementation of security measures.

This article presents a comparative analysis of the scientific papers of the Academy's scientists devoted to the issues of security of criminal proceedings participants. The purpose of this study is to identify key trends in the scientific research developing in this sphere.

© Олейник Е. А., 2025

The analysis showed that scientists of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia pay considerable attention to issues of state safety and security of criminal proceedings participants, including witnesses, victims, suspects and accused. In their research, they consider various aspects of this problem, ranging from regulatory framework, organizational, legal, tactical and psychological aspects, to practical recommendations to improve the effectiveness of security measures.

Keywords: security of criminal proceedings participants, state security, confidentiality, scientists of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Ye. I. Zamylin, V. V. Namnyaseva, M. S. Kolosovich, O. S. Kolosovich, P. P. Smoliyakov

For citation: Oleinik Ye. A. Providing security for the criminal proceedings participants: analysis of scientific papers by scientists of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 140—145, 2025. (In Russ.).

Повышение уровня организованной и транснациональной преступности делает проблему обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства чрезвычайно актуальной. Все возрастающая угроза противоправного воздействия на лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, определяет эффективную защиту потерпевших, свидетелей, адвокатов и сотрудников правоохранительных органов не только как правовую гарантию, но и как ключевое условие для достижения целей уголовного судопроизводства.

Е. И. Замылин [1, 2] и В. В. Намнясева [2] и М. С. Колосович [3—6], О. С. Колосович и П. П. Смольяков [3] внесли значительный вклад в исследование данной проблемы, разработав концептуальные подходы к обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства и предложив конкретные механизмы их реализации.

Безопасность участников уголовного судопроизводства является одним из ключевых условий эффективности правосудия. При постоянном росте организованной и транснациональной преступности проблема защиты лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений, приобретает особую актуальность. Исторический анализ, проведенный Е. И. Замылиным и В. В. Намнясевой, показал, что меры безопасности эволюционировали от частных форм защиты (ордалии, судебные поединки) до комплексной системы правовых и организационных мер, направленных на защиту широкого круга участников процесса.

Раскрыв теоретико-правовые основы безопасности участников уголовного судопроизводства, Е. И. Замылин и В. В. Намнясева подчеркнули, что безопасность личности является неотъемлемым элементом конституционного права на жизнь, здоровье и личную неприкосновенность. Обязанность государства обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина закреплена в ст. 45 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июня 2020 г.)

Е. И. Замылин и В. В. Намнясева предложили расширить диспозицию ч. 3 ст. 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), заменив формулировку «иные опасные противоправные деяния» на «иные деяния, преследующие своей целью противодействие раскрытию и расследованию преступления», обосновали необходимость распространения мер безопасности на всех участников процесса, а не только на потерпевших и свидетелей.

Важное место в трудах волгоградских ученых занимает анализ посткриминального воздействия на участников уголовного процесса, под которым понимается совокупность умышленных действий противоправного характера, направленных на воспрепятствование правосудию. Авторами исследований выделены следующие формы воздействия: физическое насилие (убийства, избиения, пытки), психическое насилие (угрозы, шантаж, запугивание), материальное воздействие (подкуп, уничтожение имущества), ненасильственное психологическое воздействие (уговоры, просьбы, манипуляции).

Е. И. Замылин и В. В. Намнясева рассматривают конфликтную ситуацию на предварительном следствии как особое информационно-психологическое состояние межличностных отношений между следователем и участником процесса, имеющими противоположные интересы, выделяют стадии развития конфликта, обосновывают допустимость и необходимость правомерного психологического воздействия следователя на участников процесса с целью побуждения их к сотрудничеству, определяют критерии допустимости такого воздействия: юридический (соответствие закону), этический (нравственная приемлемость), гносеологический (научная аргументированность).

Основываясь на анализе следственной и судебной практики, ученые предложили ряд мер по совершенствованию системы обеспечения безопасности:

— расширение круга лиц, подлежащих защите (включение обвиняемых, подозреваемых, их близких);

— введение унифицированных формулировок в УК и УПК РФ, касающихся противодействия расследованию;

— совершенствование механизмов конфиденциальности (например, хранение постановлений о мерах безопасности отдельно от материалов дела);

— разработка и внедрение программ психологической подготовки следователей к работе в условиях конфликта и противодействия;

— усиление уголовной ответственности за воспрепятствование правосудию.

В 2017 г. ученые проявили стратегическую дальновидность, предложив расширить категорию лиц, подлежащих защите в уголовном процессе, включить в нее обвиняемых и подозреваемых, оказывающих содействие следствию, а также свидетелей преступлений. Эти лица должны получить процессуальный статус, обеспечивающий им правовую защиту.

Частичная реализация данного предложения произошла спустя шесть лет с введением ст. 56.1 УПК РФ. Эта норма, несмотря на свой преимущественно отсылочный характер, стала основополагающей, определяющей процессуальный статус лиц, в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с их участием в досудебном соглашении о сотрудничестве, а также общие условия, принципы и механизмы применения комплекса мер безопасности для защиты прав и законных интересов названных лиц.

Статья 56.1 УПК РФ обеспечивает системность и последовательность в применении мер защиты, что способствует повышению эффективности уголовного судопроизводства и укреплению доверия к правосудию со стороны лиц, взаимодействующих с правоохранительными органами в целях выявления лиц, совершивших преступления, и привлечения их к уголовной ответственности. Таким образом, данное нововведение — важный шаг в развитии правовой системы, направленный на обеспечение баланса между интересами правосудия и защитой прав участников уголовного процесса.

Еще одним важным механизмом защиты участников уголовного судопроизводства являются уголовно-правовые средства защиты участников процесса, включенные в гл. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) «Преступления против правосудия». Волгоградские ученые выделяют две группы норм:

— непосредственно защищающие права участников процесса (ст. 295, 296, 297, 298.1, 309 УК РФ);

— опосредованно обеспечивающие защиту (ст. 310, 311 УК РФ).

Криминологический анализ показывает высокую латентность преступлений против правосудия. По данным исследования, более 95 % случаев противоправного воздействия на участников процесса остаются неучтенными. Основными причинами латентности являются:

— нежелание потерпевших обращаться в правоохранительные органы;

— сложности доказывания;

— недостаточная профессиональная подготовка следователей.

Подробно анализируя способы противоправного воздействия на участников уголовного процесса, ученые предложили авторскую классификацию этих способов:

— физическое насилие (убийства, причинение вреда здоровью, лишение свободы);

— психологическое воздействие (насильственное (угрозы, шантаж, оскорбления) и ненасильственное (уговоры, просьбы));

— материальное воздействие (подкуп, взятки, уничтожение или повреждение имущества).

Не ограничившись констатацией факта, ученые предложили меры противодействия, включающие:

— совершенствование законодательства;

— повышение эффективности процессуальных мер безопасности;

— усиление роли оперативно-разыскных мероприятий;

— психологическую подготовку сотрудников правоохранительных органов.

М. С. Колосович, О. С. Колосович и П. П. Смольяков в своих трудах отмечают, что российское законодательство сформировало многоуровневую систему мер, направленных на защиту участников уголовного судопроизводства. Данная система включает три основные направления: меры правовой защиты, меры социальной поддержки и меры безопасности.

Меры правовой защиты устанавливают повышенную уголовную и административную ответственность за посягательства на лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование (ст. 295, 296, 311, 298.1 УК РФ, ст. 17.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ). Это создает правовую основу для предотвращения и наказания за противоправные действия, направленные против участников уголовного судопроизводства.

Меры социальной поддержки определяют возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу защищаемых лиц. Ученые обратили внимание на дифференциацию мер поддержки для различных категорий участников процесса. Для судей, прокуроров и следователей предусмотрены обязательное государственное страхование и возмещение ущерба в полном объеме, в то время как потерпевшие и свидетели получают фиксированные единовременные пособия.

Меры безопасности подразделяются учеными на процессуальные и непроцессуальные. Процессуальные закреплены в УПК РФ, непроцессуальные предусмотрены Федеральными законами № 45-ФЗ[1] и № 119-ФЗ[2]. В рамках данного исследования особое внимание уделяется анализу процессуальных мер безопасности.

Детально изучив арсенал процессуальных мер безопасности, предусмотренных ст. 11 УПК РФ и смежными нормами, к ним отнесли:

— сохранение в тайне данных о личности участника процесса с использованием псевдонима (ч. 9 ст. 166 УПК РФ);

— контроль и запись переговоров без судебного решения по заявлению потерпевшего или свидетеля (ч. 2 ст. 186 УПК РФ);

— проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего (ч. 8 ст. 193 УПК РФ);

— закрытое судебное заседание (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ);

— допрос свидетеля судом без оглашения его подлинных данных и в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками процесса (ч. 5 ст. 278 УПК РФ);

— хранение материалов досудебного соглашения о сотрудничестве в опечатанном конверте (ч. 3 ст. 317.4 УПК РФ).

Как показывают результаты опросов, проведенных учеными, 82 % практических работников считают названные меры неэффективными. Основные проблемы правоприменения вызваны следующими причинами:

— декларативность и формализм мер безопасности (участники процесса часто отказываются от их применения, не веря в их реальную эффективность, что приводит к самоустранению от участия в уголовном процессе);

— организационно-техническая необеспеченность следственных подразделений (отсутствие специализированных помещений для проведения опознания без визуального наблюдения) и нежелание судов решать организационные вопросы, связанные с реализацией мер безопасности;

— нивелирование эффекта применяемых мер нормой ч. 6 ст. 278 УПК РФ (данная норма позволяет суду по ходатайству стороны раскрыть подлинные данные о свидетеле);

— отсутствие определенных законодателем критериев обоснованности ходатайства и альтернативных механизмов защиты данных свидетеля;

— низкий уровень правовой осведомленности следователей (опросы показали, что 93 % респондентов не могут правильно ответить на вопросы о сущности, порядке применения и нормативной базе мер безопасности).

Ученые подчеркнули, что эффективная защита участников уголовного процесса возможна только при комплексном применении названных процессуальных и непроцессуальных (личная охрана, охрана жилища и имущества, выдача оружия, переселение на другое место жительства, замена документов, изменение внешности и другие) мер.

Важной проблемой в данной сфере представляется разрыв между следственными и оперативными подразделениями. Сотрудники подразделений государственной защиты иногда формально подходят к своим обязанностям, передавая физическую охрану сотрудникам уголовного розыска, не имеющим необходимых навыков. В результате возникает ситуация, когда применяется «неформальное взаимодействие» — без соответствующего документального оформления.

Ученые предложили придать процессуальный характер стихийному обмену информацией, нор-

[1] См.: О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 25.04.2025).

[2] См.: О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 25.04.2025).

мативно определив четкий перечень сведений, подлежащих предоставлению, и круг субъектов, имеющих к ним доступ. Это позволит упорядочить взаимодействие между подразделениями и повысить эффективность мер безопасности.

М. С. Колосович уделяет особое внимание обеспечению конфиденциальности в рамках международного правового сотрудничества. Она анализирует эволюцию международных норм — от полного игнорирования вопросов конфиденциальности в ранних договорах о правовой помощи до детальной регламентации в современных конвенциях, таких как Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.[1]

Ключевыми проблемами в данной сфере являются:

— сложность передачи сведений, составляющих государственную тайну: процедура требует решения;

— отсутствие в УПК РФ четкой регламентации порядка направления и исполнения запросов о правовой помощи, связанных с обеспечением безопасности.

М. С. Колосович критически оценивает положения Будапештской конвенции о киберпреступности[2], позволяющие производить трансграничный удаленный доступ к компьютерам без согласия государства-территории. Отказ Российской Федерации от подписания данной конвенции обоснован угрозой суверенитету и национальной безопасности [3, с. 30].

В качестве перспективного решения проблем международного взаимодействия М. С. Колосович предлагает создание совместных следственно-оперативных групп. Это позволит ограничить круг лиц, допущенных к конфиденциальной информации, и обеспечить синхронное расследование на территориях нескольких государств, что повысит эффективность международного сотрудничества в сфере обеспечения безопасности.

Таким образом, система государственной защиты участников уголовного процесса в России обладает развитой нормативно-правовой базой, включающей уголовно-правовые, процессуальные и социальные меры. Главной проблемой является не отсутствие нормативных актов, а низкая эффективность их практического применения, вызванная организационными, техническими и кадровыми проблемами. Норма ч. 6 ст. 278 УПК РФ, позволяющая суду раскрывать данные защищаемого лица, является наиболее уязвимым местом в процессуальном регулировании: предпринятые меры по обеспечению конфиденциальности могут оказаться нерезультативными.

Для повышения эффективности мер безопасности необходим комплексный подход, включающий:

— совершенствование законодательства (детализация оснований и процедур применения мер безопасности, пересмотр нормы ч. 6 ст. 278 УПК РФ и формализация механизма взаимодействия между следственными и оперативными подразделениями);

— организационно-техническое обеспечение (оснащение следственных органов и судов необходимым оборудованием, увеличение штата подразделений государственной защиты);

— организация профессиональной подготовки (включение в программы обучения следователей и дознавателей специализированных курсов по применению мер безопасности и межведомственному взаимодействию);

— развитие международного сотрудничества (активное использование форм совместного расследования и гармонизация национальных процедур с международными стандартами при сохранении должного уровня защиты суверенитета).

Глубоко изучив актуальные проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, ученые Волгоградской академии МВД России сформулировали системный подход к их решению, основанный на знании законодательства, практики правоприменения и эмпирических данных.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются:

— развитие системы государственной защиты участников процесса;

— совершенствование механизмов международного сотрудничества;

— внедрение современных технологий обеспечения безопасности.

Таким образом, обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства остается одной из приоритетных задач правового государства, от решения которой зависит эффективность борьбы с преступностью и укрепление доверия граждан к институтам власти.

---

[1] См.: Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 25.04.2025).

[2] См.: Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (Заключена в г. Будапеште 23.11.2001) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 25.04.2025).

1. Замылин Е. И. Теоретические основы, организационно-правовые и тактико-психологические проблемы обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2012. 432 с.

2. Замылин Е. И., Намнясева В. В. Безопасность участников уголовного судопроизводства: проблемы обеспечения и реализации: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Волгоград: ВА МВД России, 2017. 304 с.

3. Колосович М. С., Колосович О. С., Смольяков П. П. Государственная защита участников уголовного судопроизводства как средство обеспечения их прав и законных интересов // Актуальные проблемы российского права. № 10 (47). 2014. С. 2303—2309.

4. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны уголовного судопроизводства: моногр. Волгоград: ВА МВД России, 2018. 580 с.

5. Колосович М. С. Вопросы обеспечения анонимности участника уголовного судопроизводства при применении мер государственной защиты // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: материалы ежегодной всерос. науч.-практ. конф. (2—3 июня 2016 г.) / сост.: О. С. Лейнова, Е. С. Иванова. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2016. С. 167—172.

6. Колосович М. С. Сохранение конфиденциальности информации при оказании правовой помощи иностранному государству // Юридическая наука и правоохранительная практика. № 2 (36). 2016. С. 90—98.

Олейник Екатерина Андреевна,
начальник кабинета специальных дисциплин
кафедры информатики и математики
Волгоградской академии МВД России;
yekaterina.oleynik.96@mail.ru

1. Zamylin Ye. I. Theoretical foundations, organizational, legal, tactical and psychological problems to provide safety for persons subject to state security. Monograph. Volgograd: the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2012: 432. (In Russ.).

2. Zamylin Ye. I., Namnyaseva V. V. Security for criminal proceedings participants: problems of ensuring and implementing. Textbook. The 2nd ed., rev. and add. Volgograd: the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2017: 304. (In Russ.).

3. Kolosovich M. S., Kolosovich O. S., Smolyakov P. P. State security for criminal proceedings participants as a means of ensuring their rights and legitimate interests. Topical problems of Russian law, 2303—2309, 2014. (In Russ.).

4. Kolosovich M. S. Procedural means to ensure transparency and secrecy of criminal proceedings. Monograph. Volgograd: the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2018: 580. (In Russ.).

5. Kolosovich M. S. Issues of ensuring anonymity of participant in criminal proceedings when applying state security measures. In: Forensic Science: past, present and a look into the future: materials of the annual All-Russian scientific and practical conference, 2—3 June 2016. Comp. by. O. S. Leinova, Ye. S. Ivanova. Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia; 2016: 167—172. (In Russ.).

6. Kolosovich M. S. Maintaining the confidentiality of information when providing legal assistance to a foreign state. Legal science and law enforcement practice, 90—98, 2016. (In Russ.).

Oleinik Yekaterina Andreyevna,
head of the study room for special disciplines
of department of informatics and mathematics
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
yekaterina.oleynik.96@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.06.2025; одобрена после рецензирования 21.06.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 12.06.2025; approved after reviewing 21.06.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.9-05

ОСНОВАТЕЛИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЙ КАФЕДРЫ ОРГАНИЗАЦИИ СЛЕДСТВЕННОЙ РАБОТЫ ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Ольга Александровна Попова
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, opopova57@mvd.ru

Аннотация. Статья посвящена выдающимся российским ученым, основателям научных школ, чья деятельность на протяжении многих лет была связана с кафедрой организации следственной работы Волгоградской академии МВД России: создателю кафедры и ее первому руководителю, положившему начало ее научных традиций, доктору юридических наук, профессору Н. И. Кулагину и В. Б. Вехову, становление которого как ученого, доктора юридических наук, профессора неразрывно связано с деятельностью кафедры и академии. В статье представлены основные научные направления ведущих исследователей академии в области управления системой предварительного следствия и организации расследования преступлений, отмечен их весомый вклад в становление отечественной криминалистики и подготовку научно-педагогических кадров, приведены факты из их биографий. Отмечается, что многие идеи Н. И. Кулагина и В. Б. Вехова и сейчас являются высоковостребованными в научном сообществе и практической деятельности правоохранительных органов, в частности среди руководителей следственных и иных подразделений системы МВД России. Многие теоретически обоснованные предложения Н. И. Кулагина, В. Б. Вехова и их учеников были использованы в законотворческой деятельности. До сих пор работы основателей научных школ активно используются в учебно-воспитательном процессе ведущих отечественных и зарубежных образовательных организаций, осуществляющих подготовку специалистов для правоохранительных органов.

Ключевые слова: управление в системе МВД России, управление следственными подразделениями, организация следственной работы, Н. И. Кулагин, компьютерные преступления, расследование преступлений в сфере компьютерной информации, цифровая криминалистика, В. Б. Вехов

Для цитирования: Попова О. А. Основатели и последователи научных традиций кафедры организации следственной работы Волгоградской академии МВД России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 146—153.

FOUNDERS AND FOLLOWERS OF THE SCIENTIFIC TRADITIONS OF THE DEPARTMENT OF INVESTIGATIVE ACTIVITY ORGANIZATION OF THE VOLGOGRAD ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Olga Alexandrovna Popova
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, opopova57@mvd.ru

Abstract. The given article is devoted to the outstanding Russian scientists and founders of the scientific schools whose activity was related to the department of investigative activity organization of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia for many years. They are: a founder of this department and its first head, doctor of juridical sciences, Professor N. I. Kulagin, who laid the foundation for its scientific traditions, and V. B. Vekhov, whose career as a scientist, doctor of juridical sciences and professor is closely connected with the activity both of the department and the academy. The article deals with the main scientific approaches of the academy's leading researchers in the aspect of preliminary investigation management system and crime investigation organization. The author of the article also points their significant contribution to the development of the Russian forensic science and training academic and teaching staff as well as mentioned their biographical information. The author of the article noted that many of N. I. Kulagin and V. B. Vekhov's ideas are said to be

© Попова О. А., 2025

much-needed in the scientific community and activity of law enforcement agencies, particularly by the heads of the investigative and other units of the Ministry of the Interior of Russia. Many theory-based ideas to have been given by N. I. Kulagin, V. B. Vekhov and their students were used in legislative activity. The works of these founders of the scientific schools are still actively used in the educational process of the leading domestic and international educational institutions training specialists for law enforcement agencies.

Keywords: management in the system of the Ministry of the Interior of Russia, management of investigative units, investigative activity organization, N. I. Kulagin, computer-related crimes, investigation of computer-related crimes, digital criminalistics, V. B. Vekhov

For citation: Popova O. A. Founders and followers of the scientific traditions of the department of investigative activity organization of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 146—153, 2025. (In Russ.).

14 марта 2025 г. кафедре организации следственной работы УНК по ПС в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России исполнилось 50 лет — это достойный повод вспомнить ее основателя — заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора Николая Ивановича Кулагина. Он является одним из основоположников научного направления «Организация и управление органами предварительного следствия в системе МВД», поэтому созданная им в структуре Высшей следственной школы МВД СССР кафедра изначально получила название «Кафедра управления и организации следственной работы».

Многие утверждения профессора Н. И. Кулагина, изложенные в его трудах, актуальны и в настоящее время, например:

«В следственном аппарате МВД РФ примерно половина следователей ввиду небольшого стажа работы не может обойтись без вмешательства в их деятельность руководителей следственных подразделений. Если не оказать помощь, то многие из них как следователи не состоятся» [1, с. 94];

«Необходимо определить оптимальную структуру следственного аппарата, его правовой статус и место в системе органов правосудия» [2];

«Осуществление предварительного следствия на научной основе без планирования невозможно» [3, с. 3];

«Организованность — необходимое условие успеха» [4, с. 6] и др.

Длительное время Николай Иванович Кулагин был одним из ведущих в стране специалистов по проблемам организации управления в системе предварительного следствия и в 1990 г. в Академии управления МВД СССР защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Управление следственными аппаратами органов внутренних дел (функционально-структурный анализ)».

Данной теме посвящено значительное число публикаций профессора Н. И. Кулагина, в частности: научная статья «Некоторые пути совершенствования научного управления подразделениями следствия» (1977 г.), лекция «Становление руководителя подразделения» (1995 г.), учебные пособия: «Содержание и формы научной организации труда следователя» (1979 г.) [4], «Психология и этика управления в следственном аппарате органов внутренних дел» (1981 г.), «Структура и функции управления в системе предварительного следствия» (1994 г.), «Организация профессионального обучения сотрудников следственного аппарата» (1995 г.) и многие другие.

Одним из компонентов заложенных им научных традиций является вера в истинность сформулированных теоретических постулатов. Н. И. Кулагин особо подчеркивал организационный аспект расследования, выступал за его выделение из раздела криминалистический тактики. Он утверждал, что «мощный резерв улучшения любой деятельности – ее правильная организация» [5]. Н. И. Кулагин работал в академии всю свою жизнь, им подготовлено около 300 научных работ, из которых более 120 посвящено отдельным вопросам организации следственной работы: учебные пособия «Профилактическая работа следователя органов внутренних дел» (1975 г.), «Организация и тактика предварительного следствия в местах лишения свободы» (1977 г.). В подавляющем большинстве научных работ преемников Н. И. Кулагина — бывших и действующих сотрудников кафедры — также нашли отражение вопросы совершенствования организации расследования и управления следственными подразделениями.

Сферу научных интересов Н. И. Кулагина, в которую он вовлекал своих последователей, составляли не только организация следственной работы, но и делопроизводство, устная и письменная речь сотрудников органов расследования, их профессиональная культура и служебное поведение,

правовая журналистика [2]. Помимо научных трудов им опубликовано около 250 публицистических работ в различных газетах и журналах. В октябре 1962 г. Н. И. Кулагин стал членом Союза журналистов СССР. Именно поэтому в начале 70-х гг. прошлого века он одним из первых обратил внимание на возможности использования средств массовой информации в раскрытии, расследовании и профилактике преступлений [6]. Более 25 научных трудов посвящено различным аспектам данной темы, что позволяет считать его сооснователем еще одной научной школы совместно с Валентином Тимофеевичем Томиным — профессором Горьковской высшей школы милиции, который в тот же период издал ряд работ об использовании населения и средств массовой информации в борьбе с преступностью [2].

Данное научное направление получило дальнейшую разработку в диссертационных исследованиях двух учеников Н. И. Кулагина из числа сотрудников Волгоградской академии МВД России — А. Н. Тюменцева и В. Н. Ростова. Они посвятили свои труды вопросам взаимодействия следователя со средствами массовой информации, в которых были описаны «приемы воздействия на население путем предоставления для опубликования специально подготовленной информации, способствующей решению служебных задач» [7], а также новым возможностям, открывшимся после создания пресс-центров в системе МВД России. Научный опыт, накопленный Н. И. Кулагиным и его последователями в вопросах взаимодействия следователя с прессой, и в настоящее время используется на кафедре в процессе реализации отдельных дополнительных профессиональных программ.

Н. И Кулагин являлся основателем научной школы «Организация работы следователей по сложным многоэпизодным уголовным делам (бригадному расследованию)». Основные идеи он изложил в работе «Планирование расследования сложных многоэпизодных дел» (1976 г.) [3]. В 1999 г. им совместно с Ю. И. Мироновым было издано учебное пособие «Организация и деятельность следственных и следственно-оперативных формирований».

Продолжателем научной традиции стал преподаватель кафедры организации следственной работы А. К. Савельев, защитивший в 1999 г. под руководством Н. И. Кулагина диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Процессуальные и организационно-тактические проблемы расследования сложных многоэпизодных дел» и продолживший совместно с Н. И. Кулагиным изучать вопросы создания и функционирования следственных групп, а также использовать результаты своих научных исследований при обучении сотрудников следственных подразделений. Практические схемы планирования и организации деятельности следственных групп, созданные в рамках данной научной школы, применяются и сейчас при подготовке следователей, специализирующихся на расследовании организованной преступной деятельности, а также преступлений в сфере экономической деятельности.

Понимая важность развития научного потенциала системы МВД России, Николай Иванович создал еще одну традицию кафедры: каждый педагог, получивший ученую степень, должен внести вклад в подготовку научно-педагогических кадров. Под его руководством более 40 адъюнктов и соискателей из числа практических сотрудников правоохранительных органов защитили диссертационные исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук и трое — на соискание ученой степени доктора юридических наук. Темы их научных исследований неизменно были посвящены решению наиболее актуальных на тот момент вопросов, выявленных в процессе непосредственного общения со следователями и руководителями следственных подразделений, прибывающих на кафедру для повышения квалификации. Являясь высокоавторитетным ученым, он много раз приглашался в качестве оппонента по диссертациям. Нацеленность на научное обеспечение разрешения приоритетных задач, стоящих перед следственными подразделениями МВД России, также можно назвать одной из традиций кафедры, заложенной Н. И. Кулагиным.

На кафедре организации следственной работы Н. И. Кулагин сплотил вокруг себя авторский коллектив ученых, посвятивших свои научные труды исследованию вопросов совершенствования следственной работы по отдельным направлениям:

А. В. Носов — расследованию хищений денежных средств в кредитно-банковской сфере и иных экономических преступлений;

А. Ф. Родин — использованию компьютерных технологий в деятельности следователя;

В. С. Корнелюк — организации расследования дорожно-транспортных преступлений, а также краж автотранспортных средств;

В. Н. Молоканов — расследованию преступлений, связанных с пожарами;

К. А. Фортуна — организации расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом

огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств;

В. Н. Верютин — особенностям расследования незаконного оборота наркотических средств;

В. А. Булатов — обеспечению следователем прав, законных интересов и безопасности потерпевших и свидетелей;

В. Б. Вехов — расследованию преступлений, совершенных с использованием информационных технологий;

Е. В. Зайцева — криминалистическим и правовым проблемам расследования незаконного предпринимательства и лжепредпринимательства и иных преступлений в сфере экономики.

Научная обоснованность, высокая теоретическая значимость и практическая реализация результатов исследований этих ученых обеспечила сотрудников следственных подразделений необходимым и высоковостребованным материалом, а также позволила создавать и реализовывать авторские дополнительные профессиональные программы повышения квалификации руководителей органов предварительного следствия и дознания, следователей контрольно-методических отделов и следователей, специализирующихся на расследовании преступлений отдельных видов, что стало основой еще одной важной традиции — активного участия в научном обеспечении потребностей практики.

В 2009 г. авторским коллективом кафедры было подготовлено учебное пособие «Организация следственной работы» [5], получившее гриф МВД России и ставшее настольной книгой для многих поколений следователей.

Вслед за традициями, заложенными Н. И. Кулагиным, коллектив кафедры по-прежнему осуществляет подготовку научно-исследовательских работ по заявкам Следственного департамента МВД России, ГУ МВД России по Волгоградской области и иных территориальных органов МВД России на региональном уровне. Среди них можно выделить научные труды, посвященные специфике расследования преступлений, совершенных на железнодорожном транспорте (2003 г.), использованию компьютерных технологий в деятельности следователя (2003 г.), а также организации расследования отдельных видов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (2004 г.), преступлений в сфере экономической деятельности (2005 г.), общеуголовных преступлений (2015 г.), поджогов транспортных средств (2020 г.), хулиганства, совершенного по экстремистским мотивам (2021 г.), фальшивомонетничества (2022 г.) и др. Развивая научные идеи, изложенные Н. И. Кулагиным в работе «Организация профессионального обучения сотрудников следственного аппарата» (1995 г.), доценты кафедры Е. В. Зайцева и О. А. Попова в 2016 г. подготовили учебное пособие «Организация профессиональной подготовки сотрудников органов предварительного следствия МВД России», ставшее базовой основой адаптации начинающих следователей и совершенствования их профессионального мастерства в процессе осуществления служебной деятельности.

Н. И. Кулагин активно поддерживал молодых исследователей, погружаясь в темы их научных работ, которые могли выходить за пределы его основных интересов и направлений научной школы. Под его руководством первые шаги в науке сделали:

В. М. Шматов (начальник кафедры организации следственной работы с 2018 по 2023 г.), который в 2000 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Развитие частной криминалистической теории изучения личности и обеспечения ее прав»;

М. С. Колосович (заместитель начальника кафедры организации следственной работы с 2012 по 2014 г.), защитившая в 2003 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм».

М. С. Колосович не остановилась на достигнутом и, активно продолжая свою научную деятельность, в 2020 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы».

В настоящее время доктор юридических наук, профессор М. С. Колосович продолжает научные традиции, заложенные Н. И. Кулагиным, — вносить вклад в подготовку научно-педагогических кадров и научное обеспечение МВД России. Ею опубликовано более 170 научных работ, а более 30 учебных изданий, подготовленных при ее участии, используются в учебно-воспитательном процессе академии. Под ее научным руководством один соискатель защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук; трое — на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

М. С. Колосович отмечает, что начало ее научной карьеры под наставничеством Н. И. Кулагина, а также работа на кафедре организации следственной работы Волгоградской академии МВД России позволили ей создать прочную теоретическую и эмпирическую базу для дальнейших исследований, переосмыслить выявленные проблемы на стыке теории и правоприменительной практики, поднять научную деятельность на новый уровень.

Хотелось бы также отметить интересный факт биографии Н. И. Кулагина. Он в шутку называл ученых, защитивших диссертации под его руководством, «научными детьми», а их учеников — «научными внуками» и, принимая таким образом роль патриарха научной семьи, оказывал помощь «второму поколению» своих последователей, давая ценные советы по формулировке тем научных работ, определению их структуры, организации научных исследований, участвовал в обсуждении их результатов.

«Научными внуками» Н. И. Кулагина являются ученики А. В. Носова: А. Н. Петрова, посвятившая научные труды преодолению противодействия расследованию, и Е. В. Горкина, освещавшая вопросы организации и производства дознания, а также ученики В. Н. Молоканова: Д. А. Новохатский, раскрывший особенности расследования преступлений, связанных с нарушением правил пожарной безопасности в сфере промышленного производства, и О. А. Попова, изучавшая проблемы предупреждения и исправления следственных ошибок.

Таким образом, профессор Н. И. Кулагин за многие годы внес огромный вклад в учебно-методическую и научно-исследовательскую деятельность не только Волгоградской академии МВД России, но и России и зарубежных стран (так, его работы по вопросам предварительного следствия были опубликованы в Болгарии, Польше, Чехии и в странах СНГ) [2]. Научные заслуги Н. И. Кулагина оценены на государственном уровне: в 1996 г. Указом Президента России Б. Н. Ельцина ему было присвоено звание заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Преемником научных традиций кафедры организации следственной работы Волгоградской академии МВД России, заложенных Н. И. Кулагиным, является ученый, который внес весомый вклад в развитие отечественной цифровой криминалистики — доктор юридических наук, профессор Виталий Борисович Вехов.

В. Б. Вехов, начав в 1992 г. свою служебную деятельность на кафедре, с первых дней обратил внимание на потребности следственных подразделений в новых научных разработках. Несмотря на то, что в начале 90-х гг. прошлого века предстоял еще долгий путь к цифровой трансформации всех сфер общественной жизни, он определил связанные с данным процессом перспективы и проблемы. Так, учитывая открывающиеся с развитием информатизации органов внутренних дел возможности, В. Б. Вехов в соавторстве с заместителем начальника кафедры А. Ф. Родиным разрабатывал и успешно внедрял в практическую деятельность органов предварительного следствия автоматизированные информационные системы «Автоматизированное рабочее место следователя», «Автоматизированное рабочее место руководителя следственного подразделения». Цифровизация следственной работы открыла возможности для комплексного решения задач: планирования работы следователя или следственного подразделения в целом, учета уголовных дел, контроля за сроками исполнения плановых мероприятий, процессуальными сроками, а также автоматизации оформления процессуальных и организационных документов и проч. Данные программные продукты получили широкое внедрение и поддержку практиков.

В. Б. Вехов выделил проблемные вопросы правоприменительной практики противодействия «компьютерным» преступлениям: отсутствие криминалистических методик их расследования, неразработанность тактических приемов осмотра средств компьютерной техники и электронных документов и фиксации обнаруженных при этом следов. Откликаясь на потребности следователей, он разработал соответствующие рекомендации. В 1995 г. — всего за три года с момента поступления на службу в органы внутренних дел — В. Б. Вехов под руководством заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора Б. П. Смагоринского подготовил и успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники».

Результаты научных исследований В. Б. Вехова стали основой для разработки и учебно-методического обеспечения дополнительных профессиональных программ повышения квалификации сотрудников и руководителей органов предварительного расследования, специализирующихся

на расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, а также иных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Им внесен значительный вклад в разработку имитационно-обучающей программы для ЭВМ «Расследование компьютерных преступлений», созданы электронный интерактивный мультимедийный курс «Повышение квалификации следователей, специализирующихся на расследовании дел о преступлениях в сфере компьютерной информации и высоких технологий» и научно-методический интернет-сайт «Cybernetic Police: компьютерная преступность и борьба с нею», получившие высокие оценки практиков, испытывающих потребность в новых научных рекомендациях по организации расследования преступлений в меняющемся цифровом мире.

Для обеспечения образовательного процесса Волгоградской академии МВД России В. Б. Вехов ым были изданы учебные пособия «Компьютерные преступления: способы совершения, методики расследования» (1996 г.), «Тактические особенности расследования преступлений в сфере компьютерной информации» (в соавторстве, 1996 г.).

В 2009 г. В. Б. Вехов защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки», в 2013 г. ему присвоено ученое звание профессора кафедры организации следственной работы.

В. Б. Вехов является автором более 250 научных и учебно-методических работ, в числе которых особо следует выделить монографии «Использование компьютерных технологий в деятельности следователя» [8], «Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием пластиковых карт и их реквизитов» [9], а также учебники для вузов «Цифровая криминалистика» [10] и «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и электронных средств платежа» [11].

В. Б. Вехов, как и Н. И. Кулагин, внес вклад в подготовку научно-педагогических кадров Волгоградской академии МВД России. Под его руководством защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук:

в 2011 г. — С. А. Ковалев (с 2009 по 2013 г. — преподаватель кафедры организации следственной работы) на тему «Основы компьютерного моделирования при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации»;

в 2019 г. — О. А. Решняк (с 2014 по 2017 г. — преподаватель кафедры организации следственной работы, в настоящее время — доцент кафедры криминалистики) на тему «Использование компьютерных технологий при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота опасных психоактивных веществ».

Таким образом, можно сказать, что под руководством В. Б. Вехова фактически начала формироваться научная школа «Цифровая криминалистика».

Научные заслуги В. Б. Вехова неоднократно были отмечены на уровне МВД России, Следственного комитета Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, общественных организаций [12].

В настоящее время В. Б. Вехов продолжает педагогическую, научную и общественную работу [12], является членом редакционного совета рецензируемого научного журнала «Судебная экспертиза» Волгоградской академии МВД России. Изложенные в его научных трудах идеи служат основой для дальнейших научных разработок по обнаружению, изъятию и исследованию электронных носителей информации. Авторские материалы, подготовленные В. Б. Вехов ым, используются в Волгоградской академии МВД России в процессе повышения квалификации следователей, специализирующихся на расследовании IT-преступлений.

В. Б. Вехов является экспертом в области информационной безопасности Международного информационного агентства «Россия сегодня» («RT»), радиостанции «Спутник» и РИА Новости, тем самым воплощая научные постулаты Н. И. Кулагина о важности взаимодействия со средствами массовой информации в целях профилактики преступлений.

Конфуций говорил: «Если идут вместе три человека, то между ними непременно есть мой учитель, я избираю из них хорошего и следую за ним…» [13, VII. 22]. Н. И. Кулагина и В. Б. Вехова можно с полным правом считать такими учителями, поскольку они посвятили науке многие годы, внесли значительный вклад в ее развитие, заложили и на протяжении долгих лет поддерживали научные традиции кафедры:

идеалы исследовательской деятельности — изучение текущих потребностей правоприменительной практики в процессе взаимодействия со следователями и руководителями следственных подразделений, чтобы выявлять проблемы,

требующие разрешения, и определять пути их преодоления;

теоретические постулаты — акцентирование внимания в научных трудах на организационном аспекте расследования, важности научной организации труда и использовании в следственной работе информационных технологий;

практические схемы — активное участие в научном обеспечении потребностей практики, внедрение в работу результатов исследований, а также их использование в процессе повышения квалификации сотрудников следственных подразделений;

механизмы сохранения и трансляции научного опыта — участие в подготовке специалистов для органов внутренних дел и научно-педагогических кадров.

1. Ведомственный контроль в системе предварительного следствия органов внутренних дел: учеб. пособие / Н. И. Кулагин, П. В. Лемента, В. А. Карлеба, В. Г. Кравченко. Краснодар: Краснодар. юрид. ин-т МВД России, 2001. 142 с.

2. Кузнецов Л. В. Знакомьтесь: талант России Николай Кулагин: интервью // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2007. № 2 (5). С. 80—81.

3. Кулагин Н. И. Планирование расследования сложных многоэпизодных дел: учеб. пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1976. 63 с.

4. Кулагин Н. И., Сербулов А. М. Содержание и формы научной организации труда. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979. 110 с.

5. Организация следственной работы: учеб. пособие / В. С. Корнелюк, Н. И. Кулагин, А. В. Носов, В. Б. Вехов [и др.]. Москва: ЦОКР МВД России, 2009. 248 с.

6. Кулагин Н. И. Использование органами следствия средств массовой информации в профилактике преступлений: учеб. пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1971. 94 с.

7. Тюменцев А. Н. Основы взаимодействия современной российской полиции со средствами массовой информации: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2017. 138 с.

8. Вехов В. Б., Родин А. Ф. Использование компьютерных технологий в деятельности следователя: монография / под ред. проф. Б. П. Смагоринского. Волгоград: ВА МВД России, 2003. 156 с.

9. Вехов В. Б. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием пластиковых карт и их реквизитов: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2005. 276 с.

10. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и электронных средств платежа: учебник для вузов / отв. ред. С. В. Зуев, В. Б. Вехов. Москва: Юрайт, 2025. 243 с.

11. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / В. Б. Вехов [и др.]; под ред. В. Б. Вехова,

1. Kulagin N. I., Lement P. V., Karleba V. A., Kravchenko V. G. Departmental control in the preliminary investigation system of the internal affairs bodies. A textbook. Krasnodar: The Krasnodar Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2001: 142. (In Russ.).

2. Kuznetsov L. V. Get acquainted: Russia's talent Nikolay Kulagin: interview. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 80—81, 2007. (In Russ.).

3. Kulagin N. I. Planning investigation of complex multi-episode cases. A textbook. Volgograd: the Investigators Training College of the Ministry of the Interior of the USSR; 1976: 63. (In Russ.).

4. Kulagin N. I., Serbulov A. M. Content and forms of scientific organization of labor. Volgograd: the Investigators Training College of the Ministry of the Interior of the USSR; 1979: 110. (In Russ.).

5. Kornelyuk V. S., Kulagin N. I., Nosov A. V., Vekhov V. B. (et al.) Organization of investigative activity. A textbook. Moscow: Central research center of the Ministry of the Interior of Russia; 2009: 248. (In Russ.).

6. Kulagin N. I. Using mass media by investigative bodies in crime prevention. A textbook. Volgograd: the Investigators Training College of the Ministry of the Interior of the USSR; 1971: 94. (In Russ.).

7. Tyumentsev A. N. Fundamentals of interaction between the modern Russian police and mass media. A textbook. Volgograd: the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2017: 138. (In Russ.).

8. Vekhov V. B., Rodin A. F. Using computer technologies in the activity of an investigator. A monograph. Red. by prof. B. P. Smagorinsky. Volgograd: the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2003: 156. (In Russ.).

9. Vekhov V. B. Specifics of investigating crimes committed by using plastic cards and their details. A monograph. Volgograd: the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2005: 276. (In Russ.).

С. В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2025. 490 с.

12. Федулова А. Е. Юбилей профессора В. Б. Вехова // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 3 (65). С. 88—92.

13. Конфуций. Суждения и беседы / [пер. с кит. П. С. Попова]. Москва: Эксмо, 2024. 160 с.

10. Investigation of crimes related to computer information and electronic payment means. A textbook for universities. Red. by S. V. Zuyev, V. B. Vekhov. Moscow: Yurait; 2025: 243. (In Russ.).

11. Vekhov V. B. (et al.) Digital criminalistics. A textbook for universities. Red. by V. B. Vekhov, S. V. Zuyev. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Yurait; 2025: 490. (In Russ.).

12. Fedulova A. Ye. Anniversary of professor V. B. Vekhov. Legal science and law enforcement practice, 88—92, 2023. (In Russ.).

13. Confucius. Judgments and conversations. [Transl. from the Chinese by P. S. Popov]. Moscow: Eksmo; 2024: 160. (In Russ.).

Попова Ольга Александровна,
заместитель начальника кафедры
организации следственной работы
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
opopova57@mvd.ru

Popova Olga Alexandrovna,
deputy head of the department
of investigative activity organization
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the Internal Affairs Bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
opopova57@mvd.ru

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 15.06.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.98

ПРИМЕНЕНИЕ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ДЛЯ РАСКРЫТИЯ, РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: АНАЛИЗ УСПЕШНОГО ОПЫТА ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Григорий Михайлович Семененко*, Алексей Александрович Курин**
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
* grigorii_001@mail.ru
** aakurin@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается потенциал внедрения многофункциональных комплексов в практику сотрудников органов внутренних дел для повышения эффективности раскрытия, расследования и профилактики преступлений. Исследование опирается на положительный опыт использования учебно-научного криминалистического комплекса, разработанного кафедрой криминалистики Волгоградской академии МВД России в 2023 г. и успешно интегрированного в учебно-воспитательный процесс академии в 2024 г. в виде многофункционального комплекса «Передвижной мобильный центр следственно-оперативной группы».

Функциональные возможности данного комплекса были апробированы в ходе проведения следственно-оперативных мероприятий по запросам правоохранительных органов, а также в рамках учебных занятий по дисциплине «Криминалистика». В статье представлен детальный перечень задач, решаемых с использованием технической платформы «Передвижной мобильный центр следственно-оперативной группы», и определены условия его эффективного применения в оперативно-служебной деятельности.

Авторы статьи выделяют перспективные направления дальнейших научных исследований, требующие комплексного подхода и междисциплинарного взаимодействия. Эти направления включают разработку инновационных методик использования многофункциональных комплексов, а также изучение их влияния на повышение профессионального уровня сотрудников правоохранительных органов и улучшение качества расследования преступлений.

Ключевые слова: многофункциональный комплекс «Передвижной мобильный центр следственно-оперативной группы»; раскрытие, расследование, предупреждение преступлений

Для цитирования: Семененко Г. М., Курин А. А. Применение многофункциональных комплексов сотрудниками органов внутренних дел для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений: анализ успешного опыта Волгоградской академии МВД России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 154—161.

APPLICATION OF MULTIFUNCTIONAL COMPLEXES BY LAW ENFORCEMENT OFFICERS TO SOLVE, INVESTIGATE AND PREVENT CRIMES: ANALYSIS OF THE SUCCESSFUL EXPERIENCE OF THE VOLGOGRAD ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Grigory Mikhailovich Semenenko*, Alexey Alexandrovich Kurin**
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia
* grigorii_001@mail.ru
** aakurin@mail.ru

© Семененко Г. М., Курин А. А., 2025

Abstract. This article deals with the potential to integrate multifunctional complexes into the practice of law enforcement officers to improve the efficiency of solution, investigation and prevention of crimes. The study is based on the positive experience to use the educational and scientific forensic complex designed by the department of Forensic Science of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia in 2023. This complex was successfully integrated into the educational process of the academy in 2024 in the form of the multifunctional complex "Mobile center of the detective group".

The functional possibilities of this complex were tested during detective activities as a response to the request of law enforcement agencies, as well as at the training sessions on the subject of "Criminalistics". The article presents a detailed list of solved tasks by using the technical platform of the "Mobile center of the detective group" and defines the conditions for its effective use in detective activities.

The authors of the article highlight promising areas for further scientific research that require an integrated approach and interdisciplinary interaction. These areas include the development of innovative methods to use multifunctional complexes, as well as the study of their impact to improve both the professional level of law enforcement officers and the quality of crime investigation.

Keywords: multifunctional complex "Mobile center of the detective group"; solution, investigation, prevention of crimes

For citation: Semenenko G. M., Kurin A. A. Application of multifunctional complexes by law enforcement officers to solve, investigate and prevent crimes: analysis of the successful experience of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 154—161, 2025. (In Russ.).

В условиях стремительного развития технологического процесса необходимым условием эффективности работы сотрудников правоохранительных органов в борьбе с преступностью является активное использование современных информационно-телекоммуникационных систем и технологий, интегрированных в единую многофункциональную систему информационно-аналитического обеспечения деятельности органов внутренних дел.

Получение криминалистически значимой информации о событии преступления является ключевой задачей правоохранительных органов в рамках раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Решение данной задачи достигается, с одной стороны, за счет использования специальных знаний, с другой — за счет применения технико-криминалистических средств, позволяющих обнаруживать, фиксировать, изымать уголовно-релевантные объекты и следы и проводить их исследование. С помощью технико-криминалистических средств фиксируются аудиовизуальные, пространственно-временные, картографические и цифровые данные о событии преступления. Беспилотные авиационные системы, наземные и подводные роботизированные комплексы, включенные в процесс многофункциональной интеграции и работающие при поддержке технологий искусственного интеллекта, являются новым типом периферийных регистрирующих устройств. Внедрение в деятельность правоохранительных органов многофункциональных комплексов (далее — МК) направлено на качественные изменения в алгоритме и методах управления отдельными элементами, входящими в состав МК, для обеспечения высокой эффективности оперативно-служебной деятельности. Обработка значительных объемов текстовой, графической, аудиовизуальной информации требует значительных затрат времени и средств. Особый интерес представляет обработка многоформатных неструктурированных данных с использованием современных МК, позволяющих проводить аналитическую обработку криминалистически значимой информации, необходимой для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

В своем выступлении на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2024) Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил: «…пятое структурное изменение — это настоящая цифровая платформенная революция. В современных условиях производительность труда напрямую связана с цифровизацией, с использованием технологий искусственного интеллекта. К 2030 году нам предстоит сформировать цифровые платформы во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы»[1]. Применение МК, оснащенных системами ис-

[1] Путин призвал сформировать к 2030 году цифровые платформы во всех отраслях экономики: [выступление на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2024) Президента Российской Федерации В. В. Путина] // Известия: сайт. URL: https://iz.ru/1709123/2024-06-07/putin-prizval-

кусственного интеллекта, в значительной степени способствует повышению эффективности информационного обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Выступая на международной конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта», Президент Российской Федерации В. В. Путин обозначил: «…искусственный интеллект теперь понимает, анализирует даже трудно читаемые изображения и видеозаписи, несмотря на погодные условия и другие помехи, что открывает качественно иные возможности для робототехники, для создания беспилотных средств на земле, в воздухе и в водной среде»[1].

На необходимость использования в правоохранительной деятельности МК указывают нормы и положения Федерального закона РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в котором достаточно четко говорится о том, что органы правопорядка в своей деятельности обязаны использовать передовые научно-технические достижения. Кроме того, в ст. 6 Федерального закона РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» установлена возможность использования информационных систем, видео- и аудиозаписи, кино- и фотосъемки, а также других технических и иных средств в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий. Важным является положение о том, что данные технические средства не должны наносить ущерб жизни и здоровью людей и причинять вред окружающей среде.

Совершенствование МК определяется не только достижениями научно-технического прогресса, открывающего новые технологические возможности, но и глобальными социально-политическими изменениями, приобретающими в последнее время все более динамичный характер и оказывающими существенное влияние на обеспечение национальной безопасности [1].

Коллективом кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел (далее — УНК по ПС в ОВД) Волгоградской академии МВД России при участии обучающихся факультета подготовки следователей, факультета подготовки экспертов-криминалистов и оперативных сотрудников полиции в 2023 г. был разработан МК «Передвижной мобильный центр следственно-оперативной группы» (далее — ПМЦ СОГ) для использования в образовательном процессе в целях формирования у обучающихся навыков применения технико-криминалистических средств обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования следов (объектов) в рамках раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Разработка МК ПМЦ СОГ, от проекта до его реализации, осуществлялась педагогическим составом кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России в рамках работы научной школы «Исследование организационных, тактических и технико-криминалистических приемов, средств и методов предупреждения, раскрытия и расследования преступлений», возглавляемой профессором кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России заслуженным деятелем науки Российской Федерации доктором юридических наук, профессором Смагоринским Борисом Павловичем.

Основной задачей реализации проекта стала актуализация содержания образовательного процесса за счет создания функционального, удобного в эксплуатации МК ПМЦ СОГ, который является платформой для внедрения новых образовательных технологий, инновационных моделей в рамках комплексной модернизации технической базы образовательных учреждений системы МВД России. МК ПМЦ СОГ используется при реализации таких учебных дисциплин, как: «Криминалистика», «Участие специалиста в процессуальных действиях», «Исследование следов столкновения на транспортных средствах и месте ДТП», «Учение», «Предварительное следствие в ОВД», «Расследование преступлений против личности и собственности», «Расследование дорожно-транспортных преступлений». Материально-техническая база МК ПМЦ СОГ является основой для реализации практико-ориентированного подхода к подготовке сотрудников правоохранительных органов.

МК ПМЦ СОГ имеет оптимальную комплектацию, что способствует быстрому развертыванию в течение пяти минут после прибытия на место происшествия. Широкий спектр потенциальных задач, которые могут быть решены с использованием МК ПМЦ СОГ, определяет повышенные требования к функциональным возможностям соответствующих систем управления.

Опытный образец МК ПМЦ СОГ оснащен автоматизированными рабочими местами следователя,

---

sformirovat-k-2030-godu-tcifrovye-platformy-vo-vsekh-otrasliakh-ekonomiki (дата обращения: 20.03.2025).

[1] Выступление президента Российской Федерации В. В. Путина на международной конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» 11—13 декабря 2024 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/75830 11-13 (дата обращения: 24.03.2025).

оперативного сотрудника полиции и специалиста-криминалиста.

Задачи, решаемые в рамках производства отдельных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий с помощью МК ПМЦ СОГ, очень разнообразны. В зависимости от поставленных задач МК ПМЦ СОГ может быть применен в следующих случаях:

— получение и обработка информации, получаемой от средств фиксации (беспилотные воздушные суда (далее — БВС), наземные и подводные роботизированные комплексы), для принятия решения, а также привлечения приданных сил (МЧС России, скорая помощь) на место происшествия;

— осуществление контроля, фиксации и передачи данных, получаемых с БВС при проведении массовых мероприятий (футбольные матчи, демонстрации, концерты и праздничные мероприятия);

— сбор и анализ информации, получаемой с БВС на месте проведения поисковых мероприятий в отношении лиц, пропавших без вести, и т. д.;

— фиксация, обработка данных при решении комплексных задач в ходе проведения антитеррористических мероприятий;

— осуществление координации МК ПМЦ СОГ с дежурными частями территориальных органов внутренних дел при проведении оперативно-разыскных мероприятий;

— проведение следственных действий;

— проведение исследований на месте происшествия.

Приведенный перечень задач, решаемых за счет применения МК ПМЦ СОГ, не является исчерпывающим и может быть дополнен в зависимости от конкретной оперативной или следственной ситуации.

МК ПМЦ СОГ разработан на базе автомобиля ГАЗ-А64R42, который может эксплуатироваться в любых погодных условиях (при показателях температуры окружающего воздуха от −40 до +40 ˚С) в различное время суток в труднопроходимой местности. У автомобиля ГАЗ-А64R42 две двери, расположенные по правому борту, и панорамное остекление со сдвижными форточками с обеих сторон. Габариты передней поворотной одностворчатой двери с электроприводом 1890×550 мм, она обеспечивает не только вход / выход пассажиров, но и доступ водителя к рабочему месту. Задняя дверь (эвакуационная) крепится на металлических накладных петлях и открывается вручную. Для того чтобы осуществлять следственно-оперативные мероприятия в любых погодных условиях, автотранспортное средство оснащено выдвижной маркизой (навесом). На крыше автомобиля установлены дополнительные светодиодные фонари для работы в ночное время (рис. 1).

Рис. 1. МК ПМЦ СОГ на базе автомобиля ГАЗ-А64R42 в рабочем состоянии

Для выполнения различных функциональных задач, связанных с раскрытием, расследованием и предупреждением преступлений, МК ПМЦ СОГ оснащен следующими техническими средствами: БВС DJI Mavic 3, наземным и подводным дроном, микроскопом стереоскопическим панкратическим МСП-1 В.23, принтером ч/б А4 лазерным HP LaserJet P1102, ноутбуком Dell Inspiron 1501, жидкокристаллическим телевизором диагональю 32", Wi-Fi-роутером, складным столом, четырьмя складными стульями, стойками ограждения места происшествия, а также унифицированными криминалистическими комплектами «Криминалист», «Эксперт-У», «Артиф», «Стигат», «Пульсар». Кроме того, для бесперебойной работы в МК ПМЦ СОГ имеется бензогенератор (3,5 кВт) и инверторный преобразователь напряжения 12 / 220 В. Для работы в ночное время имеются светодиодные прожекторы на штативах 2×50 Вт. Внутри машины также установлены электрические обогреватели для работы при отрицательных температурах, а также сантехническая мойка для обеспечения максимально удобной работы специалиста-криминалиста при проведении исследований.

Оснащенность МК ПМЦ СОГ современным технико-криминалистическим оборудованием для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления способствует комфортной и эффективной работе следователя, оперуполномоченного, специалиста-криминалиста на месте происшествия и может модифицироваться в зависимости от поставленных задач.

С февраля по ноябрь 2024 г. МК ПМЦ СОГ был апробирован в ходе проведения следственно-оперативных и разыскных мероприятий по запросу ГУ МВД России по Волгоградской области и Следственного комитета Российской Федерации по Волгоградской области.

Так, по запросам ГУ МВД России по Волгоградской области 29 марта, 4 и 17 апреля 2024 г. курсанты второго и третьего курсов факультета подготовки следователей, факультета подготовки экспертов-криминалистов и оперативных сотрудников полиции при участии начальника кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России в рамках учебно-воспитательного процесса участвовали в осмотрах мест происшествий и в оперативно-разыскных мероприятиях с использованием БВС, включенных в реестр (присвоен серийный номер и учетный опознавательный знак, наличие страховки), в Новоаннинском, Котовском, Ольховском районах Волгоградской области в рамках раскрытия и расследования преступлений (рис. 2).

Рис. 2. Участие обучающихся Волгоградской академии МВД России в осмотре мест происшествия с использованием МК ПМЦ СОГ и БВС

В оперативно-разыскных мероприятиях были задействованы обучающиеся Волгоградской академии МВД России, сотрудники правоохранительных органов ГУ МВД России по Волгоградской области, сотрудники МЧС России по Волгоградской области, сотрудники Следственного комитета Российской Федерации по Волгоградской области, а также волонтеры.

К занятиям привлекались сотрудники, прошедшие специальную подготовку и допущенные к выполнению самостоятельных полетов в качестве внешних пилотов-инструкторов.

Волгоградская академия МВД России укомплектована многофункциональными БВС, прошедшими государственную регистрацию государственных воздушных судов в Министерстве обороны Российской Федерации и получившими учетные опознавательные знаки. В соответствии со ст. 131 Воздушного кодекса Российской Федерации осуществлено страхование ответственности Волгоградской академии МВД России перед третьими лицами за вред, причиненный жизни или здоровью или имуществу третьих лиц при эксплуатации БВС, принадлежащих Волгоградской академии МВД России.

При подготовке к проведению следственно-оперативных мероприятий с использованием БВС требуется согласование полетов с Ростовским региональным центром Единой системы организации воздушного движения Российской Федерации. Для этого в центр передаются географические координаты, высота, время начала и завершения использования воздушного пространства. Полеты проводятся при строгом соблюдении правил использования воздушного пространства и мер безопасности в полном соответствии с законодательством Российской Федерации. В соответствии со ст. 48, 49 Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138, были получены разрешения на полеты БВС, эксплуатируемых Волгоградской академией МВД России, в муниципальных районах Волгоградской области, а также на посадку (взлет) на расположенных в границах муниципального района площадках, сведения о которых не опубликованы в документах аэронавигационной информации. В соответствии с п. 1 ст. 22 Воздушного кодекса Российской Федерации БВС, эксплуатируемые Волгоградской академией МВД России, относятся к государственной авиации специального назначения, используемой федеральным органом исполнительной власти. На полеты данных воздушных судов не распространяются требования, предъявляемые к гражданской авиации, включая ограничения, введенные постановлением Губернатора Волгоградской области от 28 декабря 2022 г. № 799 «О реализации Указа Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756». Кроме того, в соответствии с п. 3 ст. 2 Федерального закона РФ от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» действие административных регламентов по предоставлению муниципальных услуг, включая выдачу разрешений на полеты БВС в границах населенных пунктов, на деятельность органов внутренних дел Российской Федерации не распространяется.

Обучающиеся, принимающие участие в следственных мероприятиях, прошли подготовку в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой промышленности. Создание законченных проектно-конструкторских решений в режиме соревнований „Кибердром“» по программе «Оператор беспилотных авиационных систем (с максимальной взлетной массой 30 килограммов и менее)» на образовательной платформе EDU.CYBERDROM.RU. Проверка уровня подготовленности обучающихся осуществляется в рамках конкурсно-оценочных и поисковых мероприятий.

Так, по итогам всероссийского проекта «Кибердром-2024» команда Волгоградской академии МВД России заняла третье место.

По запросу Следственного отдела по Калачевскому району Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Волгоградской области сотрудники ГУ МЧС России по Волгоградской области, транспортной полиции Волгоградской области курсанты Волгоградской академии МВД России приняли участие в осмотре места происшествия в Калачевском районе Волгоградской области с применением подводных дронов, входящих в состав МК ПМЦ СОГ.

В ходе поисковых мероприятий было обследовано более 5 км акватории реки Дон, задействовано до восьми беспилотных воздушных судов DJI и два подводных дрона Chasing Gladius Mini S Yellow. Сотрудникам следственного отдела по Калачевскому району Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации

по Волгоградской области передано 10 Гб отснятого материала. В ходе проведенных поисковых мероприятий был обнаружен автомобиль Renault Duster.

Рис. 3. Участие обучающихся Волгоградской академии МВД России в осмотре места происшествия с использованием МК ПМЦ СОГ и подводных дронов

Таким образом, применение МК ПМЦ СОГ при проведении следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий обеспечивает высокую результативность, о чем свидетельствуют положительные отзывы со стороны сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации. Если говорить об эффективности и точности выполнения задач, связанных с проведением оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, то алгоритмы применения МК ПМЦ СОГ позволяют собирать и обрабатывать оперативно значимую информацию в режиме реального времени, а также получать данные с труднопроходимых участков местности, где жизни и здоровью сотрудников правоохранительных органов может угрожать опасность. Именно поэтому оперативные решения можно принимать незамедлительно, находясь в МК ПМЦ СОГ.

Внедрение и эксплуатация современных технико-криминалистических средств, совершенствование тактики производства отдельных следственных действий с их использованием продиктованы жизненной необходимостью, которая проявляется в защите прав и свобод граждан, их жизни и здоровья от преступных посягательств. Применение современных технологий имеет огромный потенциал в части технико-криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Среди современных возможностей МК следует отметить передачу и получение информации в режиме реального времени о ситуации, связанной с общественным порядком, о событиях преступлений с разрешением 4К и выше, фиксацию места происшествия, проведение поисковых, а также оперативно-разыскных мероприятий. Полученная информация оперативно загружается и передается в дежурную часть для ее проверки с использованием информационно-аналитических систем, в том числе на основе искусственного интеллекта.

МК обладают широким спектром применения в решении задач органов предварительного следствия, дознания, оперативно-разыскных и экспертно-криминалистических подразделений МВД России, службы участковых уполномоченных полиции, подразделений ГИБДД. Использование возможностей

МК образовательными организациями МВД России способствует быстрой профессиональной адаптации обучающихся, а при взаимодействии с указанными выше подразделениями — быстрому и эффективному раскрытию и расследованию преступлений. Данное направление деятельности является перспективным не только для образовательных организаций МВД России, но и системы МВД России в целом.

1. Семененко Г. М., Бобовкин С. М., Базулина А. А. Использование современных специализированных программных комплексов при производстве автотехнических экспертиз при расследовании дорожно-транспортных происшествий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 113—122.

1. Semenenko G. M., Bobovkin S. M., Bazulina A. A. Use of modern specialized software packages while making auto-technical examinations in the road accidents investigation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 113—122, 2023. (In Russ.).

Семененко Григорий Михайлович,
начальник кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
grigorii_001@mail.ru

Курин Алексей Александрович,
заместитель начальника
кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат технических наук, доцент;
aakurin@mail.ru

Semenenko Grigory Mikhailovich,
head of the department of criminalistics
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the Internal Affairs Bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
grigorii_001@mail.ru

Kurin Alexey Alexandrovich,
deputy head of the department of criminalistics
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the Internal Affairs Bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of technical sciences, docent;
aakurin@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.05.2025; одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 07.05.2025; approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 340.69-05

ПРОФЕССОР АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ ЕГОРОВ: ПОЛВЕКА СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ

ОЧЕРК К 80-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Ольга Викторовна Сидоренко*, Юлия Сергеевна Середа**
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
* olgasidorenko76@yandex.ru
** jylia2412@gmail.com

Аннотация. Достигая определенного жизненного этапа, мы останавливаемся, анализируем события, наполнившие его, и понимаем, что добились результатов, дающих нам возможность двигаться дальше.

Личный опыт ветеранов органов внутренних дел — ценнейший ресурс, сформированный на стыке служебной повседневности и жизненного познания.

В статье представлены сведения из жизни профессора Александра Георгиевича Егорова, отметившего 28 июня 2025 г. 80-летний юбилей, некоторые факты служебной биографии — сначала молодого солдата, а впоследствии успешного генерала, — в том числе в органах внутренних дел.

Ветеран органов внутренних дел и Волгоградской академии МВД России, чья профессиональная деятельность стала весомым вкладом в экспертно-криминалистическую профессию, является одним из ведущих в стране специалистов в области судебной баллистики и баллистической экспертизы. На основе архивных материалов, интервью и официальных документов проанализирован и реконструирован жизненный путь профессора А. Г. Егорова, включая мотивы выбора им профессии, успехи в служебной и общественной деятельности, а также профессиональный опыт и навыки.

Представленные сведения раскрывают роль конкретной личности в деле служения Отечеству, подготовки высококвалифицированных специалистов для органов внутренних дел, а также показывают связь между индивидуальным опытом и коллективной памятью ведомства.

Ключевые слова: ветеран МВД, биография, этапы становления, правоохранительная система, ученый-правовед, экспертно-криминалистическая деятельность, судебная баллистика и баллистическая экспертиза, музей А. Г. Егорова

Для цитирования: Сидоренко О. В., Середа Ю. С. Профессор Александр Георгиевич Егоров: полвека служения Отечеству. Очерк к 80-летнему юбилею // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 162—168.

PROFESSOR ALEXANDER GEORGIEVICH YEGOROV: HALF A CENTURY OF SERVICE TO THE FATHERLAND

ESSAY FOR THE 80TH ANNIVERSARY

Olga Victorovna Sidorenko*, Yulia Sergeyevna Sereda**
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia
* olgasidorenko76@yandex.ru
** jylia2412@gmail.com

Abstract. Reaching a certain stage in life, we make a pause, analyze its events, and understand we have succeeded. It gives us an opportunity to move forward.

The personal experience of veterans in the internal affairs agencies is a valuable resource, formed at the intersection of everyday service and life's knowledge.

© Сидоренко О. В., Середа Ю. С., 2025

This article deals with information related to Alexander Georgievich Yegorov, a Professor, who celebrated his 80th birthday on June 28, 2025. It presents some facts on the young soldier and later a successful general service, including in the internal affairs agencies.

Being a veteran of the Ministry of the Interior and the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, whose professional activities have made a significant contribution to the forensic science profession, he is one of the country's leading experts in forensic ballistics and ballistic examination sphere. Based on archival materials, interviews, and official documents, this article analyzes and reconstructs Professor A. G. Yegorov life, including his motivation to choose his profession, his success in career and public activities, as well as his professional experience and skills.

Presented information reveals the role of a specific individual in serving the Fatherland, training highly qualified specialists for the internal affairs agencies, and shows the connection between individual experience and the collective memory of the branch.

Keywords: Ministry of the Interior veteran, biography, stages of development, law enforcement system, legal scholar, forensic science activity, forensic ballistics and ballistic examination, A. G. Yegorov's Museum

For citation: Sidorenko O. V., Sereda Yu. S. Professor Alexander Georgievich Yegorov: half a century of service to the Fatherland. Essay for the 80th anniversary. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 162—168, 2025. (In Russ.).

Жизненный путь профессора кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России генерал-майора милиции в отставке Александра Георгиевича Егорова — один из примеров бескорыстного служения Отечеству и верности семейным традициям.

А. Г. Егоров родился 28 июня 1945 г. в станице Кумылженской Сталинградской области [1, с. 76]. Его родители — Георгий Ефимович и Федосия Анфимовна — служили в НКВД СССР. Это явилось для сына примером и предопределило годы спустя его дальнейшую судьбу.

Служить Родине Александр Георгиевич начал шестьдесят лет назад, в 1964 г., когда был призван на действительную воинскую службу в пограничные войска КГБ СССР. Убежденность в том, что именно армия делает из безусых мальчишек настоящих мужчин — смелых, закаленных, умеющих защищать свою землю и семью — позволила ему стойко преодолевать жизненные препятствия. Подтверждением высокой оценки качеств старшины заставы А. Г. Егорова стали знаки «Отличник Советской Армии» и «Отличный пограничник», которыми он был награжден.

Демобилизовавшись, А. Г. Егоров, по примеру родителей, принял решение посвятить жизнь служению Родине. Его становление как профессионала началось с получения базового образования в области правоведения в Саратовском юридическом институте имени Д. И. Курского. Из 227 выпускников 1972 г. 180 получили направления на службу в милицию. Среди них был и А. Г. Егоров.

Практическая деятельность Александра Георгиевича в качестве эксперта-криминалиста началась в 1972 г. в территориальном подразделении Вольского ГОВД Саратовской области. Здесь он зарекомендовал себя отличным экспертом-криминалистом, раскрывая преступления с помощью разнообразных эффективных средств и методов. Например, только за первый год службы в районе в условиях полной оперативной неосведомленности он раскрыл 13 различных преступлений.

Способности А. Г. Егорова были высоко оценены. Через два года его службы он поступил в заочную

аспирантуру Саратовского юридического института. Когда завершилось обучение в аспирантуре, Александр Георгиевич, приняв решение посвятить себя научной и педагогической работе, подал рапорт с просьбой о переводе в Высшую следственную школу МВД СССР. Руководство УВД Саратовской области пошло навстречу молодому специалисту, и в 1977 г. Александр Георгиевич вместе с семьей переехал для прохождения службы в Волгоград, приступил к новому для него виду деятельности, став преподавателем кафедры трасологии и баллистики Высшей следственной школы МВД СССР.

Практические навыки и научные изыскания, проводимые в области оружиеведения, позволили Александру Георгиевичу изложить основные выводы своих исследований в диссертационной работе на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Определение дистанции и направления выстрела по делам, связанным с применением дробовых охотничьих ружей», выполненной под научным руководством известного ученого-криминалиста, доцента кафедры криминалистики Саратовского юридического института имени Д. И. Курского Владимира Васильевича Степанова — впоследствии заслуженного юриста Российской Федерации, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, профессора, подготовившего 56 учеников, защитивших диссертации на соискание ученых степеней кандидатов и докторов юридических наук.

Содержание диссертации было ориентировано на разрешение спорных вопросов экспертной практики в области исследования оружия, совершенствование имеющихся методик и разработку нового методического обеспечения в интересах экспертно-криминалистической службы.

В июне 1982 г. состоялась успешная защита диссертации. Результаты исследования А. Г. Егорова нашли применение в практической деятельности экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов и образовательных организаций МВД России.

В дальнейшем, в 1982—1992 гг., А. Г. Егоров последовательно занимал должности старшего преподавателя, доцента, начальника кафедры криминалистики и экспертно-криминалистических дисциплин в Высшей следственной школе МВД СССР.

Осознавая важность проведения научных исследований, способствовавших развитию криминалистической науки, Александр Георгиевич постоянно самосовершенствовался. Так, в 1989 г. в составе первой делегации представлял учебные заведения МВД СССР в ФРГ, в 1990 г. — на Кавказе.

Когда в 1992 г. в г. Саратове создавалось учебное заведение для подготовки экспертов-криминалистов — Саратовская высшая школа МВД России, его руководитель, Ф. А. Григорьев, пригласил А. Г. Егорова на должность своего заместителя по научной работе. Трудно было расставаться с Волгоградом, но новая работа открывала перспективы развития и карьерного роста.

Активно включившись в работу по формированию профессорско-преподавательского состава нового вуза, Александр Георгиевич подбирал педагогические кадры из числа кандидатов и докторов наук, прежде работавших в закрывавшихся к тому моменту повсеместно научно-исследовательских институтах и лабораториях. Новые сотрудники направлялись на переподготовку в г. Волгоград, в Высшую следственную школу МВД России, для получения права производства соответствующих видов экспертиз.

Совершенствуя потенциал образовательного учреждения, А. Г. Егоров инициировал организацию и проведение сборов экспертов-взрывотехников, осуществлявшихся дважды на базе Саратовского юридического института МВД России сотрудниками ФБР США. Приобретению практического опыта и повышению квалификации способствовали значимые мероприятия, проводившиеся в ФРГ и США: на них А. Г. Егоров наряду с делегатами других учебных заведений и практических органов МВД России представлял интересы страны.

Трудясь на педагогическом поприще, Александр Георгиевич зарекомендовал себя как хороший, ответственный специалист — не только преподаватель, но и руководитель. Поэтому, уходя в отставку, Федор Андреевич Григорьев, возглавлявший Саратовскую школу милиции, рекомендовал на свое место А. Г. Егорова.

Назначенный в 1996 г. руководителем Саратовского юридического института МВД России А. Г. Егоров определил для себя как основные задачи подготовку высококвалифицированных специалистов для МВД России и передачу практического и научного опыта ученикам.

Часто Александр Георгиевич произносит особенные, точные слова порядочного и грамотного руководителя: «Я хорошо сознаю, что молодые уже „дышат в спину“. Так и должно быть. Это нормально. Но пока человек может приносить пользу, он должен ее приносить. Главное — не стать тор-

мозом. Ну, а уж если случится, надо найти в себе силы и уступить место другим. Таков закон жизни. Я ему сопротивляться не буду. Главное — не потерять к этой жизни интерес».

В 2001 г. А. Г. Егоров, к тому времени уже генерал-майор милиции, принял решение выйти в отставку. Ему принадлежит фраза: «Все в этом мире изменения — к лучшему, кроме болезни и смерти». У него не было никаких сомнений в том, что дело и для него найдется — такое, что востребует его знания, умения, огромный опыт.

Начался новый виток его педагогической, организационной и научной деятельности — уже в стенах Волгоградского государственного университета. Будучи деканом юридического факультета, профессором кафедры уголовного процесса и криминалистики, А. Г. Егоров передавал накопленный опыт студентам.

В 2011 г. Александр Георгиевич вернулся в родной для него вуз, переименованный в Волгоградский юридический институт, а впоследствии — в Волгоградскую академию МВД России. Здесь он продолжает трудиться и сегодня, передает свои знания экспертам, получающим допуск на право самостоятельного производства баллистических экспертиз и исследований.

Профессор А. Г. Егоров активно занимается научной деятельностью, подготовил более 40 научных работ, среди которых 7 учебников. Работоспособность и профессионализм позволили ученому реализоваться и в качестве методиста. Он является соавтором фундаментальных трудов «Криминалистика», «Уголовный процесс» с грифами МВД России и УМО «Юриспруденция». Под его редакцией и при его участии в составе авторского коллектива подготовлены и выпущены с грифом Министерства образования России учебники «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза», «Криминалистическая экспертиза холодного оружия», «Криминалистическая фотография», «Судебная фотография», «Трасология».

Среди разных трудов Александра Георгиевича хочется выделить учебник «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза», подготовленный и изданный в 1998 г. в Саратовском юридическом институте МВД России [2], являющийся одним из основных при подготовке по этой дисциплине. Теоретический материал изложен в нем доступно. Поэтапное погружение в дисциплину способствует пониманию содержания изучаемой криминалистической области, овладению специфической терминологией и нахождению решений поставленных экспертных задач.

О научных достижениях профессора А. Г. Егорова свидетельствует его работа с учениками — продолжателями избранного им направления в науке — криминалистики: под его руководством 14 человек защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

С 1999 г. Александр Георгиевич координировал исследовательскую деятельность молодых ученых, которые внесли свой вклад в криминалистическую науку и способствовали ее дальнейшему развитию. Одной из первых учениц стала Л. А. Рычкалова с диссертационной работой «Лингвистические и методические аспекты криминалистического исследования фонограмм речи лиц, владеющих тюркско-русским двуязычием». В автореферате, переданном руководителю, она написала: «Дорогому Александру Георгиевичу, талантливому эксперту и „крестному“ отцу с уважением» [3]. Такие слова говорят о признании и раскрывают внутренние качества наставника — человека внимательного, порядочного, увлеченного, «горящего» идеями — учеников и своими — и находящего время для их реализации.

Г. И. Курин под руководством А. Г. Егорова изучал проблемную область самодельных взрывных устройств и в 1999 г. защитил диссертацию «Криминалистические исследования по реконструкции самодельных осколочных взрывных устройств по следам их воздействия на окружающую обстановку» [4]. Опытный наставник поддерживал молодого криминалиста при подготовке работы и ее защите. В настоящее время Г. И. Курин, авторитетный педагог и ученый, передает свои знания молодым специалистам, трудясь на кафедре основ экспертно-криминалистической деятельности в Волгоградской академии МВД России.

Одним из первых «защитившихся» учеников Александра Георгиевича стал Д. С. Коровкин. Его исследование «Основы криминалистического учения о метательном неогнестрельном оружии» актуально и в современном обществе: это оружие является эффективным, менее затратным в изготовлении и позволяет оградить себя от преступных посягательств [5, с. 3].

Диссертационные исследования учеников профессора А. Г. Егорова позволяют представить колоссальный объем работы, проделанной молодыми учеными и их научным руководителем:

— Погребной А. А., «Диагностические исследования ручного огнестрельного оружия и их применение в доказывании» (2000 г.);

— Переверзев М. М., «Негативные обстоятельства, связанные с применением огнестрельного оружия» (2001 г.);

— Ситников А. А., «Криминалистическое исследование огнестрельного оружия, снабженного устройством подавления звука, и следов его применения» (2002 г.);

— Шорин И. Ю., «Криминалистические аспекты борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием дистанционно-управляемых взрывных устройств» (2002 г.);

— Буря Д. А., «Криминалистическое исследование боеприпасов к ручному огнестрельному оружию и их элементов» (2002 г.);

— Савватеева Е. Е., «Экспертные исследования следов на одежде и следов одежды, изготовленной по современным технологиям» (2004 г.);

— Рывкин С. Ю., «Особенности расследования и предупреждения убийств, совершенных военнослужащими» (2005 г.);

— Яковлева О. А., «Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования экологических преступлений, связанных с нарушением правил охраны окружающей среды при производстве работ» (2005 г.);

— Кудинова Н. С., «Судебная механоскопическая экспертиза производственно-технологических следов лазерной размерной обработки и маркировки» (2006 г.);

— Селезнева Е. А., «Технико-криминалистическое обеспечение выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в сбыт наркотиков» (2007 г.);

— Челобитчиков М. Е., «Выявление и первоначальный этап расследования заранее не обещанных укрывательств убийств» (2013 г.).

Александр Георгиевич активно выступал и в качестве официального оппонента по диссертациям, 15 из которых впоследствии были успешно защищены.

Личность А. Г. Егорова — пример как для сотрудников, так и для обучающихся, приезжающих из разных уголков России и иностранных государств, чтобы повысить свою квалификацию. Мотивированный специалист, всегда готовый вести предметный разговор в исследуемой области, он стремится донести свои знания до слушателей, только начинающих овладевать сложной профессией. Доступное и легкое общение базируется на индивидуальном подходе преподавателя к каждому.

Государство высоко оценило достижения Александра Георгиевича. Так, за заслуги в развитии юридических наук на базе отечественных юридических школ, подготовке квалифицированных юридических кадров, формировании правового государства и совершенствовании национального российского законодательства Указом Президента РФ ему было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

За значительные успехи в организации и совершенствовании образовательного процесса, в практической подготовке студентов, аспирантов и слушателей, руководство научно-исследовательской и проектно-конструкторской деятельностью обучающихся профессор А. Г. Егоров был удостоен звания «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Александр Георгиевич также награжден медалью «Ветеран труда», медалями МВД СССР и России «За безупречную службу» трех степеней, «200 лет МВД России».

В своем почтенном возрасте генерал (так называют его коллеги) являет многим поколениям сотрудников органов внутренних дел пример любви к своей профессии, уважения интересов Родины и безупречного знания ее истории. Эта позиция становится очевидной, когда Александр Георгиевич общается на уроках мужества с обучающимися, рассказывает им об истории родного края, о сражениях времен Великой Отечественной войны, Сталинградской битве. Нет такого места в Волгоградской области, о котором не смог бы рассказать Александр Георгиевич. Способствует этому личное хобби — коллекционирование артефактов времен Второй мировой войны. Уникальное это собрание неоднократно становилось предметом обсуждения представителей СМИ. Экспонаты можно найти в доме и во дворе А. Г. Егорова. Множество из них — предметы амуниции и вооружения противоборствующих армий тех лет. К последним приобретениям можно отнести объекты русской полевой кухни кавалерийского образца 1939 г. и русской пехотно-артиллерийской кухни 1939 г., найденные в Волгоградской области за р. Дон; большую ротную немецкую кухню 1913 г.; медицинскую двуколку, внутри которой расположен пулемет «Максим» образца 1920—1922 гг.; немецкую «Шасси А-1-9», предназначенную для перевозки двух двухсотлитровых бочек с топли-

вом, и немецкий минометный возок для перевозки разобранного 8-см немецкого тяжелого миномета, 48 мин к нему и многие другие.

Особое впечатление на посетителей музея производят манекены, одетые в форму советских и немецких солдат, в точности повторяющую настоящую, а в некоторых случаях таковой и являющуюся — от фуражки до ботинок, ремней, перчаток, значков и даже рюкзаков — как у солдат военных лет.

Коллекционирование вещей, найденных на территории Волгоградской области спустя многие годы после ожесточенных боев или приобретенных у других людей, связано с желанием сохранить память о великом подвиге народа. Александр Георгиевич своими руками реставрирует все поступающие в его собрание экспонаты.

К увлечениям Александра Георгиевича можно отнести охоту. В свои 80 лет он поддерживает не только остроту ума, профессиональную квалификацию, но и спортивную форму, уделяет время длительным пешим прогулкам и передвижению на велосипеде.

В личной жизни Александр Георгиевич счастливый семьянин — любящий муж, отец и дед. Супруга Лидия Андреевна поддерживает мужа во всех начинаниях. Их дочь Наталья пошла по стопам отца и продолжила семейную традицию — стала доктором юридических наук, профессором кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД, полковником полиции. Внучка Татьяна также выбрала профессию юриста.

Александр Георгиевич, ценящий в людях обязательность, честность, ум и доброту, сам заключает в себе эти качества. Он порядочный человек и достойный офицер. Про таких говорят: «Успешные люди успешны во всем». «Хорошо там, где я есть, а если будет плохо, я сам сделаю себе и окружающим хорошо», — его жизненное кредо [1, с. 77].

Великая честь — быть лично знакомыми с такими людьми, не узнавать об их достижениях с помощью современных средств получения информации, а иметь возможность перенимать их опыт при непосредственном общении, делиться им с сотрудниками территориальных подразделений органов внутренних дел.

1. Генералы. Отчизны верные сыны: [альбом] / гл. ред. О. Черкасова. Волгоград: Изд. дом «Волгоград», 2014. 168 с.

2. Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза: учебник / А. В. Стальмахов, А. М. Сумарока, А. Г. Егоров, А. Г. Сухарев; под общ. ред. А. Г. Егорова. Саратов: СЮИ МВД России, 1998. 176 с.

3. Рычкалова Л. А. Лингвистические и методические аспекты криминалистического исследования фонограмм речи лиц, владеющих тюркско-русским двуязычием: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 23 с.

4. Курин Г. И. Криминалистические исследования по реконструкции самодельных осколочных взрывных устройств по следам их воздействия на окружающую обстановку: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. 20 с.

5. Коровкин Д. С. Основы криминалистического учения о метательном неогнестрельном оружии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 26 с.

1. Generals. Loyal sons of the Fatherland. [Album]. Gen. ed. O. Cherkasova. Volgograd: Volgograd Publishing House; 2014: 168. (In Russ).

2. Stalmakhov A. V., Sumaroka A. M., Yegorov A. G. (et. al.) Forensic ballistics and forensic ballistic examination. Textbook. Red. by A. G. Yegorov. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 1998: 176. (In Russ).

3. Rychkalova L. A. Linguistic and methodological aspects of forensic examination of speech phonograms of persons speaking Turkish-Russian bilingualism. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov; 1999: 23. (In Russ).

4. Kurin G. I. Forensic studies to reconstruct improvised fragmental explosive devices based on traces of their influence on the environment. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 1999: 20. (In Russ).

5. Korovkin D. S. Fundamentals of forensic theory of throwing non-firearms. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov; 1999: 26. (In Russ).

Сидоренко Ольга Викторовна,
начальник кафедры основ
экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
olgasidorenko76@yandex.ru

Sidorenko Olga Victorovna,
head of the department
of fundamentals of forensic activity
of the educational and scientific complex
of forensic activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical science, docent;
olgasidorenko76@yandex.ru

Середа Юлия Сергеевна,
старший преподаватель кафедры основ
экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России;
jylia2412@gmail.com

Sereda Yulia Sergeyevna,
senior lecturer of the department
of fundamentals of forensic activity
of the educational and scientific complex
of forensic activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
jylia2412@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.06.2025; одобрена после рецензирования 15.06.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 05.06.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.2-05

УЧЕНЫЙ, УЧИТЕЛЬ, КОЛЛЕГА! (СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА МАЛЬЦЕВА)

Олег Валентинович Стрилец
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
oleg-strilez@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена памяти выдающегося российского ученого Василия Васильевича Мальцева. В ней рассматривается его путь от простого рабочего до доктора юридических наук, профессора и заслуженного юриста Российской Федерации. Быть ученым значит не только обладать обширными знаниями, но и неустанно искать истину, подвергать сомнению общепринятые догмы и генерировать новые идеи. Это призвание, требующее глубокой преданности, непоколебимой воли и постоянного стремления к совершенству.

Основное внимание уделено его значительному вкладу в развитие уголовного права, включая формирование самостоятельного научного направления, руководство 15 кандидатскими диссертациями. В. В. Мальцев являлся проводником, освещающим путь новым поколениям исследователей. Он не только передавал накопленные знания, но и вдохновлял своих учеников на собственные открытия, помогал им раскрыть свой научный потенциал. Василий Васильевич был не просто учителем, он был другом и критиком, умеющим разглядеть в каждом искру таланта и раздуть ее в яркое пламя научного поиска.

Подчеркивается значение его ключевых монографий, а также авторство более 250 научных работ, имеющих существенное значение для уголовно-правовой теории. Автор характеризует В. В. Мальцева как принципиального ученого, талантливого наставника, чьи труды и незыблемый авторитет оставили глубокий след в сердцах коллег и учеников.

Ключевые слова: ученый, человек, учитель, коллега, юрист, наука, уголовное право, диссертации, профессор, монографии, научные исследования

Для цитирования: Стрилец О. В. Ученый, учитель, коллега! (Светлой памяти Василия Васильевича Мальцева) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 169—174.

SCIENTIST, TEACHER, COLLEAGUE! (TO CHERISHED MEMORY OF VASILY VASILIYEVICH MALTSEV)

Oleg Valentinovich Strilets
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, oleg-strilez@rambler.ru

Abstract. The given article is devoted to the memory of Vasily Vasiliyevich Maltsev, the outstanding Russian scientist. It deals with his professional way from a simple worker to a doctor of juridical sciences, a professor and Honored Lawyer of the Russian Federation. Being a scientist means not only to possess comprehensive knowledge, but also to seek for the truth tirelessly, to bring accepted dogmas into a question as well as to generate new ideas. This mission requires deep dedication, unwavering will and constant aiming at perfection.

This article focuses on his great contribution to the development of criminal law including the formation of an independent scientific approach and the supervision of 15 dissertations of candidate of juridical sciences. V. V. Maltsev is considered to be as a guide, determining the way for new generations of researchers. He shared his accumulated knowledge and inspired his students to make their own discoveries helping them realize their scientific potential. Vasily Vasiliyevich was more than just a teacher was; he was a friend and a critic to be able to discern some spark of a talent in everyone and fan it into the bright flame of scientific research.

In the given article one considers the importance of his key monographs as well as his authorship of over 250 scientific works of significant importance to the criminal law theory on the whole. The author of this article

© Стрилец О. В., 2025

characterizes V. V. Maltsev as a principled scientist and talented mentor whose works and sacrosanct authority left a deep impression in the hearts of colleagues and students.

Keywords: a scientist, a man, a teacher, a colleague, a lawyer, science, criminal law, dissertations, a professor, monographs, scientific research

For citation: Strilets O. V. Scientist, teacher, colleague! (To cherished memory of Vasily Vasiliyevich Maltsev). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 169—174, 2025. (In Russ.).

Восемь лет минуло с того дня, когда оборвалась жизнь выдающегося ученого и замечательного человека, а привыкнуть к тому, что писать и говорить о нем нужно в прошедшем времени, просто невыносимо.

О Василии Васильевиче Мальцеве, как то и бывает, начинаешь по-настоящему задумываться лишь тогда, когда тишина, оставшаяся после его ухода, вдруг оглушает осознанием: вот кого тебе будет не хватать, вот кто был необходим. Индийская пословица справедливо гласит: «Когда умирает ученый — умирает мир» [1].

Рожденный в знаменательный день 7 ноября 1950 г., когда страна отмечала годовщину революции, он словно вобрал в себя бурный заряд эпохи, став воплощением неутомимого труда и искрометного творческого дара. Его энергия, казалось, бьет ключом, питая неутолимую жажду знаний и самосовершенствования. Детство его прошло в скромной, но дружной семье: отец работал в органах внутренних дел, мать всю жизнь трудилась рабочей. Василий Васильевич всегда говорил, что трудолюбие и честность почитались в семье превыше всего. Эти ценности он пронес через всю жизнь, сделав их фундаментом своего успеха.

После окончания средней школы В. В. Мальцев пошел по стопам матери и работал слесарем на одном из заводов своего родного края. В 1968 г. поступил на дневное отделение юридического факультета Пермского государственного университета имени А. М. Горького.

В школьные и студенческие годы он увлекался шахматами, был кандидатом в мастера спорта СССР по шахматам. Для Василия Васильевича шахматы были не просто хобби, это часть его личности, закалившая характер и научившая стратегическому мышлению.

В 1974 г., успешно окончив учебное заведение, он начинает работать юристом. Вчерашний студент, еще недавно корпевший над учебниками и конспектами, стал адвокатом в юридической консультации г. Соликамска Пермской области, готовый применить полученные знания на практике.

Несмотря на все трудности и препятствия, связанные с практической деятельностью, В. В. Мальцев, как истинный ученый и талантливый человек, продолжает заниматься своим любимым делом — наукой. Он понимает, что наука — это тернистый путь, полный проб и ошибок, но именно они, как ни парадоксально, ведут к новым открытиям и прорывам. Это позволяет ему в июле 1981 г. защитить в Свердловском юридическом институте диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Пределы учета преступных последствий при конструировании санкций уголовно-правовых норм и назначении наказания».

Высокий уровень профессионализма, целеустремленность и научная эрудиция дает возможность Василию Васильевичу в 1993 г. защитить диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве».

В 1997 г. ему было присвоено звание профессора кафедры уголовного права, что стало признанием его глубоких познаний и значительного вклада в эту область права.

С 1981 г. судьба В. В. Мальцева неразрывно сплетена с Высшей следственной школой МВД СССР, впоследствии ставшей Волгоградским юридическим институтом МВД России, а затем и Волгоградской академией МВД России. Избрав этот путь, он остался верен нашему учебному заведению на всю жизнь.

Пройдя сложный путь от старшего преподавателя до профессора кафедры уголовного права, этот выдающийся ученый и вдохновенный наставник являл собой эталон принципиальности к себе и коллегам, излучал ровное, благожелательное отношение ко всем, кто его окружал, и обладал редким даром искреннего сопереживания. Свой бесценный многолетний опыт он щедро передавал ближайшим соратникам и коллегам в стенах Волгоградской академии МВД России.

Профессор В. В. Мальцев был признанным специалистом в области уголовного права, под его руководством сложилось самостоятельное научное направление в развитии уголовно-правовой теории, успешно защищены 15 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Василий Васильевич был не просто учителем — он был мудрым наставником. Он умел направлять не принуждая, дарить знания не возвышаясь и критиковать не унижая. Его советы отличались не только глубиной, но и простотой, позволяя увидеть суть проблемы, отбросив все лишнее.

В. В. Мальцев входил в состав многочисленных советов по защите диссертаций на соискание ученых степеней, а также различных научных комиссий. Его экспертное мнение ценилось чрезвычайно высоко, и он регулярно привлекался к рецензированию научных работ как начинающих исследователей, так и известных ученых.

Профессор кафедры уголовного права доктор юридических наук, профессор В. В. Мальцев

Выступая на научных конференциях, он легко находил общий язык с аудиторией независимо от уровня подготовки участников; его аргументы подкреплялись научными ссылками и производили глубокое впечатление на всех.

Этот ученый умел превращать даже самые сложные концепции в захватывающие истории, иллюстрируя их понятными примерами из повседневной жизни. Его стиль отличался легкостью и остроумием, что делало его выступления не только информативными, но и увлекательными.

Выступление на научной конференции

Значительным вкладом в уголовно-правовую науку являются его монографии:

— «Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий» [2];

— «Категория “общественно опасное поведение” в уголовном праве» [3];

— «Введение в уголовное право» [4];

— «Принципы уголовного права» [5];

— «Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве» [6];

— «Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности» [7];

— «Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве» [8];

— «Учение об объекте преступления: в 2 т. Т. 1: Объект преступления: концептуальные проблемы» [9];

— «Учение об объекте преступления: в 2 т. Т. 2: Объект преступления: роль в составе преступления, законодательстве и его реализации» [10];

— «Объект охраны (преступления) в уголовном праве» [11];

— «Общественно опасное поведение в уголовном праве» [12].

Василием Васильевичем опубликовано более 250 научных работ, нашедших признание в профессиональном сообществе. Его глубокие и содержательные статьи украшают страницы ведущих юридических изданий, среди которых такие авторитетные журналы, как «Государство и право», «Правоведение», «Законность», «Российская юстиция», «Уголовное право», «Публичное и частное право» и многие другие.

До последнего дня в нем горел неугасимый огонь созидания. Опираясь на ранее изданные монографии и сорокалетний опыт научно-педагогической деятельности, он начал работу над научным курсом общей части уголовного права в четырех томах. Его кабинет, утопавший в книгах и рукописях, словно магнит притягивал творческую энергию. Иногда, устав от напряженной умственной работы, он выходил на берег Волги — великой русской реки. Красота природы дарила ему вдохновение. Возвращаясь в кабинет, он вновь погружался в мир уголовного права, полный противоречий и неразрешенных вопросов. Научное сообщество сожалеет о том, что при жизни ученого были изданы только три книги: «Курс российского уголовного права. Общая часть. Т. I. Введение в уголовное право: научное исследование» [13], «Курс российского уголовного права. Общая часть. Т. II. Уголовный закон: научное исследование» [14], «Курс российского уголовного права. Общая часть. Т. III. Преступление. Кн. I. Категория “преступление” в уголовном праве: научное исследование» [15].

За значительные достижения в развитии научно-исследовательской деятельности, талантливое научное руководство и добросовестное исполнение служебного долга В. В. Мальцев неоднократно удостаивался поощрений от Министра внутренних дел Российской Федерации, руководства Волгоградской области и Волгоградской академии МВД России. В знак признания его заслуг Указом Президента Российской Федерации в 1999 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Научная общественность выражает глубокую признательность Василию Васильевичу за его неоценимый вклад в развитие уголовного права, его плодотворная научная деятельность стала мощным импульсом для новых научных изысканий в стенах высших учебных заведений. Благодаря его трудам, актуальные проблемы современной науки получили глубокое осмысление, а результаты исследований нашли применение в правоприменительной практике. Монографии, пособия и научные статьи этого выдающегося человека продолжают служить неиссякаемым источником вдохновения для молодых ученых и опытных практиков, формируя новое поколение юристов, обладающих глубоким пониманием его научной школы «Принципы уголовного права».

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Василий Васильевич Мальцев завершил свой земной путь, оставив после себя яркий след. Светлая память о нем и непререкаемый авторитет его научных трудов навсегда запечатлены в сердцах многочисленных учеников и коллег.

1. Поповский М. А. Судьба доктора Хавкина. [1860—1930]. Москва: Изд-во вост. лит., 1963. 132 с. // RoyalLib.com: электрон. б-ка. URL: https://royallib.com/read/popovskiy_mark/sudba_doktora_havkina.html#204800 (дата обращения: 17.07.2025).

1. Popovsky M. A. The destiny of doctor Khavkin. [1860—1930]. Moscow: Eastern Literary Publishing House; 1963: 132. In: RoyalLib.com: electronic library. Available from: https://royallib.com/read/popovskiy_mark/sudba_doktora_havkina.html#204800. Accessed: 17 June 2025. (In Russ.).

2. Мальцев В. В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. 192 с.

3. Мальцев В. В. Категория «общественно опасное поведение» в уголовном праве. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1995. 188 с.

4. Мальцев В. В. Введение в уголовное право. Волгоград: ВЮИ МВД России, 2000. 204 с.

5. Мальцев В. В. Принципы уголовного права. Волгоград: ВА МВД России, 2001. 266 с.

6. Мальцев В. В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве. Волгоград: ВА МВД России, 2004. 209 с.

7. Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2004. 694 с.

8. Мальцев В. В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве. Волгоград: ВА МВД России, 2007. 223 с.

9. Мальцев В. В. Учение об объекте преступления. В 2 т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. Волгоград: ВА МВД России, 2010. 262 с.

10. Мальцев В. В. Учение об объекте преступления. В 2 т. Т. 2. Объект преступления: роль в составе преступления, законодательстве и его реализации. Волгоград: ВА МВД России, 2010. 278 с.

11. Мальцев В. В. Объект охраны (преступления) в уголовном праве. Москва: Юрлитинформ, 2012. 512 с.

12. Мальцев В. В. Общественно опасное поведение в уголовном праве. Москва: Юрлитинформ, 2014. 648 с.

13. Мальцев В. В. Курс российского уголовного права. Общая часть. В 4 т. Т. I. Введение в уголовное право: научное исследование. Москва: Юрлитинформ, 2015. 488 с.

14. Мальцев В. В. Курс российского уголовного права. Общая часть. В 4 т. Т. II. Уголовный закон: научное исследование. Москва: Юрлитинформ, 2016. 536 с.

15. Мальцев В. В. Курс российского уголовного права. Общая часть. В 4 т. Т. III. Преступление. Кн. I. Категория «преступление» в уголовном праве: научное исследование. Москва: Юрлитинформ, 2017. 520 с.

2. Maltsev V. V. The problem of criminal and legal assessment of socially dangerous consequences. Saratov: Publishing House of the Saratov University; 1989: 192. (In Russ.).

3. Maltsev V. V. The category of "socially dangerous behavior" in criminal law. Volgograd: the Volgograd Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 1995: 188. (In Russ.).

4. Maltsev V. V. Introduction to criminal law. Volgograd: the Volgograd Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2000: 204. (In Russ.).

5. Maltsev V. V. Principles of criminal law. Volgograd: the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2001: 266. (In Russ.).

6. Maltsev V. V. Problems to eliminate criminal responsibility and punishment in criminal law. Volgograd: the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2004: 209. (In Russ.).

7. Maltsev V. V. Principles of criminal law and their implementation in law enforcement activities. Saint Petersburg: Juridical Center Press; 2004: 694. (In Russ.).

8. Maltsev V. V. Punishment and problems of its imposing in the criminal law. Volgograd: the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2007: 223. (In Russ.).

9. Maltsev V. V. Theory of the object of crime. In 2 vols. Vol. 1. The object of crime: conceptual problems. Volgograd: the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2010: 262. (In Russ.).

10. Maltsev V. V. Theory of the object of crime. In 2 vols. Vol. 2. The object of crime: role in corpus delicti, legislation and its implementation. Volgograd: the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2010: 278. (In Russ.).

11. Maltsev V. V. Object of protection (crime) in criminal law. Moscow: Yurlitinform; 2012: 512. (In Russ.).

12. Maltsev V. V. Socially dangerous behavior in criminal law. Moscow: Yurlitinform; 2014: 648. (In Russ.).

13. Maltsev V. V. Course of Russian criminal law. General part. In 4 vols. Vol. I. Introduction to criminal law: a scientific study. Moscow: Yurlitinform; 2015: 488. (In Russ.).

14. Maltsev V. V. Course of Russian criminal law. General part. In 4 vols. Vol. II. Criminal law: a scientific study. Moscow: Yurlitinform; 2016: 536. (In Russ.).

15. Maltsev V. V. Course of Russian criminal law. General part. In 4 vols. Vol. III. Crime. Book I. The category of "crime" in criminal law: a scientific study. Moscow: Yurlitinform; 2017: 520. (In Russ.).

Стрилец Олег Валентинович,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
oleg-strilez@rambler.ru

Strilets Oleg Valentinovich,
professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
oleg-strilez@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 09.07.2025; одобрена после рецензирования 14.07.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 09.07.2025; approved after reviewing 14.07.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

УДК 343.1-05

ОСНОВАТЕЛИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЙ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА УЧЕБНО-НАУЧНОГО КОМПЛЕКСА ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СЛЕДСТВИЮ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Гульнара Хасановна Шаутаева
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, shautaeva@list.ru

Аннотация. Статья посвящена основателям и участникам научной школы «Проблемы доказывания и использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве» Волгоградской академии МВД России: ее руководителю заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации, доктору юридических наук, профессору Е. А. Зайцевой и участникам — профессорам кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел академии доктору юридических наук, профессору М. Т. Аширбековой, кандидату юридических наук, профессору В. Г. Глебову, доктору юридических наук, доценту И. С. Дикареву, доктору юридических наук, профессору М. С. Колосович и доктору юридических наук, профессору Г. А. Печникову. В статье представлен обзор их научных интересов и достижений, приведены факты из биографии. Отмечается, что многие идеи ученых кафедры нашли отклик не только в научном мире, получив развитие в работах их последователей, но и признание среди практиков — руководителей подразделений системы МВД России различного уровня, следователей и дознавателей. Ряд предложений ученых и их учеников были учтены законодателем, а также внедрены в образовательный процесс ведущих отечественных и зарубежных вузов, осуществляющих подготовку специалистов для правоохранительных органов.

Ключевые слова: принципы уголовного судопроизводства, научные деятели, научная школа, М. Т. Аширбекова, В. Г. Глебов, И. С. Дикарев, М. С. Колосович, Г. А. Печников

Для цитирования: Шаутаева Г. Х. Основатели и последователи научных традиций кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 175—182.

FOUNDERS AND FOLLOWERS OF THE SCIENTIFIC TRADITIONS OF THE DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC COMPLEX FOR THE PRELIMINARY INVESTIGATION IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE VOLGOGRAD ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Gulnara Khasanovna Shautayeva
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, shautaeva@list.ru

Abstract. This article is devoted to the founders and participants of the scientific school "Problems of evidence and the use of specialized knowledge in criminal proceedings" at the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia: its guide, honored worker of the higher school of the Russian Federation, doctor of juridical sciences, full professor Ye. A. Zaitseva, as well as the participants — professors at the department of criminal procedure of the educational and scientific complex for the preliminary investigation in the internal affairs bodies of the Academy: doctor of juridical sciences, full professor M. T. Ashirbekova, candidate of juridical sciences, professor V. G. Glebov, doctor of juridical sciences, docent I. S. Dikarev, doctor of juridical sciences,

© Шаутаева Г. Х., 2025

full professor M. S. Kolosovich, doctor of juridical sciences, full professor G. A. Pechnikov. The article provides an overview of their academic interests and achievements, as well as biographical information. It is noted, that many ideas of the department's scientists have found a response in the scientific world, having been developed in the works of their followers, and gaining recognition among practitioners — heads of departments of the Ministry of the Interior of Russia at various levels, investigators and inquiry officers. A number of proposals made by these scientists and their students is taken into account by the legislator, and introduced into the educational process of leading domestic and foreign universities training specialists for law enforcement agencies.

Keywords: principles of criminal proceedings, scientists, scientific school, M. T. Ashirbekova, V. G. Glebov, I. S. Dikarev, Ye. A. Zaitseva, M. S. Kolosovich, G. A. Pechnikov

For citation: Shautayeva G. Kh. Founders and followers of the scientific traditions of the department of criminal procedure of the educational and scientific complex for the preliminary investigation in the internal affairs bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 175—182, 2025. (In Russ.).

Важнейшими составляющими высшего юридического образования являются педагогическое мастерство профессорско-преподавательского состава образовательной организации, передовые научные традиции и богатые книжным фондом библиотеки, которые включают труды ученых в той или иной отрасли науки.

Уголовный процесс — не исключение. Яркие представители уголовно-процессуальной науки Волгоградской академии МВД России — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Е. А. Зайцева, доктор юридических наук, профессор М. Т. Аширбекова, кандидат юридических наук, профессор В. Г. Глебов, доктор юридических наук, доцент И. С. Дикарев, доктор юридических наук, профессор М. С. Колосович, доктор юридических наук, профессор Г. А. Печников, которые длительное время занимаются научным осмыслением положений не только уголовно-процессуального права, но и философии права. Большая часть научных трудов ученых кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России посвящена актуальным теоретико-правовым проблемам науки уголовно-процессуального права, разработке предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Вне всяких сомнений, ученые кафедры внесли неоценимый вклад в теорию уголовного процесса, разработали большое количество теоретических и прикладных положений, имеющих значение как для законодательного регулирования, так и для правоприменительной практики. Более того, ученые кафедры входят в редакционный совет журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России», и многие годы благодаря их принципиальности и профессионализму журнал является востребованным, динамично развивающимся изданием, сохраняет высокие стандарты научности и продолжает способствовать развитию правовой науки и подготовке высококвалифицированных кадров для органов внутренних дел.

Участие ученых Волгоградской школы процессуалистов отличается масштабностью научных интересов ее представителей. За более чем 55 лет своего существования кафедра выработала оригинальные подходы в исследовании многих институтов уголовно-процессуального права, выразившиеся в развитии учения о принципах уголовного процесса, об участниках уголовного процесса, о дифференциации уголовно-процессуальной формы производства по уголовному делу, о судебно-проверочных стадиях уголовного процесса и др. В трудах ученых кафедры сформировано цельное представление об основах уголовного судопроизводства, источниках его развития, сформулированы концептуальные положения, послужившие отправными точками для дальнейшего развития теории уголовного процесса, совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

В отмеченных аспектах результаты научной школы кафедры полезны для обучающихся в образовательных организациях высшего образования юридического профиля и заслуживают внимания представителей юридического сообщества — деятелей науки и сотрудников правоохранительных органов и организаций, занимающихся правовой деятельностью.

Говоря о важной роли ученых кафедры в уголовно-процессуальной науке, остановимся на сфере научных интересов каждого, а также обозначим некоторые жизненные вехи.

Зайцева Елена Александровна, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, полковник полиции в отставке, работает на кафедре уголовного процесса с 1994 г.

Профессиональный путь Е. А. Зайцевой в органах внутренних дел начался в декабре 1983 г. в должности милиционера по охране административно задержанных отдела внутренних дел Красноармейского райисполкома г. Волгограда, что позволило через два года с необходимым стажем практической работы поступить в Высшую следственную школу МВД СССР (ныне — Волгоградская академия МВД России). Уже в период обучения на факультете подготовки экспертов-криминалистов Высшей следственной школы Елена Александровна сделала свои первые шаги в науку в кружке кафедры уголовного процесса под руководством доцента кафедры Ю. В. Манаева, привившего ей интерес к уголовно-процессуальной науке. По окончании обучения профессор пять лет проработала экспертом в экспертных подразделениях УВД Волгоградской области. В период службы в должности эксперта прошла обучение в заочной адъюнктуре Высшей следственной школы и в 1994 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Совершенствование правового института судебной экспертизы в стадии расследования», после чего перешла на преподавательскую деятельность по месту своей учебы.

В 2008 г. Е. А. Зайцева защитила докторскую диссертацию на тему «Концепция развития правового института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства», а в 2010 г. ей было присвоено ученое звание профессора.

Е. А. Зайцева активно занимается научной работой. Ею опубликовано 346 научных и учебно-методических работ; в частности она является автором 3 и соавтором 21 монографии, соавтор 14 учебников и 12 учебных пособий. В системе РИНЦ имеет индекс Хирша — 28.

Сфера научных интересов профессора Е. А. Зайцевой представлена прежде всего проблематикой института специальных познаний в уголовном судопроизводстве. Наиболее яркими работами Елены Александровны представляются такие монографии, как «Правовой институт судебной экспертизы в современных условиях» (Волгоград, 2003 г.), «Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве» (Волгоград, 2006 г.), «Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства» (Москва, 2010 г.), а также опубликованные в соавторстве с ее учениками монографии «Использование специальных экономических знаний в досудебном производстве по уголовным делам» (Волгоград, 2007 г.), «Независимая экспертиза в уголовном судопроизводстве России» (Волгоград, 2008 г.), «Использование специальных познаний в судебном производстве по уголовным делам» (Волгоград, 2010), «Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и технических средств» (Волгоград, 2013 г.).

Е. А. Зайцева с 2013 г. возглавляет научную школу «Проблемы доказывания и использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве». Под ее научным руководством успешно защитили кандидатские диссертации 21 адъюнкт и соискатель. За заслуги в подготовке научно-педагогических кадров в 2015 г. ей присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

Высокий научный статус Елены Александровны подтверждается тем, что многие годы она является членом редколлегий научных журналов «Вестник Волгоградской академии МВД России» и «Судебная экспертиза», журнала «Криминалистика: вчера, сегодня, завтра», членом двух диссертационных советов, функционирующих на базе Волгоградской академии МВД России и Саратовской государственной юридической академии.

Под научным руководством Е. А. Зайцевой курсанты Академии неоднократно занимали первые и призовые места на Всероссийских конкурсах на лучшую научно-исследовательскую работу.

Аширбекова Мадина Таукеновна, доктор юридических наук, профессор, имеет большой опыт научно-педагогической деятельности. С момента окончания в 1984 г. аспирантуры по кафедре уголовного процесса Саратовского юридического института Д. И. Курского непрерывно работала в сфере высшего юридического образования. В 1984 г. ею была защищена кандидатская диссертация на тему «Принцип национального языка уголовного судопроизводства», а в 2009 г. — докторская диссертация на тему «Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия».

В сферу научных интересов М. Т. Аширбековой входят проблемы реализации принципов уголовного процесса, проблемы дифференциации уголовного судопроизводства и гарантий обеспечения прав и основных свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

М. Т. Аширбекова автор более 200 научных работ, в том числе нескольких учебников, монографий и статей в ведущих журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Профессор принимает активное участие в подготовке научно-педагогических кадров, осуществляя научное руководство диссертационными исследованиями и являясь членом двух диссертационных советов, созданных на базе Волгоградской академии МВД России и Саратовской государственной юридической академии.

Под ее научным руководством подготовлены и защищены четыре кандидатских диссертации.

Мадина Таукеновна Аширбекова, как представитель научной школы кафедры, многие годы является членом редакционных советов и коллегий трех периодических научных изданий: «Вестник Волгоградской академии МВД России», «Вестник Саратовской государственной юридической академии», «Правовая политика и правовая жизнь», включенных в Перечень рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (Перечень ВАК).

М. Т. Аширбекова активно участвует в научно-практических конференциях, в том числе международного уровня. В своих ярких выступлениях она затрагивает актуальные проблемы и предлагает оригинальные решения задач уголовно-процессуального права. В настоящее время в сферу ее интересов входят теоретические и законодательные вопросы, связанные с правовым регулированием порядка освобождения от уголовной ответственности лиц из числа участников Специальной военной операции, развитием конституционного и отраслевого законодательства в эпоху глобальных перемен и больших вызовов, тенденциями и перспективами судебной власти и судоустройства.

Глебов Василий Герасимович, кандидат юридических наук, профессор, полковник полиции в отставке.

В. Г. Глебов после службы в Советской армии был рекомендован для работы в органах внут-

ренних дел и к поступлению в Высшую следственную школу, которую закончил с отличием в 1983 г. по специальности «Юриспруденция», квалификация — юрист.

С учетом проявленного во время учебы интереса к научно-исследовательской деятельности был направлен в Елабужскую специальную среднюю школу милиции, где проработал преподавателем, а затем старшим преподавателем цикла (кафедры) криминалистики и уголовного процесса в течение пяти лет. В этот же период активно занимался научными исследованиями, подготовив и защитив в 1989 г. кандидатскую диссертацию на тему «Эффективность освидетельствования при расследовании уголовных дел».

В 1988 г. он был приглашен на работу в Высшую следственную школу, где занимал должности преподавателя, доцента, заместителя и с 2006 г. начальника кафедры уголовного процесса вплоть до ухода на пенсию в 2016 г. Но и после этого продолжил преподавательскую деятельность в качестве профессора кафедры. В 2008 г. награжден нагрудным знаком МВД России «Почетный сотрудник МВД».

Научные интересы В. Г. Глебова охватывают достаточно широкий круг правовых проблем уголовно-процессуального права и соответствующей правоприменительной практики. Это проблемы доказывания, регулирования производства следственных действий, а также обеспечения прав и законных интересов их участников.

Им опубликовано свыше 150 научных и учебно-методических работ, в числе которых учебники, учебные пособия, научные статьи в рецензируемых журналах ВАК и в индексируемых изданиях РИНЦ.

В их числе пять монографий, отображающих концептуальные аспекты: «Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики» (в соавторстве) (три издания 2004, 2006 и 2007 гг.), «Освидетельствование при расследовании преступлений (проблемы эффективности)» (2007 г.), «Правовое положение следователя и прокурора в досудебном производстве (в рамках судебно-контрольных производств)» (2014 г.), «Актуальные проблемы реализации уголовной ответственности и обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве» (2019 г.).

В. Г. Глебов является членом редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России», включенного в перечень ВАК.

В настоящее время В. Г. Глебов работает заведующим кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала РАНХиГС.

Дикарев Илья Степанович, доктор юридических наук, доцент.

И. С. Дикарев окончил Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета по специальности «Юриспруденция» (квалификация «юрист»), после чего поступил в очную аспирантуру Волгоградского государственного университета, которую окончил досрочно, защитив в 2004 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Диспозитивность в уголовном процессе России», а в 2016 году — диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования».

С 2004 г. работает в Волгоградском государственном университете старшим преподавателем, доцентом, профессором кафедры уголовного процесса и криминалистики. В 2011—2012 гг. исполнял обязанности декана юридического факультета Волгоградского государственного университета, с 2012 года — директор института философии, социологии и права, а с сентября 2013 г. по февраль 2019 года — директор института права

Волгоградского государственного университета. В 2019—2020 гг. работал в должности заведующего кафедры уголовного процесса Военного университета Министерства обороны Российской Федерации. С 2020 г. по настоящее время — директор института права Волгоградского государственного университета. С 2024 г. является профессором кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России.

Сфера научных интересов И. С. Дикарева охватывает широкий круг вопросов теории и практики уголовного судопроизводства. Многочисленные труды автора посвящены проблематике общей части уголовно-процессуального права: принципам судопроизводства, уголовно-процессуальным отношениям, мерам процессуального принуждения, уголовного преследования и реабилитации. Среди вопросов, относящихся к досудебному производству, особое внимание И. С. Дикаревым уделяется стадии возбуждения уголовного дела, организации деятельности органов дознания, уголовно-процессуальным актам, процессуальным функциям, реализуемым в стадии предварительного расследования. Среди вопросов судебного производства наибольшее внимание в работах ученым отводится проблемам подсудности, организации и деятельности военных судов, пересмотру в судебно-проверочных стадиях вступивших в законную силу приговора и иных судебных решений.

Профессор И. С. Дикарев — автор и соавтор более 280 научных и учебно-методических работ. Неоднократно выступал в качестве ответственного редактора монографий и сборников статей по проблемам уголовного процесса. Является главным редактором журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» (ВАК), а также членом редакционных советов журналов «Журнал юридических исследований», «Правовое государство: теория и практика», «Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания». Кроме того, является членом редакционных коллегий журналов «Вестник Волгоградской академии МВД России», «Вестник военного права», рецензентом журнала «Юридическое образование и наука».

И. С. Дикарев член диссертационного совета, созданного на базе Волгоградской академии МВД России.

Колосович Марина Сергеевна, доктор юридических наук, профессор, полковник полиции в отставке — признанный авторитет в исследовании вопросов обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

Профессиональная карьера Марины Сергеевны началась в 1992 г. с поступления в Высшую следственную школу. После завершения обучения она приступила к практической деятельности в качестве следователя в территориальных органах МВД России г. Волгограда, что в последующем позволило ей использовать практический опыт в научно-педагогической деятельности в Волгоградской академии МВД России, куда Марина Сергеевна вернулась в 2000 г. и последовательно прошла путь от преподавателя до профессора, защитив сначала кандидатскую («Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм», 2004 г.), а позже докторскую («Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы», 2020 г.) диссертации. Основное внимание ее научных исследований сосредоточено на изучении механизмов обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Ее научные труды, внесшие значительный вклад в теорию и практику уголовного судопроизводства, способствовали развитию названного

направления. В настоящее время ею опубликовано 174 научных и учебно-методических труда, в том числе 7 монографий, 26 учебных изданий, 41 статья в рецензируемых научных изданиях, входящих в Перечень ВАК. Основные труды 115 раз внедрены в научно-образовательную и практическую деятельность МВД России, ФСБ России, ФСКН России, МВД Республики Таджикистан и МВД Республики Беларусь.

Марина Сергеевна член научной секции ученого совета Волгоградской академии МВД России, входит в состав двух диссертационных советов, созданных на базе Волгоградской академии МВД России, в одном из которых является заместителем председателя диссертационного совета. Кроме того, профессор возглавляет журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России», а также входит в состав редакционных коллегий журналов «Вестник Актюбинского юридического института МВД Казахстана» и «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России». Неоднократно выступала в качестве ответственного редактора учебников и сборников статей по проблемам уголовного процесса, рецензировала монографии, учебники и учебные пособия.

М. С. Колосович и ее ученики со своими научными трудами многократно становились победителями научных конкурсов разного уровня. Марина Сергеевна награждена почетными грамотами Министерства внутренних дел Российской Федерации, ей присуждена премия Министра внутренних дел Российской Федерации за победу в конкурсе в номинации «Лучший преподаватель образовательных организаций системы МВД России».

В 2021 г. М. С. Колосович за достижение значительных успехов в государственной и общественной деятельности, добросовестное исполнение служебного долга по обеспечению безопасности и правопорядка, защите законных прав и интересов граждан занесена в Книгу почета Волгоградской академии МВД России, а ее фото находится в галерее «Выпускники академии — наша гордость!».

В настоящее время Марина Сергеевна активно исследует принципы гласности и транспарентности в уголовном процессе. В своих трудах она анализирует вопросы обеспечения открытости деятельности государственных органов, включая правоохранительные и судебные структуры, и ее влияние на демократические процессы в обществе[1], историю появления и развития института гласности[2]. Особое внимание уделяется проблеме баланса между открытостью уголовного судопроизводства и необходимостью защиты государственной и иной охраняемой законом тайны.

Монография «Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны уголовного судопроизводства» представляет собой фундаментальное исследование, в котором М. С. Колосович анализирует эволюцию принципов гласности и транспарентности в России, начиная с зарождения государственности и появления первых правовых норм. Она подчеркивает, что гласность и транспарентность (рассматриваемые ею как родственные, но не идентичные правовые явления) правоохранительных и судебных органов являются важным индикатором уровня демократии в государстве и способствуют укреплению доверия граждан к институтам власти.

М. С. Колосович уделяет особое внимание роли средств массовой информации в обеспечении гласности и транспарентности, предлагая законодательно закрепить механизмы взаимодействия между СМИ и правоохранительными, в том числе судебными, органами, что позволит минимизировать распространение недостоверных данных и защитить права участников уголовного судопроизводства.

Исследования профессора М. С. Колосович имеют важное прикладное значение, ее рекомендации направлены на обеспечение баланса между правом общества на информацию и сохранением тайны предварительного расследования.

---

[1] См., напр.: Колосович М. С., Колосович О. С. Нормативная регламентация гласности уголовного судопроизводства России: ретроспективный анализ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 98—103; Колосович М. С., Павленков Р. В. Транспарентность деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 120—133.

[2] См., напр.: Колосович М. С., Колосович О. С. Анализ преобразования процедуры получения доказательств из публичной в закрытую // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 122—127; Колосович М. С., Чичерин Ю. С. Нормативная регламентация гласности судебного разбирательства периода судебной реформы 1864 года // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3 (54). С. 130—135.

Печников Геннадий Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, полковник полиции в отставке.

На кафедре уголовного процесса академии работает с 1984 г., пройдя путь от преподавателя кафедры до профессора. В 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Принцип презумпции невиновности и проблемы повышения качества предварительного следствия», а в 2005 г. докторскую диссертацию на тему «Диалектические проблемы истины в уголовном процессе».

Г. А. Печников — автор более 100 научных работ, в том числе нескольких учебников, монографий и статей в журналах, рекомендованных ВАК. Является членом редакционной коллегии журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России», входит в состав двух диссертационных советов, созданных на базе Волгоградской академии МВД России, а с 2014 г. по настоящее время действительный член Российской академии естествознания.

Сфера научных интересов Г. А. Печникова охватывает широкий круг вопросов теории и практики уголовно-процессуальной деятельности. Многочисленные труды автора посвящены принципам уголовного судопроизводства и их взаимосвязи с целями уголовного процесса, взаимосвязи уголовного права и уголовного процесса, объективной истине в уголовном процессе, проблемным вопросам уголовного процесса в свете диалектики Сократа, И. Канта и Г. Гегеля[1].

Шаутаева Гульнара Хасановна,
начальник кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
shautaeva@list.ru

Shautayeva Gulnara Khasanovna,
head of the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
shautaeva@list.ru

Статья поступила в редакцию 04.07.2025; одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 04.07.2025; approved after reviewing 11.07.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *

[1] См., напр.: Печников Г. А., Машекуашева М. Х. О значении диалектики формы и содержания, цели и средств в уголовном процессе // Право и управление. 2023. № 6. С. 218—221; Печников Г. А. О несовместимости самодостаточной состязательности с объективной истиной в состязательном УПК РФ // Лоббирование в законодательстве. 2024. Т. 3, № 1. С. 57—62.

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ НА МАТЕРИАЛЫ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, МОНОГРАФИИ И ДРУГИЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Борис Павлович Смагоринский,
профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЮЗАННЫ КАРЛЕНОВНЫ КУЛАХСЗЯН «ПРОВОКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ЕЕ ПРОВЕРКИ И РАЗОБЛАЧЕНИЯ», ПРЕДСТАВЛЕННОЕ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Диссертационное исследование Сюзанны Карленовны Кулахсзян «Провокация преступления и криминалистические методы ее проверки и разоблачения», представленное на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), актуально как в теоретическом, так и в практических аспектах. Провокационная деятельность в целом и провокации преступления в частности весьма многообразны и латентны в объективной действительности и негативно влияют на доверие граждан к правоохранительной системе. Имеющиеся связи провокации преступления с тяжкими и особо тяжкими преступлениями осложняют деятельность по их раскрытию, расследованию, а их проверка и разоблачение выступают самостоятельной задачей для следователя.

Стремительная цифровизация преступности свидетельствует о повторяемости и типичности цифровых способов провокации преступления. Правоохранительные органы ежедневно сталкиваются с проблемами при проверке, разоблачении провокации преступлений не только должностных лиц, но и криминальных провокаторов и даже жертв. Отсутствие законодательного закрепления «провокации преступления» несет неточности в правоприменении и в разработках в науке криминалистике и смежных уголовно-правовых науках.

Перечисленное, как и ряд других обстоятельств, требует криминалистического познания провокации преступления и разработки криминалистических методов ее проверки и разоблачения, что и обусловило своевременность и актуальность диссертационного исследования С. К. Кулахсзян (с. 3—5). Объект и предмет диссертационного исследования, с одной стороны, отражают традиции, заложенные Р. С. Белкиным, Н. П. Яблоковым и многими другими ведущими учеными-криминалистами, а с другой — логично раскрывают направления и сферы познания С. К. Кулахсзян (с. 7). Цель диссертационного исследования согласуется с актуальностью, объектом, предметом исследования, заключается в преодолении современных проблем отечественного правоприменения, связанных с провокацией преступления, на основе криминалистического познания ее содержания и созданного комплекса криминалистических методов по ее проверке и разоблачению в процессе расследования преступлений (с. 8). Задачи исследования (с. 8) отражены в структуре и содержании диссертационного исследования, полученных выводах, рекомендациях (с. 207—224), при этом характеризуют развитие криминалистической науки и ведущих научных школ на современном этапе. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, семи параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

Методологическая основа диссертационного исследования С. К. Кулахсзян достаточно детально раскрыта применительно к способам, приемам, подходам поэтапного (согласно поставленным задачам) познания провокации преступления и криминалистических методов ее проверки и разоблачения как на теоретическом, так и эмпирическом уровне. Теоретическая основа диссертации представлена трудами и разработками отечественных и зарубежных ученых различных научных школ, направлений криминалистики, судебно-экспертной деятельности, оперативно-разыскной деятельности, уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права, уголовно-процессуального права, теоретиков права, фи-

лософии, науковедения, психологии, социологии, математики и ряда других наук (библиографический список состоит из 217 источников, с. 224—249). Эмпирическая основа диссертационного исследования достаточно репрезентативна (с. 11—12), она включает 312 уголовных дел и 116 обвинительных приговоров, рассмотренных судами в 2007—2024 гг. Из них по служебной провокации преступления 184 уголовных дела (37 уголовных дел по ст. 304 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), рассмотренных в 2004—2011 гг., а также 147 уголовных дел по ст. 286, 303, 307 УК РФ); криминальной провокации преступления — 128 уголовных дел (по ст. 105, 111, 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6, 195, 210, 213, 228, 264, 307 УК РФ); виктимной провокации преступления — 116 обвинительных приговоров и других судебных документов, содержащихся в государственной автоматизированной системе «Правосудие» на платформе Интернет-ресурса «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт) (по ст. 105, 111, 112, 113, 131, 167 УК РФ); результаты опроса 173 сотрудников органов внутренних дел (из них 62 оперуполномоченных БЭП и ПК). Отдельно исследованы статистические данные ГИАЦ МВД Российской Федерации за 2004—2024 гг. и судебная статистика в разделе «Уголовное судопроизводство» от Агентства правовой информации за 2004—2023 гг.

Исследование обладает научной новизной (с. 12—13), так как сформулированные в нем предложения могут использоваться в развитии теоретических основ криминалистики, криминалистической тактики, криминалистической методики, обогащают научные основы дальнейшего совершенствования деятельности правоохранительных органов и повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений. При этом работа проиллюстрирована интересными примерами из судебной, следственной практики, органически вписывающимися в содержание исследования и раскрывающими выводы и предложения С. К. Кулахсзян.

С точки зрения вклада в науку криминалистику наиболее значимы следующие положения, выносимые на защиту:

1. Предложено криминалистическое понятие провокации преступления в широком значении как разновидность человеческой провокационной преступной деятельности, представляющая собой совокупность всех форм и способов прямых и опосредованных провокаций преступлений, самостоятельных преступных и иных противоправных провокационных действий и поступков провокатора и вспомогательных участников, подталкивающих других лиц к совершению преступления, инсценированию совершенного преступления и / либо фальсификации уголовного преследования, шантажа и связанных с ним последствий, и в узком значении как форма служебной провокации преступления, представляющая собой совокупность способов преступного противодействия правосудию со стороны должностного лица из правоохранительных органов и вспомогательных участников по подготовке, совершению и сокрытию искусственного формирования доказательств совершенного преступления спровоцированным, без его согласия и соответствующих действий, предусмотренных ст. 286, 303, 304, ч. 3 ст. 306 УК РФ и рядом других преступлений, предусмотренных УК РФ, в целях его уголовного преследования, связанных с ним последствий и / или шантажа. Установлено, что по направленности провокации преступления провокатором следует выделить: 1) аутоагрессивного провокатора (создание условий для совершения в отношении себя преступления спровоцированным); 2) визави-провокатора (создание условий для совершения преступления, либо видимости совершенного спровоцированным в отношении других лиц преступления). Доказано, что провокация преступления подразделяется на: а) прямую, т. е. реализуемые методы воздействия провокатора создают условия, в связи с которыми возникает умысел и совершается преступление спровоцированным; б) опосредованную, в которой провокатором созданы (спровоцированы) ложные представления о совершении провоцируемым преступления (реального или мнимого) с помощью способов инсценировки или фальсификации; в) комбинативную провокацию преступления. Выводы о том, что способы прямой провокации преступления представляют собой умышленные действия провокатора, приведшие к фактическому совершению общественно опасного деяния спровоцированным, ввиду его склонения и сложившейся ситуации, а также то, что способы опосредованной провокации преступления представляют собой приемы (способы) инсценировки совершения несуществующего или реально совершенного преступления провоцируемым с последующей фальсификацией (материальной / вербальной). Такие приемы (способы) инсценирования провокатором и последующей фальсификации участия спровоцированного в событии представляют собой умышленные действия, направленные на создание видимости и формирования искусственной системы «механизм преступления и его участники» и ложных представлений у провоцируемого, а впоследствии и у субъекта предварительного расследования.

2. Доказано, что служебная провокация преступления относится к общей криминалистической классификации, в которой выделены группы по форме и типу провокации преступления; формированию в объективной действительности; отношению к преступной деятельности; уголовно-правовым характеристикам; виду провоцируемого общественно опасного деяния, предусмотренного УК РФ; степени тяжести провоцируемого общественно опасного деяния, предусмотренного УК РФ; субъекту и степени участия в провокации преступления; численности; степени сложности системы действий (поведения); использованию высокотехнологичных способов; проявлению в объективной действительности; способу провокации; содержанию воздействия на провоцируемое лицо; наступлению последствий провокации преступления; другие. Установлено, что индивидуальная провокация преступления относится к частной криминалистической классификации.

3. Предложены криминалистические рекомендации по совершенствованию первоначального и последующего этапа расследования служебных провокаций взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

4. Представлены научно-обоснованные и апробированные практикой советы по применению тактических приемов производства следственных действий при проверке, разоблачении криминальных и виктимных провокаций (осмотра места происшествия, освидетельствования, допроса спровоцированного, допроса провокатора, допроса свидетелей).

Первая глава диссертационного исследования «Криминалистическое понятие, содержание и формы, взаимосвязи, классификации провокации преступления» состоит из трех параграфов, в которых даны понятие и характеристика элементов провокации преступления, раскрыты формы и изучены взаимосвязи провокации преступления и криминалистических методов ее проверки и разоблачения, представлены криминалистические классификации провокаций преступлений (с. 21—86).

В параграфе первом «Понятие и элементы, характеризующие криминалистическое содержание провокации преступления», согласно онтологическим и гносеологическим основам науки криминалистики, деятельностному подходу и результатам эмпирического исследования, рассмотрены наиболее значимые элементы провокации преступления, характеризующие ее содержание: 1) субъекты, участвующие в провокации преступления; 2) способы провокации преступления; 3) объект провокации преступления. Следует поддержать диссертанта в том, что провокационная деятельность (поведение) или отдельно взятая провокация преступления выступают одной из составляющих преступной и связанной с ней посткриминальной деятельности (поведения), в том числе проявляющейся в сферах оперативно-разыскной, криминалистической и уголовно-процессуальной деятельностей при совершении должностных преступлений и / или преступлений против правосудия (с. 21—22).

В параграфе втором «Формы, взаимосвязи провокации преступления и криминалистических методов ее проверки и разоблачения» С. К. Кулахсзян отмечает, что криминалистическая природа провокационной противоправной деятельности как составляющей преступной и связанной с ней посткриминальной деятельности целостно разнообразна (и рассматривается несколько шире, чем в уголовном праве и криминологии), а составляющие ее связи, приемы, способы на различных этапах порой парадоксальны, алогичны и противоречивы. В заключении данного параграфа с учетом проведенного исследования уточнен и дополнен предмет науки криминалистики.

В третьем параграфе «Криминалистические классификации провокаций преступлений» автором отмечается, что классификации в криминалистике стали ведущим подходом в систематизации как познанных предметных закономерностей объективной действительности и получаемых на их основе криминалистических знаний, используемых в борьбе с преступностью, так и понятий, терминов, категорий языка науки криминалистики.

Глава вторая «Криминалистические методы проверки и разоблачения провокации преступления» включает четыре параграфа (с. 87—206), в которых диссертантом рассмотрены, согласно поставленным задачам диссертационного исследования, теоретические и практические предпосылки совершенствования и развития методико-криминалистического обеспечения проверки, разоблачения служебных провокаций преступлений; основы частных методик расследования служебных провокаций преступлений и вопросы повышения их эффективности в правоприменении; совершенствование первоначального и последующего этапа расследования служебных провокаций взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд; особенности тактики проверки, разоблачения криминальной и виктимной провокаций преступлений.

В первом параграфе «Теоретические и практические предпосылки совершенствования и развития методико-криминалистического обеспечения проверки, разоблачения служебных провокаций преступлений» отмечается, что криминалистические методы борьбы с провокациями преступлений включают проверку провокации преступления; разоблачение провокации преступления. С. К. Кулахсзян обращает внимание на то, что различия между формами служебной и индивидуальной провокаций преступления, их взаимное проникновение, а также проведенные в первой главе криминалистические классификации провокаций преступлений позволяют сделать выводы о структуре и направлениях совершенствования и развития методико-криминалистического обеспечения проверки и разоблачения служебных провокаций преступлений (с. 94).

Во втором параграфе «Основы частных методик расследования служебных провокаций преступлений и вопросы повышения их эффективности в правоприменении» представлены типовые объект, предмет, цель, выделена практическая направленность, обоснована типовая структура криминалистической характеристики.

В третьем параграфе «Совершенствование первоначального и последующего этапа расследования служебных провокаций взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» предложены научно обоснованные и апробированные практикой советы по совершенствованию первоначального и последующего этапа расследования служебных провокаций взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, даны соответствующие рекомендации.

В четвертом параграфе «Особенности тактики проверки, разоблачения криминальной и виктимной провокаций преступлений» представлены научно обоснованные и апробированные практикой советы по применению тактических приемов производства следственных действий при проверке и разоблачении криминальных и виктимных провокаций.

В заключении представлен ряд выводов и рекомендаций теоретического и практического характера применительно к вопросам повышения эффективности проверки и разоблачения провокаций преступлений.

В приложениях автором достаточно подробно представлены различные статистические, аналитические и тематические данные, полученные в ходе диссертационного исследования. Необоснованные заимствования в тексте диссертации не выявлены. Полученные результаты диссертационного исследования представляются объективными и достоверными.

Таким образом, при наличии актуальности и новизны, признавая авторскую оригинальность и состоятельность диссертанта, обоснованную научную смелость, значимость для процессов предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, в то же время необходимо отметить, что в диссертации, как и в любой исследовательской работе, имеется ряд вопросов, замечаний, требующих пояснения и аргументации:

1. Поддерживая диссертанта в использовании деятельностного подхода для познания криминалистической природы провокации преступления в главе первой первого параграфа «Понятие и элементы, характеризующие криминалистическое содержание провокации преступления», считаем, что следовало отдельно исследовать вопрос о факторах, детерминирующих провокационную преступную деятельность.

2. При изучении объекта провокации преступления (с. 53—56) диссертантом выделен фактический объект и правовой аспект последствий провокации преступления, в связи с чем возникает вопрос: означает ли это единство в их понимании, либо их следует рассматривать отдельно, а также по какой причине выделенные виды спровоцированных лиц рассматриваются отдельно от субъектов провокации, не нарушает ли это имеющиеся криминалистические связи и взаимозависимости (провокатор—провоцируемый)?

3. Необходимо было более детально изучить криминалистические проблемы провокации преступления применительно к такому уголовно-правовому институту, как исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ).

4. Представляется, что в параграфе третьем «Совершенствование первоначального и последующего этапа расследования служебных провокаций взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» нужно было отдельно исследовать не только криминалистические особенности проверки результатов оперативно-разыскной деятельности, но и особенности взаимодействия следователя и оперативных сотрудников

в проверке и разоблачении должностных провокаций преступлений, включая вопросы цифрового розыска; необходимо было более детально проработать вопрос о связях сформированной методики расследования должностных провокаций с другими методиками расследования преступлений.

5. Следовало отдельно рассмотреть в параграфе четвертом главы третьей «Особенности тактики проверки, разоблачения криминальной и виктимной провокаций преступлений» организационные, тактические и технико-криминалистические приемы, средства и методы предупреждения криминальных провокаций преступлений.

Изложенные вопросы, замечания, пожелания не снижают высокую положительную оценку результатов диссертационного исследования С. К. Кулахсзян и носят рекомендательный характер.

На основании изучения диссертационного исследования Сюзанны Карленовны Кулахсзян «Провокация преступления и криминалистические методы ее проверки и разоблачения» можно сделать вывод, что оно является законченной самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой сформулированы теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, имеющее значение для развития уголовно-правовых наук, по содержанию и форме соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук, предусмотренным п. 9—14 Положения «О порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 16.10.2024).

Автор диссертации — Сюзанна Карленовна Кулахсзян — заслуживает присвоения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 250 экземпляров. ISSN 2074-8183.

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России». Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 22761.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей, их аннотации и пристатейные библиографические списки размещаются на сайтах научных электронных библиотек eLIBRARY.RU **(www.elibrary.ru)**, «КиберЛенинка» **(www.cyberleninka.ru)**, в системе «Гарант» **(www.garant.ru)**, электронно-библиотечной системе Znanium **(www.znanium.ru)**.

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

— представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;

— представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;

— информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;

— обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных организаций;

— аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.
2. Уголовный процесс.
3. Криминалистика.
4. Оперативно-разыскная деятельность.
5. Трибуна молодого ученого.

Представляемая к изданию рукопись должна:

— по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;

— содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать ее в названии работы;

— предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи должны быть подготовлены в редакторе Microsoft Word в формате А4 через полтора интервала, шрифт Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм. Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисуночных подписей, названий таблиц. Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте. Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

— заголовок на русском и английском языке;

— аннотацию[1] на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);

— ключевые слова[2] на русском и английском языке;

[1] **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

[2] **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного

— сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);

— пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;

— код универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

— копия подписной квитанции;

— заявка (бланк на сайте);

— идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо направить на сайт: *https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/245/view*;

— отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.
Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,
журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».
Сайт: https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/245/view
Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» по следующим критериям:

— актуальность;

— научная новизна;

— теоретическая и прикладная значимость;

— исследовательский характер;

— логичность и последовательность изложения;

— аргументированность основных положений;

— достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, устранения замечаний, проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакция журнала отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования принимается окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают его основное содержание. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

ЗАЯВКА[1]
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью «_____
_____»
название статьи
в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.

2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.

3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).

4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).

5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также п. 2 Инструкции по организации деятельности по обращению со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России, утвержденной приказом МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».

6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.

7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения[2]:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

«___» _____ 20___ *подпись* *фамилия, инициалы*[3]

[1] Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.
[2] Таблица заполняется на каждого автора.
[3] Заявка подписывается каждым автором.